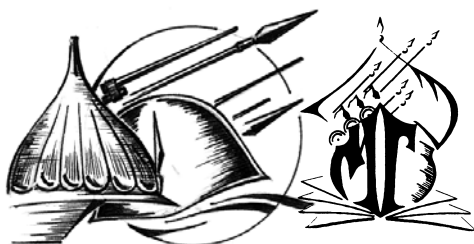

Россия, Русь! Храни себя, храни!

4
2019

Союз писателей России

**Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал**
Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Юрий БОЛДЫРЕВ. Сладим ли Курилы?	3
Валерий ХАТЮШИН. Выход из тупика	65
Валентин СЕМЁНОВ. Аморализм «элит»	75
Наталья НАРОЧНИЦКАЯ. Наша идеология — вечная Россия	117
Мария МОНОМЕНОВА. Мое открытие Сирии	143

ПРОЗА

Владимир ПРОНСКИЙ. Герань в распахнутом окне. Роман. Продолжение	10
Владимир КРУПИН. Исцеление. Рассказ	79
Виктор ТРЫНКИН. Лёнька. Рассказ	124
Фёдор ОШЕВНЁВ. «Честное имя» генерала. Рассказ	161

ПОЭЗИЯ

Дмитрий БАЛАШОВ. Предтеча зари. Стихи	55
Светлана ЛЕОНТЬЕВА. Моя Атлантида. Стихи	61
Марина АХМЕДОВА. Дым Отечества. Стихи	109
Виктор КАРПУШИН. У светлой реки. Стихи	113
Стихи поэтов Дагестана	135

ДОСЬЕ «МГ»

Владимир БОЛЬШАКОВ. Кто нас учит Родину любить? 175

СИМВОЛ ВЕРЫ

Владимир ОСИПОВ. Томос предателя 188

ДОРОГИ И СУДЬБЫ

Владимир ПЕТРОВ. «И был увенчан я...» 194

НАЦИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Анатолий БАЙБОРОДИН. Слово о русском слове 210

ЛАРЕЦ

Николай ТРЯПКИН. Стихи 229

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Филипп ЛЕБЕДЬ. История границы с Китаем 242

О мемуарах Скоропадского 249

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Владимир АНИЩЕНКОВ. Первый украинский фронт 253

Сергий КАРАМЫШЕВ. В чём польза укронацистского
режима? 256

Виктор БАРАКОВ. Год капитуляций 259

Алексей ЧИЧКИН. Планы разрушения без срока
давности 261

Фёдор ПАПАЯНИ. Идеология политической нации 263

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Валерий ХАТЮШИН. Протуберанцы. Размышления
и воспоминания. Продолжение 267

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Михаил АНТОНОВ. Пушкин и ныне — наше всё 279

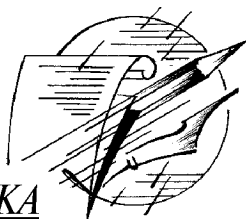
СДАДИМ ЛИ КУРИЛЫ?

Как же — удивится читатель, — ведь не могут же они одной рукой вроде за страну: и Крым вернули, и С-300 в Сирию, наконец, вроде, поставляют, да и по всем телеканалам целыми днями вроде за патриотизм наяривают, но другой рукой — взять да и отдать наши территории японцам?

К сожалению, именно эта шизофреническая раздвоенность, когда между крайне настораживающими фактами и оптимистичной, а то и помпезной картинкой на телеэкране выбирается картинка, не позволяет нашему народу осознать, что с ним делают, к чему ведут.

Важен применяемый категориальный аппарат — те термины, которые целенаправленно вводятся и используются, становятся привычными, но не должны вводить нас в заблуждение.

Так, когда говорят о передаче Японии каких-то там двух, а то и даже четырех (как того требует Япония) островов, у граждан формируется превратное представление: мол, речь о чем-то очень отдельном и спорном. Но ни в ныне действующей Конституции страны, ни в обычаях и традициях

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

как нашего народа, так и всего мира, нет такого, чтобы вся территория страны (нашей или какой-то другой) — отдельно, а какие-то как будто спорные части — отдельно.

Есть единая территория страны. И она неприкосновенна. И по Конституции, и по более важному: историческому праву — итогам кровопролитной 2-й Мировой войны.

Таким образом, важно зафиксировать: не о каких-то как будто «спорных» островах речь (в действующей Конституции ни о каких «спорных» территориях — ни слова), но о части единой и неделимой территории нашей страны — России.

В обоснование необходимости, да и самой возможности передачи Японии части нашей суверенной территории приводится такой «неубойный» аргумент, как совместная советско-японская Декларация 1956 года.

Действительно, такая Декларация была. Более того, она была оформлена как международный договор и ратифицирована сторонами. Но важно понимать, что она содержала как положения, вступившие в действие сразу после ратификации (дипломатические отношения, торговля, возвращение пленных японцев домой и т.п.), так и положения, лишь декларирующие намерение в будущем — при определенных условиях.

Действительно, Декларация предполагала, что после подписания мирного договора между СССР и Японией (то есть, в случае такого события) два острова будут переданы СССР Японии. Но, по имеющимся данным, США оказали тогда давление на Японию — с целью, чтобы она не отказывалась от требования и еще двух островов, что сделало подготовку и подписание мирного договора невозможным.

В целом важно подчеркнуть, что Декларация содержала условие, являющееся еще неопределенным, о котором еще предстояли сложные переговоры с неизвестным заранее итогом — подписание мирного договора. Что именно в нем должно было содержаться? Иначе говоря, на каких условиях стороны согласились бы подписать мирный договор? Это Декларация, разумеется, никак не определяла, и принудить стороны в этой части ни к чему не могла. И потому в части заключения мирного договора и передачи островов изначально была и осталась не более чем декларацией о намерениях — и реализована не была.

Здесь нужно пояснение: почему СССР был готов поделить двумя островами, а США давили на Японию и требовали, чтобы она настаивала на четырех?

Дело в том, что целая группа островов, условно называемая как два острова Шикотан и Хабомаи, находится несколько в стороне и, по действующему международному мор-

скому праву, не открывает другим странам ныне наше внутреннее Охотское море — для свободного мореплавания и использования его биоресурсов, а также, что не менее важно, стратегическую для нашей обороноспособности акваторию. Добавление же к «щедрому посулу» советского руководства еще двух островов (Кунашир и Итуруп), на чем, вроде как (по имеющимся и публиковавшимся сведениям), настаивали оказывавшие давление на японское правительство США, неминуемо открывало бы Охотское море. Понятно, что требование США, оформленное как требование Японии, было для СССР неприемлемо.

А затем, спустя четыре года, между Японией и США был подписан договор о безопасности, в соответствии с которым на территории Японии и далее сохранились американские военные базы. И вот тогда Советское правительство направило ноту правительству Японии, в которой указало, что с новым японо-американским договором ситуация меняется и СССР уже не может передать Японии ранее предполагавшиеся в Декларации к передаче два острова.

Японская сторона, разумеется, с этим не согласилась. Но разве для нас это важно?

Существенно одно — факт. А именно: мирный договор подписан не был, и потому часть Декларации о передаче СССР Японии двух островов... осталась лишь декларацией. То есть не более чем прошлым взаимным, но не реализованным намерением.

Нам же сейчас важно другое. А именно: накладывает ли вся эта ситуация теперь, спустя более шести десятков лет, какие-либо обязательства на нас — на современную Россию?

Приведу две аналогии.

Первая. Даже из юридически безупречных и выполнявшихся ранее сторонами международных договоров США сейчас берут и в одностороннем порядке выходят — в связи с изменением ситуации. Или даже всего лишь в связи с изменением их односторонней оценки ситуации, например, в договоре по ядерной программе с Ираном. А что же мы? Из договора с кем США так же односторонне выходят?

Ладно, допустим, если какой-нибудь Дональд хамит кому-нибудь Владимиру, то из этого не следует, что Владимиру к лицу быть некорректным по отношению к кому-то третьему, например, Синдзо. Но, согласитесь, совершенно иная ситуация, если этот Синдзо — стратегический союзник Дональда? Можно сказать, его Санчо Панса — верный оруженосец, которого в свое время обоснованно так и называли — «непотопляемый авианосец США у берегов СССР»...

И аналогия вторая. Допустим, вы подписали когда-то декларацию, что если станцуете с кем-то «польку», то затем передадите ему сто рублей. Но ситуация изменилась, и передавать сто рублей у вас отпало желание — танец того не стоит, оснований не стало. Обязательно ли передавать сто рублей, притом что и «польку» не танцевали? Ответ очевиден: просто не надо танцевать «польку».

Не надо танцевать «польку» перед верным оруженосцем нашего стратегического противника, односторонне публично объявившего противником нас. Для этого нет и в перспективе не предвидится абсолютно никаких оснований.

Таким образом, **перед японцами у нас совершенно никаких обязательств нет: о мирном договоре не договорились и вовсе нет нужды договариваться.**

А перед своими предками у нас какие обязательства? Неторопиться бездумно и безответственно выполнять какие-либо не вполне удачно подписанные ими, но, слава богу, не обязательства, а лишь декларации о намерениях, но, прежде всего, не разбазаривать территорию страны.

Ностальгия по советскому многих из нас толкает в очередную ловушку: как же, если еще руководство СССР пообещало...

Во-первых, выше мы уже установили, что отнюдь не пообещало безусловно, а обусловило. Не случилось — и до свидания.

И, во-вторых, не стоит теперь вдруг принимать позицию, что руководство СССР действовало во всем и всегда совершенно верно и безупречно. Совершались и досадные ошибки. Достаточно напомнить пример с передачей Крыма.

Добавлю еще один акцент. Это в соответствии с тогдашним и современным морским правом передача островов Хабомаи и Шикотан не вскрывала бы для иностранцев наше внутреннее Охотское море. Но кто гарантирует нам, что именно эти нормы и правила будут действовать вечно, что не будут внесены «точечные» изменения, которые сделают для вскрытия Охотского моря достаточным обладания Японией этими двумя островами?

Наконец, почему руководство СССР ограничилось лишь нотой правительству Японии после подписания японским правительством договора о безопасности с США и тем фактического закрепления статуса Японии как страны, долгосрочно оккупированной США, принципиально зависимой? Почему не провело процедуру денонсации Декларации 1956 года и тем не отказалось официально от хотя и обусловленного, но всё же обещания передачи островов? Не хотели пор-

тить отношения с Японией? Но ведь по факту эти отношения установились ровно на том уровне, какой диктовали США. Хуже они не были не потому, что гениальная советская дипломатия не денонсировала Декларацию, а лишь потому, что достигнутый уровень отношений был выгоден и Японии. Вот это считаю ошибкой, за которую сегодня уже не с кого спрашивать, но признавать которую именно как ошибку необходимо для того, чтобы не повторять.

Кстати, в иной сфере и иной форме в современной России была аналогичная ошибка: не отказ своевременно от подписанного, но не вступившего в действие договора — уже недешево стране обошелся. Напомню: Договор о Европейской энергетической хартии был подписан руководством России в конце 90-х, но тогдашнее лево- и национально ориентированное большинство в Думе отказалось его ратифицировать. А спустя время и глава государства (уже сменившийся) изменил позицию: в 2003 году президент Путин заявил, что мы не будем этот документ ратифицировать.

Казалось бы, сказано — сделано. То есть нужно было немедленно отзывать подпись под договором (раз источник власти — народ и его представитель — парламент не согласны): мол, извините, ошиблись, в следующий раз перед подписанием договора будем предварительно тщательнее изучать мнение народа и его представителя — парламент. Но, к сожалению, это своевременно сделано не было, что и дало основания в Европе говорить о «временном применении» договора и тянуть наши власти в Гаагский третейский суд по искам бывших акционеров ЮКОСа...

Такие уроки надо своевременно учить и ошибки не повторять.

Главной же фундаментальной ошибкой руководства СССР того периода представляется сама идея принципиальной возможности ставить на кон в торге хоть о мире, хоть о дружбе, хоть о чем угодно хотя бы даже самый маленький и никчемный кусочек территории страны. В этом была принципиальная ошибка, за которую теперь так усердно и успешно цепляются наши враги.

Но вот ведь вопрос: тогда, возможно, у советского руководства были иллюзии, что Японию удастся такой ценой оторвать от США. Напомню существенное отличие от нынешних времен: тогда стратегического ракетно-ядерного паритета между СССР и США еще не было, и удаление американских военных баз от территории СССР на Востоке представлялось стратегически важным. Но теперь-то у нашего нынешнего руководства какие могут быть иллюзии?

Когда задаешься вопросом о том, ради чего в принципе сегодня можно пытаться вести переговоры с Японией о мифическом «мирном договоре» (абсолютно никому низачем не нужном), ради которого можно в той или иной форме хотя бы частично (пусть даже и в форме «совместного освоения») пожертвовать суверенитетом над какой-то частью территории страны, то выясняется, что никаких аргументов в принципе нет. То есть нет абсолютно ничего такого, что хотя бы иллюзорно можно было бы рассматривать как стратегический выигрыш России в обмен на часть суверенной территории.

Если же речь о выигрыше коммерческом, то стоит ли говорить, что сама постановка вопроса о коммерческой торговле землями, политыми кровью наших солдат, — не ошибка, а кощунство и преступление?

Слишком многие последние заявления и действия нынешнего российского руководства не вселяют оптимизма. Да, одной рукой вернули Крым. Но Крым — не индугенция. Ведь другой рукой — важная часть акватории Баренцева моря просто так отдана Норвегии, и политые кровью наших бойцов острова на Амуре — отданы Китаю. И огромные территории Сибири и Дальнего Востока теперь переводятся в режим «территорий опережающего развития», по сути — сдаются почти по аляскинскому варианту корпорациям, с риском в недалеком будущем получить на этих территориях еще и косовские прецеденты, когда дети завезенных на эти территории иностранцев (в основном китайцев) начнут с оружием в руках отстаивать «свою» землю.

Если уже декларируемые властями намерения «совместно осваивать» с японцами наши Южные Курилы рассматривать изолированно от других событий и действий, то, конечно, это вызывает удивление — не хочется верить. Но если честно видеть и всё прочее, мною перечисленное, то, похоже, планируемая сдача противнику (а Япония не перестанет быть стратегическим союзником США — не надо иллюзий) наших Южных Курил уже не выглядит таким уж исключением, а вписывается в общую стратегию сдачи...

Логика здесь неумолима. Если вчера — акватория Баренцева моря, а сегодня — ТОРы, то завтра — Южные Курилы. Если завтра — Южные Курилы, то послезавтра на очереди — Калининградская область и Карелия...

Стоит только начать... Киев первым предъявит претензии Москве за «свою землю», если Россия пойдет на компромисс с Японией.

14 декабря в Москве прошел «круглый стол» различных политических и общественных движений по проблеме защи-

ты территориальной целостности России в условиях ползучей сдачи территорий страны под прикрытием ТОРов («территорий опережающего развития») и нависшей угрозы отъезда российских властей от безусловного суверенитета России над Южными Курилами.

На совещании выступили представители двух десятков самых разных партий и движений, от крайне левых, включая две группы сторонников идеи продолжения юридического существования СССР, до крайне правых и даже монархических. За исключением лишь одного оратора, сославшегося на некие «тонкости дипломатии», никто более не нашел никаких даже малейших оправданий самому факту ведения нынешним российским руководством переговоров с Японией, предполагающих в принципе возможность уступки хотя бы доли суверенитета страны над какой-либо частью ее территории.

На рассмотрении совещания были внесены три проекта резолюций, в том числе документ, подготовленный Комитетом национального прорыва, ведущим постоянную самоотверженную работу по пикетированию в знак протеста против сдачи Южных Курил.

По итогам совещания почти единогласно (за исключением нескольких воздержавшихся) была принята за основу резолюция, оценивающая даже сам факт ведения переговоров, предусматривающих возможность уступки суверенитета России над частью ее территории (в данном случае — уступки каких-либо островов Южно-Курильской гряды Японии) как **тяжкое государственное преступление**.

Также было принято важное решение о создании объединенной (из представителей самых разных движений и партий, по прочим вопросам редко находящих общий язык) общественной комиссии по изучению (расследованию) фактов и обстоятельств преступных действий по уступке территориального суверенитета страны в нарушение действующей Конституции и интересов сохранения и развития России.

Есть надежда, что, объединившись по этой проблеме, мы не позволим властным чиновникам распродать страну.

«Свободная пресса»

ГЕРАНЬ В РАСПАХНУТОМ ОКНЕ

РОМАН

21

В новогодние каникулы Ключи повеселели. Детишек набралось полдюжины, и устроили они катание с горки: с утра до вечера слышался смех и наблюдалась суматоха. Завождениями стали внуки Макаровой: одному девять лет, другому двенадцать. Они первыми начали осваивать заснеженный склон, утюжа его самокатами, и совместно с другими сверстниками, гостившими в Ключах, начистили до матового блеска. Ребятишек никто из взрослых не останавливал, понимая, что лучшего занятия для них не придумать. Главное, при деле и на виду. Катайтесь себе на здоровье, мы в ваши годы тоже по избам не сидели. Иногда к детворе присоединялись их подвыпившие отцы, но, ковырнувшись пару-тройку раз, извалявшись в снегу, вдоволь нахохотавшись, они охладевали к забаве, но всё равно возвращались в тепло радостными от собственной напускной дурашливости. Как-то и Кузнецов прошёл мимо и увидел дочь Марии, очень похожую на мать. Такая же

Продолжение. Начало в № 1-2 за 2019 г.

ПРОЗА

лицом приглядная, только повыше будет, постройнее, но это и понятно: молодая же!

На горке часто бывали ключанские старухи. Они собирались в сторонке, тоже вспоминали детство, а более обсуждали деревенские новости, и самую главную из них: о Кузнецове и Макаровой. Все знали, в какое они положение оба попали, особенно Володя, и теперь ждали скандала. Никто вслух не высказывал нетерпеливого ожидания, но все тайно надеялись, что именно так и будет. Поэтому при встречах задавали один и тот же вопрос в разных его вариациях.

— Чего слышно-то? — спрашивала, например, Устюжанина у Немки, а та, всё понимая, огорчалась:

— Да всё тихо пока... Надо у Анны спросить. Она зачем-то ходила к нему, но как у неё спросишь-то. Она ведь какая: ты к ней с одним вопросом, а у неё тысяча ответов готово, и все надо выслушать — иначе обида будет невозможная.

Анна Кузмичёва действительно была у Володи на второй день Нового года — носила в починку электрочайник, но починить его было невозможно. Володя так и доложил гостю, а та обиделась, посчитала, что он из-за лени отказался чинить, «обрадовал» тем, что надо новый покупать, а этот выбросить. А какво выбросить чайник, пусть и неисправный! Это у них, богатеев, дом полнится от добра, а на пенсию-то не особенно разбежишься. Поэтому и ушла от Володи расстроенной, даже с затаённой обидой. К Анне на каникулы никто не приехал, поэтому она зачистила на горку. Увидит Эльзу — и сразу шаль на голову, фуфайку на плечи — новости узнать. А новостей-то, оказывается, от неё самой ждут.

— Ну, расскажи-расскажи! — как-то пристала Немка, узнав, что Анна была у Кузнецовых. — Чего они там? Как они?

— Да что сказать — милуются, враг их расшиби. Внучка им на музыке играет, а они на диване семечки лузгают.

— Вот прохвост, вот прохвост! — трясла лобастой головой Немка. — Марии голову закружил и побоку её. Свою законную вспомнил. Посмотрим-посмотрим, как он о ней будет помнить, когда она уедет!

Если послушать старух со стороны, то и не понять, чего в их рассуждениях и сплетнях больше: правды или лукавства и весёлого розыгрыша. Что, мол, с них взять? Болтают, ну и пусть себе болтают-тешатся на старости лет, если ума ни на что более не осталось. Но, как оказалось, просто перебивать кому-то косточки они считали скучным занятием, неперспективным, а им хотелось развития сюжета, чтобы всё было так, как происходит в сериалах: объяснения, слёзы, стычки,

а после опять любовь, лучше в натуральном виде, и страстные поцелуи! А как всего этого добиться, если бездействовать? Трудно. Ещё труднее ждать развития событий. Может, поэтому, как-то встретив Марию, Немка сказала:

— Чего же ты, милка, ждёшь-то? У тебя мужика из-под носа уведут, а ты на это ноль внимания!

— Какого мужика? — притворно удивилась Мария, попытавшись изобразить на вспыхнувшем лице равнодушие.

— Обыкновенного... Которого кормила да обстирывала.

— А, этого-то... Так он не мой муж, чтобы переживать о нём. Таких-то у меня хватает! — и озорно рассмеялась. Вернее, хотела рассмеяться по-настоящему, но это у неё не особенно получилось.

Мария более не стала вдаваться в подробности, потому что знала любопытную сущность Немки, которая замучает, пока не выспросит всё, что ей нужно. Макарова ушла домой и постаралась забыть случайный разговор, озабавившись хозяйством и сборами к завтрашнему отъезду дочери, которая и прогостила-то всего не полных пять дней.

— Хотя бы до Рождества пожили! — попросила Мария зятя, потому что дочери говорить устала. Да и трудно говорить с Валентиной: всё любит делать по-своему. Как что в голову взбредёт — ничем не выбьешь.

Мария знала, что дочь с детства была такой. И поперёк не становись — с пути сшибёт. И не посмотрит, кто перед ней: мать ли, отец или соседский мальчишка — без разницы. Лишь только одно средство действовало на Валюшку: похвала. И сразу она другим человеком становится. «Правда, мам, у меня хорошо получается?!» — «Правда, правда!» — улыбнётся, бывало, Мария. Она такой старательной и работающей и осталась. Вот приехала, и Новый год ей безразличен. Другая бы, настоящая городская, на диванах нежилась, а она с утра пацанов на горку отправит, а сама по дому хлопочет. Мария всегда думала, что у неё в доме порядок, а оказывается — нет. Вале очень не нравилось, что разбросано всё, что паутина кое-где в углах обосновалась, и под кроватью пыль «как на Луне».

— Порядок, мама, нужно только один раз навести, а потом поддерживать его. Почему-то в прежние годы ты всё успевала, а теперь тебе, видно, ни до чего дела нет! — укорила дочь.

А на третий день нового года, видимо, переговорив с мужем, Валентина заявила:

— Пора, мам, тебе к нам переселяться! Чего тебе здесь одной киснуть.

— Да ни за что... Чтобы в четырёх городских стенах пропасть?!

— Мы дом присмотрели в пригороде. Всего семь километров от Ярославля. Считай, рядом. На тебя его оформим. И тебе хорошо, и нам спокойно. Душа бы не болела.

— Ну и чего бы я в нём делала? Как птица в клетке томилась бы?

— Работала на дому — пирожки пекла! Они у тебя очень хорошо получаются. Ты бы пекла, а я у себя в кафе продавала. Заведующая производством пошла бы навстречу, потому что какие сейчас у неё пироги пекут, — ими только дороги мостить. А ты у меня стряпуха отменная.

— Ага, зато паутины полный дом... И в твоём доме будет так же.

— Это полбеды, это сейчас, когда работаешь. Насчёт паутины не беспокойся — это моя будет забота. Твоя — пироги печь да за домом присматривать.

— А наш дом куда?

— Пусть брат ездит, отдыхает — всем хорошо будет. Да и мы когда-нибудь нагрянем родину проведать. Будет где остановиться.

— Надо подумать, дочка. Я тебя понимаю, но и ты меня пойми. Вся жизнь жила здесь — и вдруг ехать в чужие края... Боязно!

— Подумай. Не тороплю, но, вот увидишь, тебе спокойнее будет, когда я буду рядом.

Макарова, конечно, все эти дни помнила о Кузнецове, и почему-то так становилось на душе горестно и знобко, когда представляла свой отъезд из Ключей, что сразу начинала гнать скользкие мысли о переезде, хотя и понимала, что дочь в чём-то права. Но как теперь расстаться с Володей, пусть даже и женатым пока человеком, если он сам не раз говорил, что собирается разводиться, если уж жизнь дала трещину. Только когда это будет, сколько ждать их развода? Да и будет ли он? И как сказать об этом дочери?

В тот же вечер зять погрузил на машину ребячьи самокаты, чтобы утром не возиться в темноте, а утром они собрались вместе с Марией, довели её до Ложкина, хотя она говорила, чтобы поспали и не баламутили детей. Но нет — сделали по-своему. Когда расставались в посёлке, Валентина вышла из машины, расцеловалась с матерью и сказала напоследок:

— Не тороплю с отъездом, но всё-таки подумай! Весна ведь скоро, и хозяева дома ждать долго не будут, а там у них участок приличный — всё своё выращивали бы вместе. Одной смородины десять кустов.

— Подумаю, — обнадёжила, не стала огорчать Мария. — Езжайте. Храни вас Господь!

Они уехали, а она отправилась в привычный интернат, в котором работала пятнадцатый год, с той самой осени, как не стало матери. Привыкла ранним утром, когда постояльцы спали, приходиться в кухню, разогревать плиты, готовить на завтрак каши да варить какао, а после завтрака сразу же заниматься подготовкой к обеду. Пятеро их работало, поварих, и всем всегда находилась работа. С ходу-то и не определишь, чем они занимаются, вроде бы не переломились, а когда какая-нибудь из них заболела или уходила в отпуск, то туговато приходилось, самим поесть некогда — лишь бы старики были накормлены. А то ведь на них иной раз без слёз Мария смотреть не могла — сразу вспоминала мать свою. И почему-то тогда начинала ненавидеть детей, осмелившихся сдать родителей в это сиротское место. Ведь, помнится, мать-то свою она до последнего дня выхаживала, чуть ли не пылинки сдувала, а уж та по-настоящему тяжела была — три года лежала после инсульта недвижимая. И мысли тогда не имелось, чтобы сдать её в приют, облегчить себе жизнь; жизнь-то, может, она себе и облегчила бы, но душу-то как облегчить и очистить?!

Заполнив душу размышлениями о постояльцах интерната, Мария вдруг подумала, что, послушай она дочь, и с ними придётся расстаться, подписаться под собственным добровольным затворничеством. Если сейчас она всегда на виду, среди людей, то, переехав в Ярославль, сама себя превратит в отшельницу, каждый день будет ставить тесто, печь пирожки, и, надо полагать, одним противнем не обойдётся. И не работа её пугала, быть может, даже более спокойная, чем в интернате, а новое место, к которому надо привыкать и знакомиться с соседями, чтобы почувствовать себя своей на новом месте. «Нет, ни за что не соглашусь! — твердила себе Мария весь день. — И пусть Валентина не обижается».

После работы вернувшись в Ключи, Мария передохнула, попила чаю, посмотрела телевизор. Надо бы укладываться спать, а не спалось, мысли так и гуляли, и невозможно было остановить их. А в мыслях только он, Володя! Она почти не думала о нём, пока гостила дочь с семьёй, а как они уехали — опять в мыслях с ним. Она представляла, чем он занимается, помирился ли с женой? И может, вообще зря ждёт она его, зря тешится надеждами на скорое свидание. Но как об этом узнать? Только после отъезда его семьи всё проявится, и тогда, быть может, всё опять станет по-прежнему, опять они будут вдвоём, и тогда им ни до кого не будет дела. А пока надо ждать, хотя невыносимо тяжело это ожидание.

Она всё-таки не утерпела, оделась и, не выключая в избе света, тихонько вышла на улицу, огляделась, привыкая к тем-

ноте, а потом пошла в сторону светившейся огнями Володиной дачи. Могла запросто нарваться на кого-нибудь из Кузнецовых, даже на Елизавету, но такая встреча сейчас не страшилась. «Ну и что? Где хочу — там и хожу! И разрешения у вас спрашивать необязательно!» — решила Мария. Она действительно дошла до чужой дачи, немного постояла у ворот, прислушиваясь к доносившимся из-за окон голосам, пытаясь хоть что-то разобрать. Чуть позже заиграла скрипка. От её писклявых звуков и вовсе всё смешалось, поплыло в сплошном тягучем звуке. Мария даже представила, как все они собрались за столом, а их светловолосенькая внучка, удивительно похожая на её Валентину в детстве, старательно играет, а они истекают умилением. Марии не хотелось завидовать, но она завидовала и даже злилась от собственной беспомощности, когда никак и ничем не могла повлиять на развитие событий, и оставалось ей в этой ситуации одно: ждать неизвестно чего, и не только у чужих ворот. И более всего убивала эта неизвестность. От горькой обиды, одиночества Мария, не желая того, прослезилась. Она круто развернулась, ругая себя за проявленную слабость, заставившую завидовать чужому уюту, и торопливо зашагала к себе, шепча в такт шагам:

— Ничего — я потерплю, обязательно потерплю. Я страсть, какая терпеливая.

22

После поездки Кузнецовых к Вере в их семье наступило удивительное состояние, когда они сделались необыкновенно внимательными друг к другу. Володя смотрел на домочадцев и не узнавал их. Ни Алексей, ни Маргарита и слова не говорили Елизавете поперёк. Даже Ангелинка стала меньше обычного капризничать, когда ей не разрешали подолгу играть с Найдёнышем, а напоминали о скрипке. Но особенно сделался смирным Алексей. Если Маргарита, как и всегда, более отмалчивалась, то он-то любил покочевряжиться. Всё, что, бывало, ни скажет ему мать, обязательно надо поставить под сомнение, или того хуже — оспорить, а тут как шёлковый стал. Елизавета скажет, чтобы ковры вытряс, — вытрясет; скажет, что снега во дворе намело — пойдёт снег убирать, даже и отца не станет дожидаться. А когда Володя выйдет во двор, то не разрешит ему взяться за лопату. И так во всём.

Кузнецов-старший понимал, что всё это настроение идёт от настроения Елизаветы, тоже сильно изменившейся за праздничные дни. Она более не делала двусмысленных на-

мёков мужу, всё, о чём бы ни говорила, что бы ни делала, — делала и говорила уважительно, чем немало удивляла Володю, даже создавала в его душе неудобство. Она своим поведением явно заставляла забыть Марию и будто всячески напоминала: «Смотри, я какая? И чего ты нашёл в ней?» И если в первые дни он только усмехался над подобной расчётливостью, до конца не веря в искренность жены, то через день-другой изменил своё отношение. Теперь ему почему-то было жалко её, словно жалел он старательного, исполнительного ребёнка. А как-то и вовсе встал на защиту, когда она неожиданно поругалась с сыном. А началась эта ругань с того, что, только успев позавтракать, Алексей поехал кататься на снегоходе. Уехал — и пропал. После хватились, а снегоход тянет на буксире «уазик». Мужчины затолкали снегоход в сарай, да так и бросили. А Елизавета крик подняла на сына, не пожалевшего сразу выяснить причину поломки.

— Ты мужик или нет? — напустилась она на него. — Сломать сломал, а кто будет чинить и когда — неизвестно?

А у замёрзшего сына и в мыслях этого не намечалось.

— Весной починим! Чего на морозе возиться! — почти орызнулся он.

— Нечего тогда было деньги на ветер выбрасывать, если лень самому пытаться что-то сделать.

Володя молчал, не вмешивался. Там, может, и дел-то особых нет, может, какой-нибудь разъем ослаб или гайка слетела, но как надоумить сына, если ему лень напрягаться. Хотел Володя сказать, но не стал портить настроения. Елизавета неожиданно предложила:

— Иди тогда, отец, баню топил. Завтра сочельник, а мы как хрюши невымытые ходим, грехами все отяготились.

— А что — запросто! — воодушевился Володя, обрадовавшись смене настроения у жены. — Все сегодня помоемся перед сочельником.

— Дедушка, а что такое сочельник? — спросила Ангелинка, оторвавшись от ноутбука, которым занялась, отложив перед этим книжку.

— У бабушки спроси, она лучше знает.

— Бабуль, что это такое? — подозрительно посмотрела внучка на Елизавету, словно сомневалась в её знаниях или это слово было запретным, для взрослых.

— Тебе бы давно пора это знать, а не за ноутбуком сидеть... Сочельник — это день окончания поста перед Рождеством, когда православные христиане идут в церковь, а после молитв вкушают сочиво — распаренные семена злаков или постную кашу.

Пока Елизавета объясняла церковные порядки, Володя вспомнил, как когда-то с ребячьей бегал в рождественские вечера по ложкинским избам и славил Христа заученной молитвой, получая за исполнение награду: где пирожок, где яблочко, а где пятак или гривенник. Более всего, конечно, у них ценились монеты, и у кого их собиралось за вечер больше, чем у других, — тот и считал себя победителем.

— А если у кого поста нет? — продолжала любопытничать внучка.

— Пост для всех православных един, но не все его блюдут, — начала сердиться Елизавета.

— Значит, такому человеку, кто не блюдет пост, не надо разговляться?

— Вот если завтра хотя бы денёк попостимся, то тогда можно будет вкушать после первой звезды.

Когда Володе надоело слушать лекцию, он сказал:

— Ладно, вы здесь просвещайтесь, а я пошёл.

Он взял с собой Найдёныша, заметно в последние дни подросшего, потому что его кормили все, кому было не лень, и пошёл к бане. Наблюдая за ним, чёрным мячиком скакавшим по снегу, Володя радовался ему и завидовал: «Вот живёт — никаких забот!»

Очистив прорубь ото льда, Володя замер около окна мерцающей воды и увидел нескольких карасей, слегка волновавших иссиня-чёрную воду. Рыбы плавали у поверхности, иногда показывали бледный край широкого рта и, словно обжегшись морозным воздухом, исчезали в глубине. Движение происходило без единого звука, походило на таинство, на которое хотелось смотреть и смотреть. Володя даже замёрз от неподвижности, а потом спохватился, продолжил подготовку и впервые за последние дни почувствовал, что занялся достойным делом; теперь каждое движение, каждый взмах лопатой доставлял удовольствие. Аккуратно откопал дверь бани от снега, из проруби натаскал в котёл воды, а когда набил печурку короткими полешками, то причепурился на низенькой табуретке перед белёной дверцей, размалёванной свежими ржавыми разводами, за которой вскоре смолянисто заполыхала трескучая береста, обдав лёгким древесным дымком. Приятная неторопливость, даже замедленность располагала к таким же неторопливым мыслям, уводила в детство, когда еженедельная баня являлась привычным делом, а не экзотикой. Бани тогда были у каждой семьи, и только самые нерадивые да немощные ходили по баням родственников и знакомых. В ту пору не иметь свою баню считалось тем же самым, что жить без коровы.

Часа через два, когда баня прогрелась, а котёл курился мягким паром, Володя замочил в тазу несколько веников и отправился в дом, объявил:

— Дамы идут первыми, мужчины — опосля.

Когда он вышел, Елизавета с Маргаритой начали собираться, а Ангелинка неожиданно заупрямилась, даже расплакалась — так стыдилась оказаться голой, пусть даже и среди родных людей. Еле уговорили, да и то, когда она поставила условие:

— Обещайте, что не будете на меня смотреть!

— Обещаем, обещаем, — рассмеялась Елизавета, — смотреть-то пока не на что.

— Mam, ну чего бабушка смеётся? Я тогда не пойду.

— Чего с тобой? Всю жизнь мы тебя купали — и ничего. А сейчас-то что случилось?

Алинка покраснела и, ни на кого не глядя, доложила:

— Я взрослой стала!

— Тогда тем более нечего стыдиться.

— Только папе ничего не говорите...

— Сама больше всех трещишь... — только и успела сказать Маргарита дочке и улыбнулась.

Когда все побывали в бане, то собрались на ужин, смотрели друг на друга удивлённо, словно сильно изменились. Внешне — не очень, зато у всех по-иному светились глаза: необычно радостно и по-особенному добро, словно и не ругались недавно из-за сломавшегося снегохода, который Алексей так и не починил.

После ужина Елизавета объявила:

— Если уж сегодня такой разговор зашёл о сочельнике, то завтра все будем поститься, то есть ничего не есть до первой звезды, а я поеду в церковь, Алексей меня отвезёт!

В другой раз сын заартачился бы, но после неудачи со снегоходом протестовать не стал, молчанием высказал согласие.

— Я тоже буду? — спросила Ангелинка.

— Тебе это необязательно... Детям, воинам и болящим можно не соблюдать пост. Так в Писании сказано! Хотя ты же взрослой стала — постись вместе со всеми! — с чуть заметной улыбкой сказала Елизавета и коротко глянула на сноху. Они поняли друг друга и рассмеялись.

На следующий день, когда Алексей отвёз мать в Ложкино и сразу вернулся, Володя удивился.

— Чего же не подождал её? — заботливо спросил он.

— Ждать несколько часов надо. Чего там торчать. Она звонит, когда служба закончится.

Все ждали возвращения Елизаветы и обрадовались, когда она позвонила. Алексей сразу помчался в Ложкино, Ангелинка тотчас повеселела, но мать ей сказала:

— Не спеши радоваться. До первой звезды всё равно есть не будем, если уж решили!

— А когда появится первая звезда?

— Ты что — маленькая, спрашиваешь об этом?! А хотя и появится, то всё равно ничего скоромного — только сочиво.

— Значит, будем кашку ням-ням...

— Наконец-то поняла!

Действительно, вернувшись из церкви, Елизавета и сама ничего не ела, и другим не позволяла.

— Как стемнеет, мама Рита кашки сварит!

Хотя и ходили из угла в угол сердитые, но соблазнам не поддавались. Зато, когда начало смеркаться и Маргарита поставила на плиту кастрюлю с водой, первой за стол уселась Алинка и чуть ли не демонстративно начала стучать ложкой, приговаривая:

— Ням-ням хочу, ням-ням...

И Елизавета, хотя и не собиралась сердиться, но осердилась.

— Ты чего это выкаблучиваешь? Ну-ка выйди из-за стола. Тебя никто не звал. Возьми инструмент и поиграй пока.

— Я уже играла!

Когда же бабушка повторила просьбу, то внучка назло заиграла чардаш Монти. Елизавета сразу поняла, что пререкаться с Алинкой можно до бесконечности, но настроения это никому не добавило бы, поэтому благоразумно впала в молчание, даже сделала вид, что задремала, продолжая наблюдать за домашними. Когда всеми правдами и неправдами дождались пшённного кулеша, Маргарита хотела заправить его сливочным маслом, но Елизавета не разрешила:

— Ни в коем случае. И что вы все за люди такие — только бы желудки набить. Никакого понятия ни о чём не имеете.

— Да, бабуля, хитрая какая! — обиженно скривилась внучка, быстро отложившая скрипку. — Найдёнышу колбаски дала, а нам ничего. Не любишь ты нас!

— Найдёныш — животное, а мы Божьи дети — с разумом и понятием. Так что же — уподобимся животным?!

После кулеша настроение сразу у всех поднялось — это и без слов стало заметно. А Елизавета всё-таки прокомментировала:

— А вы кривлялись, — укорила она всех, но посмотрела лишь на внучку. — А как хороша такая еда в охотку.

Сама Елизавета лишь попила сладкого чаю, а потом прилегла на диване, но вскоре поднялась, начала собираться.

— Маман, далеко? — удивился Алексей.

— Известно — ко Всенощной, а после на Литургию останусь. Так что вы меня до утра не ждите, а утром по-настоящему разговеемся. Собирайся, сынок, отвезёшь меня.

— Опять? — скривился Алексей.

— Не хочешь — не неволю. Пешком пойду.

— Лёш, чего дуришь-то? — взглянула Маргарита на мужа. — Не стыдно?

— Стыдно, очень стыдно! — проворчал Алексей и спросил у матери: — Когда ехать-то нужно?

— Сейчас.

Когда они вышли из дома, Володя — с ними, чтобы закрыть ворота. Перед тем, как Елизавета села в машину, сказал:

— Чего мучаешь-то себя?

— Так надо... — не стала она ничего объяснять, не желая вдаваться в радушные беседы.

Елизавета и во время утренней Литургии думала о Володе, и сейчас, когда вновь ступила под расписные своды храма, в полумраке которого мягко горели свечи. Служба уже началась. Елизавета зажгла свечу и попыталась протиснуться поближе к священнику. Как и полагалось, она покорно склонилась, слушая его, но держалась не расхлябанно, как позволяют себе те, что редко посещают храмы и думают, что своим случайным вниманием ошастливили кого-то. Как ни тяжело было Елизаветино горе, но в храм она пришла не просить у Бога наказания для той негодной бабёнки, а с просьбой о помощи им с Володей. Если всё-таки проскальзывала мысль о мести, а каре вероломной распутнице, она всякий раз трижды крестилась: «Прости её, Господи!» Елизавета несколько раз обращалась к Господу с этой просьбой, и всякий раз ей казалось, что была услышана Им, потому что всякий раз на душе разливалась расслабляющая благодать, когда на глаза сами собой набегали слёзы и всё, что происходило вокруг, воспринималось особенно трогательно.

Она не заметила, как обессилела, но пришедшая слабость не была убийственной, разрушающей — наоборот: она мягко обволакивала душу, грела сердце, помогала радостно смотреть на прихожан. После причастия взяв просвирку, Елизавета вышла на морозный воздух, задышала глубоко и сильно, достала телефон, разбудила сына. Вскоре он подъехал: насулпленный, молчаливый.

— Поспали хоть немного? — спросила Елизавета.

— Все спят, кроме отца. Тебя дожидается.

Это сообщение необыкновенно обрадовало Елизавету, показалось, что и усталость окончательно прошла, и сын совсем не мурхотый.

Домашние явно ожидали её: Володя встречал в дверях, а за его спиной Маргарита накрывала на стол.

— Если уж вы оказались такими стойкими, то давайте от-метим пришедший праздник по-настоящему! Пора — Рождество наступило! Теперь можно разговляться!

— А выпить? — спросил Алексей.

— И это не возбраняется!

Перед застольем они сотворили крестное знамение, Елизавета прочитала по бумажке трапезную молитву, после чего мужчины выпили водки, отведали скоромных яств. За столом в этот ранний час сидели тихо, и вскоре осовело заклевали носами. Володя первым отправился к себе, чтобы не мешать Маргарите, убиравшей со стола. Забравшись под одеяло, он в какой-то момент сквозь дрему услышал скрипнувшую лестницу и в отсвете дежурного освещения увидел силуэт Елизаветы. Она молча разделась, стеснительно, словно неохотно, села к нему на кровать и тихо спросила:

— Ты ведь этого ждал?..

Он ничего не ответил, лишь мягко потянул её к себе — и она охотно покорилась, шумно вздохнув при этом... Потом неожиданно расплакалась и, прижавшись к Володиному плечу мокрой щекой, продолжала вздыхать. И Володе впервые за последние месяцы стало жалко Елизавету, но сейчас он не знал, какими словами можно объяснить свою жалость, объяснить так, чтобы она поняла её. В какой-то момент жена положила голову ему на грудь и заглянула блестящими, мокрыми глазами в его глаза и тихо, словно стеснялась своего голоса, спросила:

— Бросишь её?

— Брошу!

— Обещаешь?

— Обещаю!

23

Наутро все долго разламывались после ночной трапезы. Минувя завтрак, все лишь к обеду более или менее пришли в себя, а когда пообедали — Алексей с Маргаритой начали собираться в Москву. Володя сперва не понял причины столь спешного отъезда, но приглядевшись к Елизавете, суетливо помогавшей им, понял, что она их выпроваживает. Видимо, хочет побыть наедине, продлить наметившееся ночью понимание, закрепить его. Чтобы клятва в дальнейшей верности не прозвучала вхолостую, а подтвердилась бы конкретным делом — добрым и любящим отношением, и чтобы при этом никто не мешал прочувствовать это отношение.

Маргарита согласилась на преждевременный отъезд легко, видимо, обрадовавшись возможности пожить несколько дней без свекрови, а вот Алинка восстала и сразу поставила условие:

— Тогда Найдёныша заберу с собой.

— Ни к коем случаю! — твёрдо сказала Елизавета внучке. — Никогда не позволю жить псу в квартире под иконами!

— А чего же он на даче живёт? — чуть ли не заплакала Алинка и указала на маленький картонный образок, едва видимый на комод.

— Это не считается... Потому что щенок мал пока, да и образок освещён ли?

— Всё равно заберу! — твердила девочка, даже расплакалась и дождалась, пока отец рявкнул на неё:

— Прекрати немедленно! Условия ещё будет ставить! — И добавил укорительно после паузы: — Ролики просила — тоже слезами исходила — и что? Послушались — в результате сломанная нога. Так что не хнычь и не проси. Не для того дедушка щенка принёс, чтобы он мебель грыз в квартире. Смотри, он уж и здесь у одного стула ножку испортил.

Алинка посмотрела, куда указал отец, а Елизавета испуганно ойкнула:

— Ой, и правда! Всё — с завтрашнего дня Найдёнышу место на улице.

Девчонка поняла, что теперь спорить со старшими и просить их о чём-то бесполезно, и сама начала собираться. Может, из-за этого резкого разговора, может, из-за общей напряжённости, но сборы не были долгими. Молодые быстро покидали в сумки одежду, разбросанную по диванам да креслам, — и к машине. Пока прогрелся мотор, Володя и Елизавета расцеловались со всеми, обнялись, словно прощались на долгое время. Когда машина скрылась в конце улицы, он спросил:

— Правда, что ли, решила щенка на мороз выставить?

— Не хотелось бы, но надо, если он уж начал мебель портить. Да ты не переживай — сейчас сошью ему тёплую жилетку, и будет он сам себе хозяином. Здоровее станет на свежем воздухе. Сам же говорил об этом.

Володя мог возразить, но не стал, зная, что Найдёнышу действительно не место в жилье, рано или поздно его пришлось бы переселять. Так что теперь, когда этот вопрос разрешился сам собой, он сказал Елизавете таким тоном, каким и надо было сказать:

— Я и не переживаю. Будка для него давно готова. Неспроста же строил её.

— Вот и хорошо! — Елизавета не удержалась, чмокнула мужа в щёку, словно просила у него извинения, а он не хотел, но улынулся, возвращая доброе настроение.

Они стались одни, и теперь могли делать всё, что угодно, зная, что их разговоры никто не услышит, а взгляды никто не увидит, не станет свидетелем тому, что они захотят делать. Хотя и грешно так думать о своих родных, но иногда в жизни случаются именно такие ситуации, и тогда подобных мыслей не избежать.

Елизавета начала искать подходящую тряпку для жилетки Найдёнышу, вертевшемуся у ног, а Володя, не зная, чем заняться, вдруг нашёл себе работу, вспомнив о снегоходе. Скрывшись в гараже, он на кое-то время получил передышку, хотелось побыть одному и привести мысли в порядок. Поэтому не спешил с ремонтом, но всё-таки надо было с чего-то начинать. Внешне ничего не обнаружив, Кузнецов отсоединил коммутатор, проверил его на низковольтном стенде — не работает. Вот и причина! Он снял и аккумулятор, и зарядное устройство прихватил, собираясь убить сразу двух «зайцев», даже трёх, когда и свечи прихватил домой — прочистить и просушить.

Как только Володя появился, Елизавета спросила:

— Починил?

— Скорая какая! Вот кое-чего проверю в тепле, а потом уж можно будет говорить конкретно.

— А я жилетку сшила! — похвалилась жена. — Можно хоть сегодня переселить.

— Пусть пока понежится с нами... Вот когда уедешь, а я на работу пойду — тогда можно и определять его.

Как только Кузнецов упомянул о работе, то сразу же раздался телефонный звонок, а на проводе дежурный по интернату, и сразу чуть ли не с приказом:

— Владимир Николаевич, у нас ЧП! Первый этаж спального корпуса остался без света! Я посмотрел щиток — вроде всё нормально, нигде ничего не дымит... Замдиректора сказал, чтобы я вас вызывал! Готовы приехать?

— Так точно! Собираюсь!

Внимательно прислушавшаяся к разговору, Елизавета сразу напряглась, заполошно спросила:

— Куда это?

— На работу вызывают.

— Ой ли? Или она соскучилась?

— Это меня теперь не волнует. Забыла, что я ночью тебе сказал?

Разговаривая, Володя надел сапоги, куртку, взялся по привычке за кепку, но Елизавета сняла её и подала шапку, напомнила:

— Ветер сегодня.

— За мной машина придёт...

— А обратно? Отвезти-то отвезут, а потом придётся самому вприпрыжку скакать.

Не успел Володя выйти на улицу, а, глядя, «жигуль» дежурного пробивается по свежему снегу, а из-за стекла белеет толстое лицо. Заскочил Володя в машину, и сразу с вопросом:

— Что у нас случилось?

— Кто её знает... — едва повернув шею, поёжился за рулём дежурный, глядя на которого, Володя едва не рассмеялся. — Всё вроде нормально, а света на первом этаже нет.

Он начал рассказывать, как узнал о происшествии, кто ему доложил, но Кузнецова волновало совсем другое обстоятельство, когда он вспомнил, что сегодня Мария должна быть на работе. Вот так случай! Как только стрельнула эта мысль, то сразу все остальные побоку. И сразу в душе закипел вопрос: подойти сегодня к Марии, перекинуться парочкой слов или остаться верным слову, данному жене.

Если дорога была бы долгой, Кузнецов мог бесконечно размышлять на эту тему, а так езды-то всего ничего. Поэтому, когда притормозили перед воротами интерната, он решил: «Не буду пороть горячку и баламутить Марию раньше времени. Вот уедет Елизавета — тогда и поговорю!»

К его радости, не пришлось мелькать у столовой, что давало ему шанс улизнуть от возможного внимания Макаровой. К тому же неприятность с освещением оказалась пустячной — сгорела вставка на центральном распределительном щите — и через несколько минут толстощёкий дежурный, ходивший за Кузнецовым по пятам, счастливо заулыбался, когда на первом этаже спального корпуса засветились окна; улыбался той детской счастливой улыбкой, какая бывает у человека, что-то сделавшего самостоятельно. Может, поэтому на обратной дороге, когда Володя попросил его заехать в магазин, охотно согласился сделать небольшой крюк и подождать.

Остановились потом на шоссе около Ключей, чтобы не рвать машину. После первых шумных дней нового года, деревенская улица на сей раз показалась тихой, даже пустынной, хотя несколько ребятишек по-прежнему шлифовали склон напротив дома Макаровой. Зная, что она на работе, Володя прошёл мимо её окон со спокойной душой, но в какой-то момент увидел морозившееся на ветру бельё, среди которого узнал свою рубашку, и будто жаром осыпало от такого коварства, от женской мелочной мстительности. Ведь наверняка надеялась, что Елизавета, отправившись, например, прогуляться, увидит знакомую одежонку мужа. Мужик

так никогда не поступит. А у женщин это, оказывается, запросто. Мол, смотрите, люди, любуйтесь — вот у нас какие новости! Первым желанием от такой «новости» у Володи было одно-единственное: подойти к верёвке и сорвать свою одежду, навсегда закопать в снег! И он так бы и поступил, но увидел идущую навстречу переваливающуюся Немку и сразу же простился с задумкой.

— Чего же к Марии-то не зайдёшь? — укорила она таким тоном, словно он бросил жену с пятью детьми.

— У меня другой сегодня маршрут... Да и на работе Макарова, только что оттуда.

— Не выдумывай! Кузьмичёва сегодня к ней заходила — болеет она, загрипповала.

— Не могу сегодня! — сердито, почти зло, отговорился Кузнецов и продолжил путь, потому что заметил стоявшую у своих ворот Елизавету.

Володя сперва встревожился, а потом подумал, что это и к лучшему: она видела его разговаривающим с Немкой, а значит, никаких вопросов не будет. К тому же, он и вернулся быстро, часа, наверное, не прошло, как уехал в Ложкино, да и возвратился не пустой — с продуктами.

— Чего это так быстро вернулся-то? — всё-таки подозрительно спросила Елизавета, облокотившись о черенок лопаты.

— Тебе не угодишь... Уехал бы на полдня — ещё хуже было бы.

— Пойдём, что покажу! — закрыв дверь в воротах, позвала Елизавета.

Володя пошёл следом за женой и, миновав угол дачи, увидел Найдёныша. При появлении Володи щенок завертелся, закружился, пытаясь достать хозяина, но цепь не пускала, и он хрипел и злился, печально посмотрел Володе в глаза, будто спросил: «За что?»

— Терпи, мужик! — потрепал щенка по холке Кузнецов и усмехнулся, рассматривая тёмно-синюю жилетку, сшитую из старой кофты, в которой Найдёныш казался ещё толще. — Уж такая твоя собачья жизнь. Но это всё лучше, чем голодным и бездомным носиться по деревне. А здесь тебе очень даже хорошо! Хозяйка постаралась, ишь какую барскую одежду-то подкатила.

— А что — ему хорошо в ней! — заулыбалась Елизавета, поддерживая мужа, но Володя-то знал, что смеётся она от радости, оттого, что сделала по-своему.

Они вернулись к веранде, и Елизавета, заглянув в пакет, удивилась:

— Зачем столько хлеба-то накупил? Зачерствеет ведь?

— У кого-то, может, и зачерствеет, а у меня в морозилке ни за что. Проверено. Зато неделю-две о хлебе думать не надо.

— Ну и хорошо. Тогда пойдём обедать — время подошло.

После обеда Володя почистил аккумулятор и подсоединил к зарядному устройству. Эта мелкая возня радости особенной не приносила, потому что в мыслях раз за разом возвращался к Марии. И мысли оказывались не самыми подходящими — такими, что от них было больше печали, чем вдохновения. За те несколько дней с начала нового года, какие он прожил вместе с Елизаветой, он, конечно, проникся новым состоянием и настроением, но тяга к Марии, всё то хорошее, что связывало их последнее время, пока не позволяло раз и навсегда настроить себя на новые обстоятельства. Да и не так просто это сделать, не определившись до конца в собственных чувствах. И пока не произойдёт этого, он так и будет менять свои мысли в зависимости от направления житейского ветра. И чтобы этого не произошло, проще всего и надёжнее пристать к одному берегу, пусть даже и растаять около него, раствориться, но раствориться в таком благодатном и плодородном месте, в котором тотчас проклюнутся ростки новой жизни.

Подтолкнув себя к этой мысли, Володя по-настоящему повеселел, поддался настроению и сказал:

— Дай-ка я тебя расцелую!

— Что это с тобой? — удивилась Елизавета.

— Железку деревянную нашёл — вот что.

Как же всё-таки мягко становится на душе, когда преодолеешь себя, переступишь через мешающее препятствие. И никто им сегодня не мешал, не отвлекал друг от друга.

Следующим утром Володя озадачился подзабытой мыслью о снегоходе. После завтрака установил аккумулятор, коммутатор, ввернул свечи и, перекрестившись, попробовал завести мотор. Удалось! Хотя и с третьего раза, но мотор дымно чихнул, словно раздумывал, и сразу же разразился гневным рокотом. Работая рукояткой газа, Володя вытолкал снегоход во двор, попробовал немного проехать. И это получилось. Оставив мотор работающим, он доложил Елизавете, что приглашает её на прогулку. Она согласилась, но всё-таки спросила:

— А обратно-то толкать самим не придётся?

— Всякое может быть... Буксирный трос наготове имеется, не пропадём!

Елизавета, наверное, всё-таки не очень-то рвалась морозить лицо на ветру, но как отказать от такого предложения, тем более что оно шло от души? Когда ехали вдоль изб, ещё

издали Володя заметил Марию, расчищавшую у крыльца снег, но даже глазом не покосился в её сторону. И Елизавета ему ничего потом не сказала, когда вернулись с прогулки, хотя могла укорить, что, мол, специально, что ли, придумал выезд, чтобы покрасоваться перед кое-кем. Нет, и полусловом не обмолвилось — выдержала характер, не позволяя себе разрушить всё, что построила за неделю. Ни в этот день, ни в следующий.

Но когда собралась уезжать в Москву, с утра ходила сама не своя: постоянно на что-то натыкалась, говорила невпопад, и ему казалось, что вот-вот разрыдается. Когда пошёл провожать до остановки, то она несколько раз напомнила о рождественском обещании, а когда вдалеке показался автобус, прослезилась.

Он поцеловал, она, едва скрывая слёзы, поднялась в автобус и посмотрела долгим взглядом, когда автобус тронулся. И её взгляд был с ним, пока Володя возвращался, и, наверное, впервые он не посмотрел на знакомые окна. Заставил себя не смотреть. Вернувшись к себе, Кузнецов заглянул к заюлившему Найдёнышу, приласкал его и сказал доверительно, как самому надёжному товарищу:

— Теперь мы опять одни. Но ничего — до выходного осталось немного. Опять приедут гости на снегоходе кататься.

24

Завтра надо было выходить на работу, и Володя знал, что обязательно увидит Марию, а то, чего доброго, и сегодня она прибежит — ведь наверняка видела, как он провожал Елизавету. Хотя — пусть прибегает, толку-то! Как ни хорошо было с Марией, а с Елизаветой привычнее, с ней душа вернулась на место, как у хорошего хозяина на привычной полочке теперь лежит.

Ночью выпала малая пороша, и ни единой на ней отметинки. Лишь от Манюниного дома взяла исток торопливая нитка чуть косолапых следов и повела к шоссе. Натаптывая тропинку, Володя пошёл следами Марии, и в этот момент ему показалось, что опять они вместе, опять он думает о ней. Пытаясь найти хоть какую-то правильную мыслишку, Кузнецов мучил себя до самого интерната, а когда заглянул к Анатолию Петровичу, у которого скапливались все заявки на ремонт, то тот сразу подал ему список, и Володе стало не до Макаровой. Он и видел-то её в этот день лишь раз, когда в обед отправился в столовую, и тамошние бабёнки, заметив его, видимо, шепнули ей. А Макарова и рада стараться. Сама

вынесла ему в зал поднос с обедом, села рядом и, заглядывая в глаза, спросила:

— Придётся сегодня? — и столько в вопросе было мольбы, что Володя чуть было не поддался её настроению.

— Дай хоть денёк-другой передохнуть... Мне не двадцать лет! — сказал он сердито, стесняясь взглянуть Марии в глаза.

— Отдохни... — командирским голосом разрешила она, словно опять начала распоряжаться его душой, и, всё понимая, делала небольшую уступку.

Она отвернулась, чтобы не показать наворачнувшиеся слёзы, поспешно поднялась, чуть не упала, зацепив стул, и быстро исчезла в кухне. Вроде бы ушла, а легче от этого Кузнецову не стало. «И зачем высывалась, — подумал он с раздражением, — вечером сам бы зашёл, объяснился, а теперь чего идти. Опять отношения выяснять?»

Проникнувшись крепостью вновь обретённого духа, Володя теперь даже потешался над Макаровой, радуясь, что она поспешила проявить назойливость, затеяв разговор в столовой, поспешила руководить им и даже командовать. «Нет, милка, — расцветая от вновь сложившихся обстоятельств, думал Кузнецов, — командиры из женского пола плохие. Вам бы мягкостью брать, лаской, покладистостью, а вы нахрапом берётесь командовать мужиками, власть свою мнимую проявлять!»

Два дня Кузнецов находился в неуверенном состоянии, когда в душе вроде бы наметился правильный курс, выработалось более или менее достойное поведение, но всё равно до конца не хватало силы духа утвердиться окончательно. В эти дни он будто сидел на коньке крыши и мог запросто сорваться в ту или иную сторону даже от лёгкого ветра, и чтобы случайно не сверзиться, растил в себе укрепляющую мысль: «Надо держаться подальше от Марии, и всё заглохнет само собой!» Он даже временно отказался от столовой, чтобы не пересекаться с Макаровой, в обед обходился взятыми из дому бутербродами, а после работы с превеликим удовольствием доедал сваренный Елизаветой борщ. Чтобы не страдать вечерами от одиночества, вернувшись с работы, убирал у Найдёныша, подолгу разговаривал с ним, как с понимающим человеком, и ждал выходных и приезда Елизаветы.

За день до её обещанного визита, возвращаясь с работы, Кузнецов совершенно неожиданно увидел копошившегося у своего крыльца Никанора Аристарховича, а повыше посмотрел — дым клубится над трубой дома, занесённого снегом. Сперва Володя удивился, зная, что художник никогда ранее

не появлялся в Ключах зимой, но и ошибиться не мог: только у него была такая рыжая и окладистая борода. Узнав Болотного, Володя издал окликнул:

— Аристархович, ты ли?

Бородач замер, облокотился о черенок лопаты, внимательно посмотрел на Кузнецова и, признав в нём Володю, удивился в ответ:

— Кого я вижу! Неужели это Владимир Николаевич? Какими ветрами?

— Он самый! — улыбнулся Володя и, подойдя к художнику, снял перчатку, поздоровался и, неожиданно для себя, обнялся. — А ты разве не знал, что я теперь в Ключах живу на постоянной основе. Даже работаю.

— Откуда же мне знать? Когда осенью уезжал, ты мне ничего не говорил!

— Сам тогда толком ничего не знал, а потом всё изменилось. Ты-то когда приехал?

— Сегодня! Снег вот очищаю, печку топлю — дом отогреваю!

— Его надо два дня отогревать... Да и то потом можно запросто угореть! Так что поковыряйся немного, печку протопи да ко мне приходи — у меня переночуешь.

Художник задумался, спросил:

— А не помешаю? Вдруг ты не один живёшь?

— По будням один... Жена завтра приедет, и приедет ли? Ты-то надолго прискакал?

— Поживу..

— Всё равно закругляйся — и ко мне! А я пока кое-чего поесть соберу. Снег в другой день почистишь.

Понимая, что противиться бесполезно, Никанор Аристархович согласился:

— Уговорил... Глупо отказываться от дельного предложения. Как только дрова прогорят — нагрюну.

Он пришёл через полчаса, когда Володя успел подготовиться, собрать кое-чего на стол, а главное — выставил графинчик с водкой; непечатой бутылки не оказалось, а полупустую ставить на стол Володя не стал. Несolidно. Болотный пришёл с банкой рыбных консервов, кругом копчёной колбасы, батоном хлеба.

— А вот это зря! — сразу нахмурил брови Володя. — Я не голодаю, а тебе это всё пригодилось бы.

— И я пока не голодаю! — немного раздражённо, даже с обидой в голосе ответил Аристархович, будто хозяин лишь затем и заманил, чтобы мучить ненужными вопросами.

— Тогда раздевайся да проходи к столу.

Художник скинул тонкую нейлоновую курточку, помыл руки, огладил бороду, чтобы не топорщилась и, увидев на комодке образ, перекрестился.

Володя это заметил, спросил:

— С какого перепуга богомольным-то стал?

— С того самого и стал... Сейчас расскажу свою историю — за голову схватишься.

— Рассказывай!

— Нет, сперва надо по рюмашке пропустить, если уж графинчик выставил! А то без этого вроде и сказать нечего, да и сил нет: что-то так устал за сегодняшний день — руки-ноги дрожат.

Они выпили, закусили, Володя разлил по тарелкам остатки борща. Болотный хотя ел лениво, но тарелку подчистил, даже похвалил:

— Вкусно, что и говорить. Сам готовишь?

— Когда сам, а этот жена сварганила... На каникулы приезжала. Теперь ведь для нас, как для школьников, зимние каникулы придумали! Веселись, Русь, спивайся и радуйся заботе правящей партии и правительства! А с другой стороны: чего же не пить, когда зимой водка холодная. Ладно, чего у тебя случилось-то?

Аристархович указал глазами на графинчик, Володя перехватил его взгляд и наполнил рюмочки. Выпили. Закусив огурчиком, Никанор Аристархович вздохнул:

— Вот теперь можно и поговорить. Тебе как рассказывать: тезисно или подробно, с развёрнутым экскурсом в историю?

— Как хочешь.

— Начну с того, что, боюсь, как бы мне не остаться без квартиры... Это, так сказать, сообщаю вводную часть, чтобы ты выбрал правильное направление своим размышлениям и попытался понять: заманчива ли перспектива остаться в старости без квартиры или нет? А если ещё учесть, что детей у меня не имеется, а жена давно почила, то понимаешь, что помощи-то особенной ждать неоткуда. Хотя бы моральной. На большую — не рассчитываю. Племяннику сообщил о своей беде, а он — ни рыба, ни мясо — говорит: «Никанор Аристархович, не вижу, чем могу помочь вам». А ведь знает, что квартира-то на него завещана, потому как мне более некому сделать завещание. А он, зная это, даже не может меня поддержать хотя бы морально.

— Давай всё-таки ближе к делу.

— Можно и ближе... Ты помнишь, что отбыл я из Ключей в конце сентября... Три дня пожил у соседа, покружился по Москве, уладил свои дела и вскоре, по обычаю, отбыл в Крым.

Соседу своему, милейшему, я скажу, человеку, по обыкновению поручил присматривать за квартирой, оставил ему ключи и попросил получать с жильцов плату за съём. Всё как обычно. Даже доверенность ему продлил на право посещения моей квартиры, разрешающей, в том числе, представлять меня в жилищных конторах и прочих ведомствах...

— А он квартирку тю-тю — продал! — перебил Кузнецов.

Болотный поморщился:

— Не торопись. Какая всё-таки молодёжь нетерпеливая. Доверенность была не генеральной, не дающей права на продажу квартиры. Да и не такой мой сосед, чтобы позариться на чужое. Так вот... Отбыл я из Москвы, как сейчас помню, в четверг первого октября, благополучно добрался до Алупки, разместился у хозяев, к которым езжу много лет. А в Алупке в начале октября такая благодать, особенно с творческой точки зрения. Но в середине декабря позвонил сосед и сообщил, что в моей квартире появились новые жильцы, что они сменили замки и не пускают его на порог. Он обратился в милицию, а там сперва и слушать его не хотели, но после уговоров всё-таки обещали проверить. Проверили, сказали, что всё законно, и новые жильцы имеют полное право на жительство, так как купили её у законного владельца. А через день к моему соседу пришли громилы и посоветовали не совать нос туда, куда его не просят. Он, конечно, позвонил мне повторно и сказал, чтобы я немедленно приезжал и разбирался, пока не поздно. Подхватился я, упаковал холсты, а потом подумал: «Где я их хранить буду, если хранить теперь нигде?» Пришлось срочно заказывать подрамники. Три самых лучших пейзажа оставил хозяевам на хранение, а остальные отвёз в Ялту, отдал за бесценно в художественный салон. На другой день в Москве оказался. Приехал к соседу, выслушал и сразу отправился с ним звонить в свою квартиру. Долго не открывали, а когда то ли кавказец, то ли азиат открыл дверь, то я и сказать не знаю чего. Показываю паспорт со штампом о прописке, говорю, что он незаконно занимает мою квартиру, а он тоже паспорт мне под нос суёт, а в паспорте точно такая же прописка или по-новому — регистрация. Вернулись мы в квартиру к приятелю и не знаем, что сказать друг другу. Я, наверное, ночь не спал, а утром побежал в милицию, написал заявление. Дежурный заявление прочитал и укорил, да с издёвкой, как пацана: «Сдаёте квартиры неизвестно кому, а потом по милициям бегаете!» — «Это не значит, что можно у стариков квартиры отнимать. В общем, к вам заявление поступило — разбирайтесь. А я пока пойду в прокуратуру и потребую, чтобы моё заявление взяли на контроль!» — сказа-

нул ему.. Всё, не могу более, давай перекурим! — глубоко вздохнул Болотный, явно разволновавшись. — Пойду, покурю.

— Кури здесь, чего морозиться.

— Ну, спасибо! А то, признаться, отвык я за последние годы от наших зим.

— И от трубки, вижу, отвык. На сигаретки перешёл?

— Трубку я впопыхах в Крыму где-то забыл, а какие были в квартире — так теперь попробуй попользуйся ими, если доступ закрыт, — Болотный затянулся дымом и неожиданно прослезился, резко, как прилипших мух, смахнул слёзы, вздохнул.

— Ладно, не вздыхай, Аристархович! — посочувствовал Кузнецов. — Да и слёзы лить ни к чему — не поможет! Теперь надо конкретно действовать.

— Действую... — вновь вздохнул художник. — Да много ли будет толку от моих действий. Остаётся надеяться, что не обманут старика, разберутся по справедливости. Придётся пока в Ключах пожить.

— Живи, у меня — весь второй этаж будет в твоём распоряжении. Елизавета только по выходным приезжает, да и то не каждые. Отсидишься у меня месяц-другой, а там видно будет, как вести себя. Так даже лучше. Не надо заботиться о воде и о дровах.

— Это чепуха. Вода в колодце есть, не проблема. Да и с дровами беды не вижу: берёза у меня за участком стоит засохшая. Если её спилить, то кубометра два дров будет. А мне более и не надо, чтобы до весны дожить.

— Спилить помогу. Только зачем два дома топить?

— Спасибо, Володь! Но стеснять тебя не очень-то хочется. И вообще — хватит об этом на сегодня. Устал я.

— Давай всё-таки чайком побалуемся.

Пока он занимался чаем, Болотный немного успокоился, а когда чай был разлит по чашкам, спросил, слабо улыбувшись:

— А что же о себе не расскажешь? Как оказался здесь на постоянном жительстве?

— Давно всё шло к этому. Дача превратилась в такую беспощадную затею, что я только в последние месяцы это понял.

— А как же Москва? Работа?

— Работу я здесь нашёл — электриком в интернате строился, а Москва от меня никуда не денется, если там прописан и имею жилплощадь. А что сюда перебрался — так это по решению семейного совета приговорили меня к прожива-

нию в Ключах. Воистину: чего добивался, того и добился. Хочешь не хочешь, а надо охранять добро, хотя удовольствия мне это особенного не доставляет.

— Удовольствия не доставляет, но окопался основательно — работать даже устроился! — слегка улыбнулся Болотный.

— Пришлось устроиться... Без тебя такую тут кашу заварил — называется, послушался! С Марией спутался!

— Обиделся, что ли? — посерьёзnel Никанор Аристархович.

— Чего обижаться? Это от безысходности! — вздохнул Володя и рассказал о своих приключениях.

— Что же, теперь и возврата к Марии не будет?

— Ни в коем разе! Елизавете обещал. А если уж обещал, то негоже от своего слова отказываться. Да и не пацан я какой-нибудь, чтобы скакать от одной к другой.

— Если решил так, то и молодец! И ничего другого более советов не буду. — Болотный зевнул, потёр узловатым пальцем переносицу: — Правильно сделал, что к жене вернулся. Ну, ладно, не знаю, как ты, а я спать завалился бы.

— Это запросто, — поднялся Володя из-за стола. — Сейчас постелю тебе на втором этаже. Мне-то тоже засиживаться не след: завтра на работу бежать, а надо ещё Найдёныша на ночь покормить. Я ведь щенка завёл, чтобы не скучать. А весной думаю курочек с петушком приобрести. Потом короной обзаведусь и буду натуральным хозяйством жить.

— Вот это дело! — похвалил Болотный.

Постелив ему, Володя отправился к щенку, а когда вернулся — со второго этажа всюду раздавался храп.

25

Утром они соскочили с постелей по-военному. Пока закипал чайник, Володя быстро нарезал бутербродов, заварил кофе. Аристархович сперва отказался от кофе, попросил чаю, а потом махнул рукой: «Где наша не пропадала!» Быстро перекусили, оделись. Собрались выходить, а Володя остановился, задумался и сказал:

— Всё хорошо, но в своей одежке ты долго в Ключах не продержишься! Погоди...

Он заглянул в кладовку, вынес из неё валенки и телогрейку, отдал Болотному:

— Надевай и пользуйся! Запасные. Получше будут твоей куртчки на рыбьем меху!

— Спасибо за заботу. Одежка моя явно не по сезону! — улыбнулся Болотный и надел телогрейку поверх куртки.

На улице Володя заглянул под навес, где хранились дрова, набрал десяток поленьев, захлестнул их крепкой бечёвкой и скомандовал поджидавшему гостю:

— Пошли!

Грохнув связку поленьев Аристарховичу на крыльцо, Кузнецов долго не рассусоливался: пожал ему руку и торопливо распрощался. Только и успел сказать напоследок:

— Обживайся. Завтра будем берёзу валить.

Заразившись новым для себя настроением и пониманием всего происходящего, Кузнецов легко отработал день и с такой же лёгкой душой возвращался в Ключи, представляя, как затопит печку, побреется, окатится водой под душем, как потом опрыснется одеколоном, подаренным Елизаветой под Новый год. А когда она приедет, то встретит её — улыбающийся, вкусно пахнущий, цветущий от улыбки.

Он уж ступил на короткий порядок Ключей, когда увидел толпившийся народ и милицейскую машину, и сердце ёкнуло. Поближе подошёл, а от кучки старушек отделилась Немка, торопливо шепнула:

— Художник помёр... Ходил за водой и у крыльца завалялся, не донёс воду! — торопливо сказала она, словно жалела не Аристарховича, а пролитую им воду, и указала на лежащего на снегу человека, наполовину укрытого цветастой тряпкой. Из-под тряпки выглядывали знакомые валенки, и Володя подумал: «Недолго ты в них походил!» — Не знают, кому сообщить о его смерти! — доложила Немка, а Володя удивился:

— Чего же тут не знать... В администрации есть его московский адрес — пускай справки наведут.

— У него в кармане милиционер телефон нашёл, а по какому номеру звонить — не знает. У него их там тыща.

— Марковна, уж хоть сейчас-то не придумывай. Откуда может быть в его телефоне тысяча номеров. Хотя один должен быть надёжным, — встрепенулся Кузнецов, вспомнив, что вчера Аристархович называл племянника Вадимом.

Володя сразу же оставил Немку — и к участковому.

— Товарищ старший лейтенант, его телефон у вас?

— А вы кто? — спросил раскрасневшийся на морозе лейтенант.

— Местный житель... Знаю, что у Аристарховича жены и детей нет, но есть племянник по имени Вадим. Посмотрите — в телефоне должно быть это имя.

Участковый достал из внутреннего кармана куртки телефон, понажимал на клавиши и радостно ухмыльнулся:

— Есть!

Он сразу же позвонил и услышал что-то в ответ. Правда, вскоре телефон начало глючить.

— Аккумулятор, наверное, разрядился! — вздохнул участковый.

— Позвоните с моего! — предложил Кузнецов. — Диктуйте номер!

Пока он записывал телефон племянника Болотного на свою «трубку», с шоссе свернула «скорая», остановилась у толпившегося народа. Володя отдал трубку участковому, но, увидев «скорую», тот не спешил звонить повторно, пояснил:

— Сейчас медики скажут, что к чему, тогда и позвоним.

Из «уазика» вышла женщина в белом халате, откинула покрывало и, посветив на бородатое лицо покойного, сказала так, словно в её словах кто-то мог засомневаться:

— Помочь ему ничем нельзя...

Участковый о чём-то поговорил в сторонке с врачом и объявил:

— Сейчас машина отвезёт усопшего в морг, дом мы со старостой закроем и опечатаем, так что можете расходиться по домам. Ничего более интересного не будет.

Врач и участковый сняли с Аристарховича верхнюю одежду, состоявшую из Володиной фуфайки и валенок, спортивной синей шапочки, отнесли всё в дом. Потом вернулись, накинули на дверь замок. Ключ участковый положил в карман, достал из командирской сумки полоску белой бумаги с печатями и приклеил её на край двери и колоды. Потом позвонил племяннику Аристарховича, сказал, что его дядю сейчас отвезут в морг центральной Сергиево-Посадской больницы на вскрытие, сказал, что дом им опечатан, повторно назвал свою должность, фамилию, место работы.

Уехала «скорая», отбыл на своей «Ниве» участковый, и Володя отправился к себе. Когда приехала Елизавета, то сразу спросила, заглядывая в глаза:

— Что случилось? — и, не дождавшись ответа, принялась: — Кто у нас курил?

— Тот, кто курил, больше не будет.. — вздохнул Володя. — Художник ночевал. Вчера приехал, начал избу отогревать, да разве её за один час отогреешь. К нам позвал — чего же морозиться старику. А сейчас иду с работы, а у его дома народ и милицейская машина... Умер Аристархович! Только и пожил сутки в Ключах.

Новость не особенно взволновала Елизавету, у неё что-то своё вилось на уме.

— Ну а ты как здесь? — спросила она, когда Алексей отправился к Найдёнышу, чтобы побаловать его привезёнными сосисками. — Налево не ходил?

— Ни налево, ни направо — только прямо! — усмехнулся Володя и попытался изобразить улыбку. — Хотя могла бы и не спрашивать.

— Проверю ведь сегодня?

— А допуск на проверку имеется? — спросил он, всё-таки обидевшись в душе на ненужные вопросы жены.

— Имеется — в паспорте штамп стоит... — смягчилась она, видимо, поняв о неуместности своих вопросов. — Ладно, чем кормить нас будешь? А то мы оба с работы!

— Вообще-то я тоже не с гулянки пришёл... Картошки вот нажарил. Разве не чувствуешь?

— Чую, ещё как чую — аж слюнки текут!

Когда собрались за столом, Володя достал из холодильника вчерашний графинчик, который не допил с Аристарховичем. Налил сыну и себе по рюмке, хотел плеснуть Елизавете, но она отказалась:

— Мне-то зачем. Вы уж сами помяните старика, а меня в это дело не впутывайте.

Потом, когда помянули Аристарховича, за столом долго не сидели, а занялись всяк своим делом. Володя проверил протопившуюся печку, принёс охапку дров на завтра, Елизавета помыла посуду и принялась за стирку — брезгливо бросила в стиральную машину бельё, на котором спал Аристархович. И ни у кого никакого настроения, словно дух умершего человека, побывавшего в этих стенах, оставил после себя что-то запретное, никак не позволявшее не только веселиться, но даже громко разговаривать. Только поэтому старшие Кузнецовы рано легли спать, оставив сына в соседней комнате глазеть на экран.

Оказавшись рядом с женой, Володя всё-таки понял, что соскучился по ней, помаленьку-помаленьку расшевелился, налился юношеской пылкостью, и его состояние передалось Елизавете. Правда, ненадолго. Очень скоро, счастливо положив руку на Володю, она заснула и спала почти неслышно, лишь время от времени вздрагивала, словно от пугливого и нехорошего сна. Сперва к Володе сон не шёл. В голове так и вился Аристархович, вчерашний разговор с ним, утреннее расставание, оказавшееся прощанием. Но всё-таки задремав, он повернулся к Елизавете, обнял её и впервые за последние месяцы заснул безмятежно. И разоспался так, что Елизавета по-своему поняла Володину негу. Она подошла к нему, присела на кровать и впиалась взглядом мужу в глаза, спросила чуть насмешливо:

— Что-то долго разламываться стал? Стареешь, отец!

— Да, мать, старею, и никуда от этого не денешься. А ты что, молодеешь?

— Ладно, молодеешь-стареешь, что сегодня делать-то будешь?

— Собирался с Аристарховичем березу пилить, да теперь ему дрова не нужны... У Найдёныша уберу, а потом пойду с ним на пруд, чтобы порезвился. Заодно надо прорубь почистить, а то караси, наверное, жалобу на меня пишут.

За завтраком от каши Володя отказался, лишь пожевал бутерброд с сыром, попил кофе с молоком и — быстрее на свежий воздух. Отвязав бесновавшегося Найдёныша, схватил в хозблоке лом, фанерную лопату и сачок для льда. Спустился к пруду, пробив тропинку по целине, образовавшуюся почти за неделю. Он хотел быстро разделаться с прорубью, но пока очищал её от снега, потом колол лёд, понял, что совсем не хочет спешить. Поэтому всё делал неторопливо, находил радость в каждом движении, а когда разогрелся, то прислонился к берёзе и долго смотрел вверх на редкие кисейные облака, невесомыми ватными лентами протянувшиеся с запада на восток, на слабое, натужное солнце. Потом перевёл взгляд на укрытые шапками синего снега редкие сосёнки с ёлочками, росшие по заснеженному склону оврага. Да, самая настоящая, глухая зима окутала со всех сторон, завалила сугробами, и казалось, что они никогда не растают.

Как ни глуха зима, но, вернувшись от пруда, Володя обратил внимание на герань, почему-то показавшуюся необыкновенно алой, почти красной. Чтобы подивиться вместе, позвал Елизавету и кивнул на цветок:

— Смотри, ожила! А то всю осень болела!

— Поливать надо регулярно, а тебе некогда было!

— Не в этом, мать, дело... Герань — домашний цветок, семейный. Если в семье всё хорошо, то и цветку хорошо. Если всё наперекосяк, как у нас с тобой было, то он сразу чувствует это, начинает болеть.

— Да ладно уж, не выдумывай, фантазёр.

— Выдумывай не выдумывай, а так оно и есть. Мне лучше знать — постоянно за ним наблюдаю. Ты вот всю осень скрывалась от меня — цветок болел, а после Нового года перестала скрываться — и он ожил!

Елизавета обыденно отмахнулась:

— Печку топи, а то зябко стало. А я обедом займусь.

Радуюсь в душе, всё более пропитываясь добрым настроением, он отправился за дровами. Из дома вышел, а навстречу вернувшийся с мотопрогулки раскрасневшийся, румяный от

морозного ветра Алексей. Володя помог ему затолкать снегоход в гараж, поинтересовался:

— Проблем не имелось?

— Вроде всё нормально, а что с ним было-то?

— Да я и сам толком не понял. Контакты почистил, коммутатор просушил, свечи — вот и вся работа. Вроде невеликая, а помогло. Ну, ладно, иди, отогревайся!

Они уж садились обедать, когда раздался звонок с улицы. Все переглянулись, а Елизавета подозрительно спросила у Володи:

— К тебе, наверное?

— Не жду я никого, а если с работы, то прежде сообщили бы и машину прислали...

— Я сама открою! — живо поднялась Елизавета из-за стола, словно муж её мог опередить.

Вернулась пунцовая от злости и с блестящими на глазах слезами, швырнула в лицо Володе его рубашку из шотландки, сказала сквозь зубы:

— Лично тебе посылочка... Манюня дорогая принесла, совсем обнаглела! Опять, что ли, за старое принялся?!

У Кузнецова всё сердце оборвалось, потому что он узнал свою рубашку, ту самую, какую недавно видел во дворе у Макаровой; видел и забыл, но, оказывается, не забыла она, коварная. И вместо того, чтобы тихо вернуть при других обстоятельствах, устроила из этого показательную сцену, сполна проявила женское коварство!

— Чего молчишь-то? — наступала Елизавета.

— Чего сказать... Это всё отголоски прошлых событий!

— Ой ли?

— Законно... Хочешь верь, хочешь нет — ничего не изменится... — по-настоящему смутился Володя и хотел привести доводы в свою защиту, но сразу понял, что чем обстоятельнее будет объяснять теперешнюю невинность, тем сильнее распалит в Елизавете подозрительность.

Всплеск эмоций внешне действительно ничего не изменил, тем более что Елизавета сразу бросила рубашку в стиральную машину и демонстративно помыла руки.

После обеда он сходил к Найдёнышу, налил ему супу, а вернулся — Елизавета куда-то собиралась, пояснила:

— Сейчас Маргарита звонила, сказала, что Ангелинка захандрила — надо ехать лечить. Так что, отец, тебя одного оставляем, хотя и не хочется.

Володя так и не понял: действительно ли заболела внучка или жена придумала повод, чтобы оставить его раньше времени, не сумев скрыть обиды от вторжения Марии. Спраши-

вать об этом стыдно да и бесполезно — всё равно ведь правды не узнать.

— Езжайте, раз такое дело. Только если что-то думаешь плохо обо мне — ошибаешься! — не скрывая обиды, в сердцах сказал он.

— Володь, ну чего ты накручиваешь-то. Я и не думаю ничего такого. В следующий выходной приедем, а если Ангелинка поправится, — все вместе прибудем. Даже скрипку привезём, чтобы она тебе чардаш сыграла.

Не дождавшись ответа, она достала из стиралки рубашку, встряхнула её, повесила на бечёвку, тянувшуюся вдоль печки, но ничего обидного при этом не сказала. Однако из-за её резкости в движениях Володя понял, что жена всё-таки обиделась, хотя и не показывает чувств, не хочет распалать ругань. Провожая их, Володя пожал руку сыну, поцеловал Елизавету и долго махал вслед, пока машина, переваливаясь с боку на бок, пробиралась деревенской улицей...

Заснул поздно, поздно и проснулся. За окном светило неяркое солнце, скупо освещая тюлевые занавески по краям окна и герань. Пригляделся к цветку и заметил, что листья на нём завяли, а лепестки закрутились чуть ли не в трубочки, будто их опалило чьим-то неласковым дыханием...

26

Мария возвращалась от Кузнецовых, не помня себя от смешанных чувств, до конца заполнивших её. Две недели она дождалась от Володи хоть какого-то внимания, а он легко и нахально перечеркнул все отношения, забыл все хорошие слова, которыми рассыпался всю осень. За это время у них только и был-то один разговор, да и то в столовой, на людях, а разве там поговоришь. Надо бы, конечно, поговорить без свидетелей, откровенно и без ехидного утаивания, так, чтобы потом не осталось никаких сомнений. И надежд — тоже, если уж вдруг дело дошло бы до окончательного разрыва. Так, по крайней мере, было бы по-мужски с его стороны и по-людски.

Она всё последнее время пыталась понять его, зная, что пока делятся каникулы, он не вырвется от своей Елизаветы. Хотя ещё полмесяца назад вёл себя свободно, твердил, что расстался с женой навсегда. А зачем тогда, спрашивается, надо было врать, притворяться любящим, заботливым, если в один момент всё сам же перечеркнул и забыл о собственных словах и обещаниях. Так лишь болтуны поступают.

Макарова хотя и ругала в душе Володю, но когда уж слишком распалая себя, то всё-таки пыталась найти его поведе-

нию оправдание, побыть на его месте. И когда это случилось, то понимала, что непросто ему было улизнуть от семьи, поступить по-своему. Она видела, как Володя гулял с худенькой внучкой по деревне, видела, как туда-сюда мотался его сын: то на машине, то на снегоходе. Да и с его Елизаветой раз столкнулась нос к носу, когда, возвращаясь с работы, увидела её с Немкой. Никто тогда и виду не подал, но Мария по сей день помнила, как Володина Лизуха пронзила ее взглядом, как вся передёрнулась, и если бы не старуха, то вполне могла наброситься с кулаками. Ей, откормленной, это ничего не стоило бы. Такая, как цыплёнку, свернёт голову любому, кто осмелится встать поперёк дороги. Единственное, чем Мария утешала себя после той встречи, так это тем, что каникулы не бесконечны и рано или поздно Володина семья уедет. Вот тогда-то и будет ясно, каким он стал, в чью сторону дышит.

Все эти дни она смотрела на Володину рубашку, как на оберег, — выстирала её, выгладила, и она лежала на столе в горнице, как на витрине. Она нет-нет да брала её в руки, смотрела, ласкала, даже нюхала, пытаясь почувствовать знакомый Володин запах, всегда напоминавший горьковатый запах герани. Мария мечтала о том дне, когда закончатся каникулы, и тогда всё будет, как прежде. Да, мечтала. Но вот прошла неделя после каникул, а Володя и намёка никакого не сделал, и она окончательно поняла, что проиграла, когда увидела в пятницу, что опять к нему приехали из Москвы.

Разные мысли жили в Марии, с ними она пережила ночь, а на следующий день, доведя себя до невыносимого нервного напряжения, отпросилась пораньше с работы и вернулась в Ключи, решив отнести рубашку Володе. И не просто отнести, а уколоть его, пока рядом с ним Елизавета, хотя и понимала, что поступок будет выглядеть наивным отчаянием, над которым можно только посмеяться. Пусть смеются! И не важно, что о ней могут подумать, — она всё-таки сделает по-своему, плюнет Кузнецову в бесстыжие глаза! Когда же этого не получилось и к ней вышла Елизавета, то Мария даже более обрадовалась, у неё даже сердце защемило от радостного ощущения мести, от возможности сказать его жене напоследок то, что давно хотела сказать.

— Передай своему козлу, чтобы он никогда более не мелькал передо мной, даже и не пытался! — почти крикнула она Елизавете, швырнув ей Володину рубашку, и, круто развернувшись, торопливо пошла прочь, почти побежала.

Она думала, что, решившись на отчаянный и мучительный поступок, можно избавиться от обиды, думала, что те-

перь и дышать будет легче, и жить можно беззаботней, но просчиталась. Раздавленной и осрамлённой она убежала от Кузнецовых, пыталась и не могла сдержать рыдания. И хорошо, что никто не встретился на пути, а то и вовсе стыдоба. Она с ходу заскочила в дом, закрылась изнутри и рухнула на кровать, забилась под подушки... Позже попыталась расшевелиться, прогнать гулявшие мысли, от которых никакой пользы, потому что гуляли они как сквозь дырявый веер. Только вред, ибо любая из них настырно возвращала к мыслям о Кузнецове, к его противной жене; хотя по-настоящему думать о них не хотелось. У неё самой, в конце концов, есть дети, внуки. Она в любой момент может к ним уехать. А что, напишет заявление на отпуск и съездит, погостит, развеется. И никто ей не посмеет отказать, потому что она почти два года работает без отпуска. Пора бы и о себе вспомнить.

Она в тот вечер заставила себя успокоиться, потом кое-как пересидела дома выходной, а когда пошла в понедельник на работу, то, закужившись в заботах, мало-помалу забылась. А чтобы случайно не вывести себя из более или менее наладившегося успокоения, — старалась не попадать на глаза Кузнецову, даже страшилась его, словно от такой встречи опять чувства пойдут наперекосяк. Дальше кухни носа не казала, особенно в обеденное время, когда тот мог прийти на обед, хотя, как стала замечать, он тоже перестал мелькать в столовой. «Понимает, козлина, что нашкодил, и теперь стыдится в глаза смотреть!» — думала она, ругая его и одновременно жалея, потому что при всей скопившейся неприязни и обиде, росшей день ото дня, она так и не знала до конца Володиных мыслей. Может, поэтому где-то в самой далёкой глубине души у Марии ещё теплилась малюсенькая надежда, что не всё у них потеряно, что произошла самая нелепая из ошибок, и всё у них наладится. Но чтобы это прояснить и понять, надо бы, конечно, поговорить с Кузнецовым откровенно, услышать от него какое-то конкретное, твёрдое слово и уж тогда решать, в какую сторону склоняться.

Никогда Мария не думала, что это ожидание станет таким тягостным, изматывающим душу, лишаящим сна и аппетита, заставит похудеть. Она стала на себя не похожа: и лицом бледна, и кофты, какую ни надень, начали болтаться... Минула неделя, вторая, уж дни заметно удлинились, а от Володи ни слуху ни духу, никакой иной весточки или знака. Ей в эти дни хотелось с кем-нибудь поговорить, излить душу, найти такого любезного человека, к которому можно было легко прислониться и поделиться гнетущими мыслями, раскрыть душу. Можно было поговорить с кем-нибудь из старух, но

как им откроешься, если одна из них, Наталья Устюжанина, сама как-то ошарашила, нахально и обидно спросив: «Ты чего же это, девка, парня нашего соблазнила и бросила, а теперь через это и знать никого не желаешь!» Не хотела Мария отвечать зло, но ответила: «Не вашего это ума дело, бабушка! Кто вас просит соваться во все щели?» Устюжанина чуть не поперхнулась от её слов, даже пробормотала: «Свят, свят...» Так что разговор с «теньвыми» старухами отпадал. Не могла Мария и на работе открыть душу. Вроде и привычные люди — поварахи, но ведь — бабы. Им только повод дай.

От одиночества, от свалившейся тоски, Мария всё-таки хотела позвонить дочери и попросить совета: как дальше жить? Но пока думала да собиралась — поняла, что дочери даже труднее рассказать о себе, чем чужому человеку. Например, кому-нибудь в автобусе или поезде: мало ли кто с кем и о чём говорит в дороге.

Мария продолжала изводиться день за днём, мучиться от тоски и одиночества, и множество мыслей мелькало в её неспокойной голове. Казалось, ещё немного, и найдётся верный выход. И тогда сразу станет ясней ясного, как дальше жить, в какую сторону качнуться. Она перебрала все варианты, но когда однажды позвонила дочь и спросила о делах, то Мария неожиданно прослезилась. Валентина услышала всхлипывания и заставила всё доложить без утайки. Мария рассказала о своей одинокой и скучной жизни, а о Кузнецове — ни слова. Но Валентине было достаточно и тех всхлипываний, которые услышала в трубке первоначально, и зацепилась за них, вспомнила новогодний разговор с матерью, когда заманивала лёгкой работой — печь пирожки.

— Всё, хватит тоску разводить, пора к нам перебираться, — сказала, как приказала, дочь, словно обрадовавшись слезам матери. — Внучата по тебе скучают!

— Надо подумать... — несмело отозвалась Мария.

— Подумай, только недолго! — приказала Валентина и почти сразу спросила: — Подумала? Вот и хорошо. Считай, что всё решили. Увольняйся с работы, а за нами дело не станет — в первый же выходной заберём!

После такого разговора в Ключах наметилось значительное событие, но мало кто догадывался о нём. Мария никому ничего не рассказывала, носила переживания в себе, словно могло что-то измениться, если она с кем-то поделится новостью, хотя сперва почему-то посчитала, что дочь пошутила, пригласив жить поближе к себе. Она-то, может, и пошутила, а Мария всерьёз отнеслась к её словам и, неожиданно для себя, разогрела в душе фантазию, вспомнила внучат, пред-

ставила городскую квартиру дочери и тот дом, где ей самой предстояло жить. Получалось всё то же самое: такая же деревенская жизнь, такая же каждодневная суета. Только в одном разнища: не будет рядом Кузнецова, которого она не могла более видеть. Зато дочь всегда, случись чего, окажется рядом. А ведь это немало. Дело-то к старости идёт, и не будешь всю жизнь порхать беззаботной бабочкой.

Несколько дней Мария распухала от мыслей, до конца не зная, что делать, как теперь дальше жить, а потом всё-таки не выдержала и позвонила, решив ещё раз убедиться в словах дочери. А Валентина, как услышала нытьё матери, так сразу же напустилась:

— Мы-то думали, ты давно уволилась, а ты всё раздумываешь. Завтра же подавай заявление!

Назавтра Мария так и поступила. У неё пытались узнать причину поспешного увольнения, просили и советовали подождать до лета, когда увольняются все нормальные люди, но она, понятно, никому ничего не стала докладывать и объяснять. Сказала: «Мне надо уволиться — и хоть трава не расти!» Тогда ей сказали, что заставят отработать положенное по закону время, а ей всё нипочём: «Заставляйте! А потом всё равно будет по-моему!»

27

В середине февраля у Кузнецова неожиданно появился напарник. Дни к этому времени удлинлись, в воздухе явно запахло весной, и появление нового человека прибавило свежести и перемен. К тому же, пришёл знакомый человек, тот самый электрик, которого он сменил осенью, а потом чуть ли не подрался с ним у магазина. Сразу, конечно, возникло много вопросов, но кому их задашь, если сам Анатолий Петрович как-то с утра привёл его и долго не объяснялся, лишь сказал Кузнецову:

— Вот тебе помощник. Знакомьтесь и начинайте работать.

— Да мы знакомы... — ухмыльнулся Володя, глянув в печальное лицо худого, моховатого мужика и вспомнив стычку у магазина.

— Вот и хорошо, что знакомы. Занимайтесь делами, а я дальше побежал.

Оставшись наедине с напарником, Кузнецов подал руку:

— Владимир.

— А я — Василий...

— Вот и хорошо, что Василий. Сейчас освободим от хлама верстак и устроим тебе рабочий стол.

— Владимир Николаевич, вы уж на меня не обижайтесь! — вздохнул Василий. — Я тогда выпивший был! Если помните, зимой дурь перед вами выказывал у магазина...

— А теперь-то как с этим делом? — спросил Володя и щёлкнул пальцем по горлу.

— В окончательной завязке... Жена заставила к врачу идти. Пригрозила, что сама уйдёт, если не одумаюсь. Она же и вернула меня сюда. Пошла к директору, уговорила его взять меня на полставки.

— И это правильно... Работы всем хватит. А обиды у меня на тебя нет. С кем чего не бывает. Думаю, в курс дела тебя вводить не надо — сам всё лучше меня знаешь.

— Знать-то знаю, но вам теперь, как старшему, надо будет команды давать, чтобы мы не мешались друг другу.

— Разберёмся... Заявки будем выполнять по очереди, а на крупные дела вместе наваливаться.

— Как скажете.

Податливость Василия и его соглашательство были вполне очевидны и понятны. Видно, натерпелся мужик и от жены, и от безденежья, и теперь, когда просветлел разумом, то в благодарность готов был стать послушным и покорным, хотя его покорность в любой момент может смениться хамством или агрессией, стоит лишь заложить за воротник. Но это всё была мелкая маета в мыслях. Крупная же преследовала Володю по другому поводу. Ему не верилось, что их прижимистый и высокомерный директор так проникся заботами Василия, что проявил гуманность и заботу ради сохранения семьи непутёвого прежнего работника.

Несколько дней тревожно рассуждал Кузнецов и неожиданно понял, что очень ошибался, пугая себя страшилками. Выяснилось это довольно скоро, когда Метельский вызвал к себе. Директор встретил мягко и вкрадчиво, усадил за стол рядом с собой, Снежана принесла им по чашке кофе, качнув прямой чёрной чёлкой. Эта неспешность предполагала неторопливый и обстоятельный разговор, и Кузнецов не ошибся. Только говорили совсем не о том, о чём он мог предположить.

— Давно хотел узнать у вас, Владимир Николаевич, новости в технике охраны, — сделав глоток кофе, спросил директор и внимательно посмотрел на Кузнецова чёрными глазами, словно тот знал все эти новости, но пытался утаить их.

— Новости — разные.

— Ну а всё же. Могли бы вы установить современную сигнализацию на чьей-то квартире?

— У вас, что ли? — в лоб спросил Кузнецов.

— Ну, предположим...

— Так это надо обращаться в отдел вневедомственной охраны. Они и установят, и на охрану возьмут.

— Но это в городе. А как быть с дачей? Вот у вас, к примеру, есть охрана?

Не зная, как ответить, Володя насторожился, ответил шутливо:

— Конечно, есть. Автономная... На окнах стоят капитальные решётки, а под кроватью кобра живёт.

— Ну а если серьёзно?!

— Есть, конечно, охрана, — вздохнул Володя, словно выдал великую тайну. — Уж кому-кому, мне-то стыдно её не иметь. У меня, скажу вам по секрету, она подключена к вай-фай. Я вот, например, разговариваю сейчас с вами, и вдруг мне на пульт, — Володя постучал по боковому карману куртки, — поступает вызов о проникновении... Конечно, сразу я сделать ничего не смогу, но в момент проникновения автоматически включается система звукового оповещения.

— И что, помогает? Разрешение, наверное, необходимо?

Володя ухмыльнулся:

— Пока Бог миловал... Проверить в действии систему — тьфу-тьфу-тьфу — не приходилось. Но при отладке проверял. Работает на все сто. А насчёт разрешения — не более чем на обычный интернет.

— Заманчиво, — вздохнул Метельский и ласково посмотрел на Кузнецова, словно собирался просить у него займы денег. — У меня вот такая проблема... Осенью я кусочек земли прикупил, дачку поставил... Сейчас там отделочные работы заканчивают, поэтому хотелось как-то это всё сохранить. Могли бы помочь?

— Запросто. Было бы время.

— На этот счёт не беспокойтесь. Значит, я могу на вас рассчитывать?

— Вполне.

— Тогда с завтрашнего дня и начнём. Съездим в Сергиев Посад, присмотрим и закупим необходимое оборудование, а потом занимайтесь, сколько будет нужно. А чтобы не оголять рабочие тылы — Василий будет подстраховывать. Ну как, согласны?

— Запросто, если появилась такая необходимость.

Метельский поднялся над столом и подал руку:

— Тогда я утром пришлю тебе своего Игорька, и машина будет в твоём полном распоряжении весь рабочий день! — перешёл директор на «ты».

— Буду ждать! — Кузнецов откланялся и вышел, сразу догадавшись, для чего вернули Василия на работу, и хотел было

отказаться, пока не поздно, но быстро охладил себя: «Мне-то чего. Авось, не на своей даче буду ковыряться, а на чужой да за казённый счёт. Да и попробуй откажись — сразу врагом станешь!»

На следующий день поехали в Сергиев Посад, где имелся специализированный магазин. Кузнецов было заикнулся, спросил у водителя, кто будет расплачиваться за покупки, но тот успокоил, сказал по-свойски:

— А мы сегодня ничего не будем покупать, а лишь приценимся, возьмём реквизиты конторы, а через денёк-другой приедем с оформленной платёжкой. Так Метельский сказал.

Хотел Володя спросить, с чьего счёта будут списывать деньги, но не спросил, опять заставил себя не совать нос туда, куда его не просят. «Ведь наверняка, — думал Кузнецов, приятно покачиваясь на переднем мягком сиденье, — со счёта интерната. И это — пожалуйста. А как просил денег на аккумулятор для дизеля — надо ждать следующего финансового года!»

Пока Володя размышлял, вдруг вспомнил, куда и зачем они едут, и не увидел какого-то смысла в поездке, если нет конкретики. Сколько дверей, окон на даче Метельского? Сколько этажей? Поэтому, пока не добрались до города, он приказал водителю:

— Звони шефу!

Вальяжный Игорь неохотно снял с «торпеды» телефон, лениво спросил:

— Ну и чего я ему скажу?

— Скажи, что хочу с ним поговорить.

Водитель вызвал шефа и передал трубку Кузнецову, а тот сразу с вопросом:

— Эдуард Максимович! Прежде, чем ехать в магазин, надо на месте определиться с объёмом работ, прикинуть — сколько и чего надо заказывать.

— Дельно говоришь, Владимир Николаевич. Скажи Игорю, чтобы отвёз на мою дачу — это по пути. Передай ему трубку.

Володя отдал, Игорь выслушал шефа, сказал «всё понял» и притормозил, остановился. Они развернулись и помчались назад. Ехать недалеко: до раскуроченного поля с дачами-новостройками, которое недавно проезжали.

Володя обошёл все три этажа дачи под любопытными взглядами азиатских гастарбайтеров, заканчивавших внутреннюю отделку, всё замерил, что нужно, посчитал и, когда они вышли к машине, весело сказал Игорю:

— Вот теперь можно ехать!

На въезде в город, неподалёку от первого светофора, перед ними перебежала дорогу женщина с овчаркой да поскользнулась, упала. Машины приостановились, водители начали сигнализировать, что-то выкрикивать, опустив стёкла, и не оттого, что пешеходка мешала проезду, а от ситуации, в какую она, несчастная, попала. Да и было от чего мужикам развеселиться, когда женщина, пытаясь встать, приняла позу лягушки, а сопровождавший кобель сразу обхватил хозяйку передними лапами. Женщина скользила, конфузливо отбивалась, пытаясь выпрямиться, но лёд по краям проезжей части мешал, а более всего, конечно, мешал цепкий хвостатый спутник. От созерцания происходящего движение и вовсе замерло. Румяный Игорёк раскраснелся от удовольствия, выглянул в окно и крикнул:

— Жми ту же — не будет хуже!

В какой-то момент женщина всё-таки отбилась, подняла со льда синий берет, оправила короткую шубку и торопливо перебралась через засыпанный снегом бордюр, побежала по тротуару, продолжая отмахиваться от наскакивающего пса.

Игорёк ухарски свистнул вдогонку и ухмыльнулся:

— Ну, дела! Сколько лет за рулём, а такое увидел впервые! Как он её?

Володе на эту тему говорить не хотелось, словно всё, что он невольно увидел, увидел в замочную скважину, но всё равно вставил словечко:

— Сучка не захочет, кобель не вскочит! — и вспомнил Макарову, вспомнил, как она увивалась вокруг него.

Водитель продолжал вспоминать подробности только что увиденного, и если бы вскоре не подъехали к магазину, то мог бы говорить на эту тему бесконечно. А в магазине не до разговоров. Кузнецов ознакомился с комплектом приборов и материалов, спросил у продавца, есть ли это всё в наличии и необходимом количестве и, услышав «Сколько угодно — были бы деньги!», попросил реквизиты магазина для безналичного расчёта. Володя отдал список необходимого, взял визитку магазина с реквизитами и тут подошёл Игорь, ходивший по магазину в распахнутом полушубке, в шапке набекрень, из-под которой свисал казацкий чуб, шепнул:

— Звонил Метельский, сказал, чтобы всё заказать в двойном объёме.

Задавать вопросы было не с руки, Володя лишь попросил продавца умножить список на два и пошёл к машине. На улице спросил:

— Ничего он не напутал?

— Нисколько! Второй комплект, как я думаю, для дачи Звягина.

— Тогда другое дело... — задумчиво отозвался Кузнецов, а сам посчитал в уме стоимость оборудования, и получилось, что один комплект потянет на пять-шесть тысяч долларов. Подумал: «Да умножить на два! Вот куда денежки-то утекают интернатовские!»

Более ни он, ни Игорь на эту тему не разговаривали, словно всё так и должно быть, как происходит. Володя, созвонившись с шефом, доложил обстановку и получил указание на работе сегодня не появляться: мол, и Василию делать нечего.

Кузнецов лишь на следующий день появился у себя в каптёрке, а потом ещё раз съездил с Игорем в магазин, набил полную машину аппаратуры и с того же дня начал работать на директорской даче. Тот хотел его поселить на ней постоянно, как недавно жили узбеки, но Володя не согласился, сказал прямо:

— Делайте, что хотите, Эдуард Максимович, но ночевать я должен у себя! Иначе жена не поймёт. А я с ней только-только зачистил контакты! — твёрдо сказал Володя, когда Метельский приехал на дачу вместе с ним.

— Она, что — такая ревнивая у тебя?

— Не то слово — просто пантера на это дело.

— Не узнала бы... Работал бы и работал потихоньку. Холодильник полный, все удобства. Живи — не хочу.

— Бесплезно — все старухи в деревне на неё пашут. К тому же щенка не могу оставить беспризорным. Да и трубы разморозить не хотелось бы. Так что, с какой стороны ни погляди — не след мне бросать свою избушку.

Метельский задумался, потом согласился:

— Ладно, Игорь будет привозить и отвозить. Только не затягивай работу.

— Затягивай не затягивай, а неделя уйдёт!

— Ну, неделя — не месяц.

На том и договорились. Володя в тот же день начал установку сигнализации с третьего этажа, хотя это и лишнее: какие такие ценности нужно хранить, чтобы ставить на сигнализацию верхний этаж? Но если Метельский сказал, что надо каждую щель поставить под охрану, чтобы «летучий мышь» не пролетел, — значит, он будет ставить. Ему даже в радость немного забытая работёнка. Это в последние годы она настряла в зубах, а теперь одно удовольствие поработать кусачками да отвёрткой. До вечера Володя не спеша копался с датчиками да проводами и не заметил, как он наступил, а вечером услышал сигнал машины. Это только Игорь мог объявить всему свету о своём появлении. Вышел Володя на улицу, а он ухмыляется.

— Опять, что ли, бабу на льду видел? — спросил Кузнецов.

— Хуже того... Претензия на тебя поступила, Владимир Николаевич!

Володя сперва ничего не понял, о какой претензии сказал Игорь, а тот, пока ехали, не спешил рассказывать, лишь чему-то ухмылялся да весело поглядывал на Кузнецова. Только перед Ключами открылся.

— Зачем же вы женщину обидели? — спросил он и сделал паузу, дожидаясь реакции.

— Да ладно тебе... Никого я не обижал.

— А Макарову?

— Ну и чего?

— А то! Вчера она рассчиталась, а сегодня уехала жить к дочери. Перед отъездом тебя хотела увидеть, а Василий ей сказал, что Кузнецова можно не ждать, на вызове он до конца дня. Тогда она ему письмо оставила, а Василий попросил передать... — Игорь достал из-под солнцезащитного козырька конверт, а на нём лишь одно слово «Кузнецову». — Чего пишет-то? — запросто спросил он, думая, что Володя сразу откроет конверт.

— Что надо, то и пишет. Чужих это не касается! — сердито сказал Кузнецов и, спрятав письмо в карман, отвернулся к окну.

28

К тому часу, когда Кузнецов получил весточку от Марии, сама она оказалась за двести километров — в Ярославле, в большой и уютной квартире дочери, окружённая внуками. Никогда Мария не думала, что они так соскучатся. Даже когда приезжали на зимние каникулы, так не ласкались, как теперь. Хотя тогда им не до бабушки было, а сейчас вопросы так и сыпались:

— Как доехала?

— Как там наша горка?

На все вопросы Мария ответила разом:

— Доехала хорошо. Горка цела, но кататься на ней некому.

Мальчишки ещё и потому лезли с вопросами, что не было родителей: отец погнал машину в гараж, а мама задерживалась в своём кафе. И теперь, поглядывая на чемодан и сумку с вещами, на упакованную герань, Мария не знала, что делать. По хорошему-то, надо приготовить что-нибудь на ужин. Но в холодильник заглянула, а там и кастрюля с борщом, и миска с готовыми котлетами. Решила всё-таки зятя ждать. Иван обещал через десять минут прийти, а уж никак час прошёл, а его всё нет.

— Папка-то всегда так долго в гараж ходит? — спросила Мария у младшего внука, начав беспокоиться; старший в это время в своей комнате молчаливо сидел у компьютера.

— Я позвоню ему! — спохватился светлоголовый Саша, удивительно похожий на отца, и не только цветом льняных волос, как коренной ярославец, но и рассудительными, спокойными повадками.

Он позвонил отцу, что-то выслушал и сообщил:

— Бабушка, он сейчас вместе с мамой придёт.

Прошло-то всего несколько минут, как от двери раздался звонок, и на пороге появилась дочь с зятем. И внук сразу сообщил матери, как самую большую новость:

— Мама, к нам бабушка приехала!

— Чего бы я без тебя делала, сын? — рассмеялась розовощёкая Валентина. — Ну, показывай, где она притаилась.

А Мария только услышала голос дочери, сразу поднялась с дивана — и к ней в объятия, прослезилась.

— Mam, чего слёзы-то льёшь, когда радоваться надо.

— Соскучилась... Всё одна и одна. У вас-то как весело.

— Да уж... А я, как видишь, задержалась у своих архаровцев. Ещё одно кафе открываю — и дел, сама понимаешь, невпроворот. А теперь надо о твоём жилье думать. У нас и дом для тебя на примете есть. С хозяином полная договорённость. Тебя только ждали, — раздеваясь в прихожей, рассказывала Валентина.

— Это вы для этого меня выписали-то? — шутливо упрекнула-спросила Мария. — Вроде как для охраны?

— И для этого — тоже. Но главное, мам, жалко мне тебя стало: одна гниёшь в Ключах! Хотя и родина, и мне Ключи через ночь снятся, а всё равно, когда все вместе — на душе спокойнее будет. И не думай, что мы тебя отправим в какой-то медвежий угол. Ничего подобного. Всего полчаса езды от нашего дома. А деревня на берегу Волги. Представляешь, какая красота. Летом на берег выйдешь, а по реке белые теплоходы бегут, и пассажиры с палубы машут. Загляденье.

Рассказывая о прелестях здешней жизни, Валентина успевала командовать сыном и мужем. Саша носил в большую комнату посуду, Иван достал из холодильника кастрюлю, поставил на плиту, а Валентина начала резать овощи для салата.

— А я-то чего же без дела сижу? — забеспокоилась Мария, словно её в наказание отстранили от кухонной суеты.

— Не ты одна бездельничаешь, — улыбнулась дочь. — У нас ещё один важный человек есть: Паша. Ты хоть видела его?

— Видела, а как же. Он уроки делает — отвлекать нельзя.

— Ага, уроки. На компьютере он в игрушки играет. Ему уж скоро тринадцать, а по-прежнему как ребёнок.

— Да ладно, не ругайся на него. По улице не гоняется — и то хорошо.

Валентина ничего не ответила, лишь отмахнулась, словно сказала, что ей некогда вникать в такие тонкости. Мария всегда думала, что Иван всем заправляет в семье, а сейчас посмотрела на дочь, на молчащего зятя и поняла, что ошибалась. Оказывается, мало она знала свою Валентину, думала, что она такая же, как в детстве: пугливая, слезливая. А сейчас-то ишь какая деловая. Откуда что и взялось?

После ужина или обеда (Мария так и не поняла) пришло время для разговора. Внучата занимались своими делами, Иван прилёт в зале смотреть по телевизору новости, а Мария с дочерью закрылись в спальне, чтобы никто не мешал говорить. И не потому закрылись, что имели какие-то секреты, а потому что хотелось пооткровенничать неторопливо, всё обсудить от души — так, чтобы наговориться, а потом и не возвращаться к этому. И первый вопрос у Марии — тот самый, какой не давал покоя весь день. Она так и спросила прямо:

— Дочка, а когда же мне к работе-то приступать, пирожками заниматься?

Валентина рассмеялась:

— Сиди уж, стряпуха. Про пирожки я на ходу придумала, чтобы хоть какой-то работой заманить! Уж такой ты показала тогда несчастной, одинокой — чуть не разревелась.

— А в той деревне-то я не буду одинокой?

— В Высокой-то? Да ни за что. Это тебе не Ключи, где полторы старухи осталось. В Высокой сплошь дачники. Особенно много военных пенсионеров. Они только по названию пенсионеры, а так всё лето в панамках да шортиках прогуливаются, как трутни на пасеке летают, высматривают зазевавшихся молодых.

— Мне никто не нужен.

— Ну и не надо. Я это для того говорю, что скучать тебе не придётся. Да и на всё лето ребят привезём. Разве плохо с ними будет? Слушай, а чего это ты слезу-то горькую пустила недавно?

— Это когда же?

— Перед тем, как заявление на расчёт подала.

Мария сразу вспомнила Кузнецова, и очень ей захотелось рассказать о нём, о том, сколько переживаний и унижений получила из-за него, но как обо всём этом поведаешь дочери, если она и знать ничего не знает и ни о чём не догадывается. «А может, всё-таки разведала? И теперь специально выпытывает, чтобы я сама обо всём доложила!» — подумала Мария и почувствовала, как заколотилось сердце от стыда, от оби-

ды на свою жизнь, когда невозможно открыто поговорить, поделиться горькими думами.

— О каких слезах говоришь, не пойму? — спросила она с искренним удивлением.

— Да ладно... Проехали... Теперь забудь обо всём плохом.

— Я и не думала об этом... Меня другое заботит! С работы-то я уволилась, а по-прежнему считаюсь жительницей Ключей. Вот и не пойму: то ли к вам погостить приехала, то ли навсегда.

— Оно так и есть. Для того и вызвали. В ближайшие дни оформим на тебя дом в Высоком, и будешь ты стопроцентная хозяйка на новом месте. Можно бы, конечно, тебя у нас прописать, но зачем лишние деньги платить за коммуналку.

— Это чего же: за меня ещё и платить надо?

— Ну не за тебя, а за твоё проживание: за воду, отопление. Это же город, тут на каждого человека начисляют плату.

— Чего же не сказала-то мне об этом? Я тогда и не поехала бы. Меня не только поить-кормить надо, а ещё платить за меня. Я-то расхрабрилась: думала, действительно стряпать буду, сама себе добывать на пропитание, а получается, что на вашей шее полной обузой сидеть буду.

— Мам, ну какая ты обуза. Тебе так и так скоро на пенсию. И не всё ли равно, где получать. В Высоком так даже лучше.

— Если только так. Если уж позвали, то всё надо делать по-человечески. Я не сорока какая-нибудь, чтобы по чужим деревьям сиротой стрекотать.

— Мам, вот и мы хотим сделать всё правильно. Зачем переплачивать там, где можно обойтись без лишних трат. Да и тебе спокойнее. А то придёт участковый и спросит: «На каких основаниях, гражданка, здесь проживаете?»

— А как же дом в Ключах?

— Я же говорила: на брата оформим, пусть пользуется. Да и мы когда-нибудь приедем навестить родину, к папе на могилку ходим, к дедушке и бабушке.

— А Иван-то не будет против?

— Он сам всё это и придумал! У него задумка есть: кроликов разводить. Уж за что он любит косоглазых — не пойму. Говорит, с детства привык. У нас всегда два-три кролика на балконе жили. Правда, теперь перестали держать — соседи начали жаловаться. Мол, воздух от них тяжёлый, особенно летом. А в Высоком-то Иван им клетки построит — потом диетическим мясом завалит. Ну а ты, конечно, ухаживала бы за ними.

— Как расплодятся — будем мясо дачникам продавать. Сама же говорила, что их там летом полно.

— Вот это, мам, мне нравится в тебе. И дачникам можно

продать, и у меня в кафе реализовать. Найдём применение, не переживай. Так что с завтрашнего дня начинаем оформлять. А то ведь весна на носу, сейчас не оформим — знакомые ждать не будут. Тем более что задатка мы не давали.

Когда они вышли из зал, Валентина объявила Ивану:

— С завтрашнего дня начинаем домом заниматься, слышишь?

Но Иван и не пошевелился. Валентина толкнула его, а он спит.

— Вот и поработай, мам, с таким помощничком!

Иван приподнялся, почесал взлохмаченную белобрысую голову, счастливо потянулся:

— Хорошо я вздремнул!

— Не ругайся почём зря! — сказала Мария дочери. — Иван сколько километров накрутил из-за меня. А дорога-то какая тяжёлая — лёд кругом. Пока ехали, уж столько аварий видели. В Ключах жила, ничего не знала такого.

— Ну, проснулся? — спросила Валентина у мужа, не обращающая внимания на слова матери. — Тогда звони своим, скажи, что пора дом оформлять!

Иван повеселел, подсел к телефону, а Валентина позвала мать в кухню:

— Пошли, мам, чайку попьём. Пусть он поговорит спокойно.

Когда чайник поспел, Валентина позвала детей, но пришёл только младший Саша; старший сын, пока они торчали в спальне, отправился на улицу.

— Сашок — молодец! — похвалила Мария внука. — Чего зря по улицам собак гонять!

— Бабушка, а в твоей деревне много собак? — Внук сразу прицепился с вопросом к похвалившей бабушке.

— Ни одной. Появился, правда, щенок, но когда он вырастет. Так что, считай, и нет настоящей собачонки. Одни старенькие бабушки живут.

— А дяди, которые катались на снегоходе?

— Так это дачники из Москвы... Их чего считать. Ещё тот народец.

Сказав о «народце», Мария сразу вспомнила Володю, и так горько сделалось на душе — даже чай пить расхотелось, сразу мысли ручьём побежали. И главная из них: «Получил ли письмо?» Вспомнив о письме, подумала о том, что передала его в чужие руки, пусть и в заклеенном конверте. Надо бы послать потом обычной почтой. Но это только сейчас она «правильно» рассуждала, а тогда не терпелось в тот же момент сообщить Кузнецову о своём отъезде. А если не поймёт,

то тогда он полный ветродуй.

Мария долго переругивалась в душе с Кузнецовым, словно он мог каким-то образом услышать. Заочным разговором она облегчала душу, настраиваясь на новую жизнь, до конца не зная, как она устроится. Сейчас-то вроде все приветливые, но это первое время, а потом-то может всё измениться, потом совсем другим голосом будут говорить. Вот обидно-то станет. «Тогда, Маня, — шутила она над собой, — придётся тебе собирать манатки и спасаться бегством».

После ужина Валентина навела ванну воды, заправила пахучими шампунями, сказала:

— Иди, мам, отмокай. Расслабься немного, а то забыла, когда купалась-то последний раз по-настоящему.

— Почему, в баню хожу к соседке. Воды натаскаю, и сидим с ней там полдня, чай гоняем.

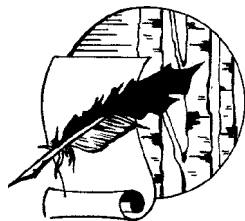
— Знаю я наши бани. Из одного таза намылишься, из другого ополоснёшься. Вот и всё удовольствие. А в городе-то совсем по-другому, хотя теперь не особенно поплескаешься.

Хотела Валентина сказать, что недавно они поставили в квартире водяные счётчики, и теперь водичку зря не польёшь. Это не прежде — бултыхайся, сколько хочешь, а плата от этого не зависит. Сейчас всё изменилось: капелька лишняя пролилась, а счётчик её уж на учёт взял. Потом платёжка приходит, и сразу ясно становится, сколько таких капелек за месяц через него пробежало. Сказать-то хотела, но для первого раза не сказала, не стала стеснять матушку.

Мария, конечно, ни о чём таком не думала. После ванны она, раскрасневшаяся, перебралась на приготовленный диван в большой комнате, и дочь пожелала ей спокойной ночи. И от её участия, от мягких слов сделалось Марии особенно приятно. Она поняла, что давно бы надо перебраться в Ярославль, не иссушать душу одиночеством, с каждым годом становившимся всё более тягостным. Ведь она и с Кузнецовым-то спуталась именно из-за этого. Бросилась, словно в омут, но, оказывается, поспешила, есть и другая жизнь, о которой ранее лишь догадывалась.

Она закужила голову сладким обманом, понимая, что вся эта «правильность» лишь в мечтах, на самом же деле всё иначе. Но она сегодня была готова и хотела обманываться, зная, что с завтрашнего дня начнётся другая жизнь. А как она сложится, принесёт ли радость? Кто же об этом может сказать заранее?

Продолжение следует

Дмитрий БАЛАШОВ

Выдающий русский писатель Дмитрий Михайлович Балашов родился в 1927 году в Ленинграде. Автор замечательных произведений: «Господин Великий Новгород», «Марфа-посадница», а также цикла исторических романов в серии «Государи московские», за которые в 1996 году он был удостоен литературной премии им. Льва Толстого. В 1997 году Д.М. Балашову были присуждены Большая литературная премия Союза писателей России за роман «Святая Русь» и Международная премия им. Святых равноапостольных Кирилла и Мефодия за серию книг по истории Государства Российского.

17 июля 2000 г. Дмитрий Балашов трагически погиб.

Наравне с прозой Дмитрий Михайлович писал и стихи. Но это поприще его творчества известно немногим. Поэтому мы решили опубликовать стихотворную подборку замечательного русского писателя.

ПРЕДТЕЧА ЗАРИ

* * *

Мне щит тяжёл.
И меч не по руке мне.
Изныло тело под чужой бронёй.
Я в бой иду без зова и без песен,
Я в бой иду. И друга нет со мной.

Я не могу отстать от мёртвой рати,
От призрачных шагов былых времён.
Я в бой иду. И надо умирать мне.
Таков мой путь и прошлого закон.

За мною тени. Надо мною ветер,
И серые влачатся облака.
И молча ждут трепещущие ветви,
Когда, разжавшись, свесится рука.

Когда моя на древнем поле бранном
Остынет кровь и канет дух во тьму,
Чтоб, окропив меня листвою багряной,
Прошелестеть: «Мир праху твоему!»

* * *

Опять под копытами времени
Согнуло забот ковыли,
Опять за серебряным стремям
Лохмотья годов потекли.

Высокие были Истории!
Тревожная поступь коней!
Судьба — не свершилась которая,
Сегодня привиделась мне.

И молодость — в том, что не любишь.
Да, молодость, ветер и дождь!
Целуй же в прощальные губы!
Такого. как я, не найдёшь!

Ты будешь счастливой. Я сгину
Без памятника и следа.
Но всё ж позабытого имени
Тебе не забыть никогда.

Я встану в серебряном ветре
Во влажных разливах земли,
Мне вновь торопиться и верить,
И ладить весной корабли.

Мне — ветром — ворочать листвою.
И синью вскипать за кормой.
Я буду в надеждах с тобою
И в горечи буду с тобой.

Я знаю, не вспомнишь! Далече
Уплыли ладьи на восход.
И всё же загробную встречу
С тобой ворожу наперёд.

Ступайте же, мысли, к рассвету!
Сегодня привиделись мне
Далёкий томительный ветер
И жаркая поступь коней.

ЗАВЕЩАНИЕ

Может, кто-нибудь и останется «прав»
После нас. После нашей войны.
Только знаю, калеками с детства став,
Проклянут нас наши сыны.

Проклянут и самую память о нас.
Наш мещанский слепой уют.
И рожая детей без мозга и глаз,
Наши дочери нас проклянут.

Бесполезно оружие в этом бою.
Ныне дети на передовой.
Искушая смертью подлость свою,
Мы уходим на этот бой.

Если будет ещё кто-то мыслить и жить
После нашей игры с огнём,
Мы хотели б из мира ему подарить
Всё, что лучшее было в нём.

Пирамиды инков и египтян,
Красоту коринфских колонн.
Твой торжественный зов к небесам, орган,
И церквей православных звон.

Мудрость древних, что врезана в зыбь веков,
Точно надписи ледников,
Переживший сотни и тысячи лет,
Нежных строчек звенящий след.

Красоту античных богинь, красоту
Нашей милой, родной земли,
Что горело в сердцах, что творило мечту,
Что увечили мы и жгли.

Всё, что создали наши отцы для нас,
Что мы сами создать не смогли.
Что любить научились в последний час,
Навсегда уходя с земли.

Только наши умрут и печаль, и смех
Вместе с нами в глубинах тьмы.
Кроме смерти атомной, смерти для всех,
Ничего не создали мы.

И пустые глазницы вперяя в века,
Среди — верю! — высоких трав,
Мы уже объяснить не сможем никак,
Что наш век был когда-то прав.

Что без смерти слепой, что без крови чужой,
Без раскиданных взрывами глыб,
Без погибшей листвы и сгоревшей травы
Наши кости лежать не могли б.

Может, кто-нибудь и останется прав
После этой безумной войны,
Только знаю, подарок наш не приняв,
Проклянут нас наши сыны.

Почему, — они спросят, — в рядах веков
Вы губили за разом раз
И богинь, и храмы, и свитки стихов,
Всё, что дарите нам сейчас?

Вы ценить не могли красоту земли,
И не ваша она, и нет
У вас прав любить и права дарить!
И мы — промолчим в ответ.

* * *

Мороз до тридцати. Скрипит дорога,
И пар над Варзугой смерзает в снег.
Легко взбегают елки по сугробам,
А небо в нежном розовом огне.

Холодный край! Ты днесь еще любимей.
Очарованьем сказочным согрет,
Чту каждый твой порог, дома и дымы,
Успенский храм и ели в серебре.

Тебе молюсь, скитаясь по дорогам,
Еще тебя увидеть жажду вновь,
Быть может, только ты — моя любовь,
Яснеющая с каждым новым годом.

* * *

Мир подарить не могу я тебе
И себя не хочу «дарить».
Лёгкого счастья не просят в борьбе,
А со мною судьба говорит:

Хочешь — не хочешь, ты обречён,
Облаком бед одет.
Через мечи или шелест знамён —
Узок твой путь побед.

Твёрже держи в руке клинок,
Если убьют — умри!
Будь до конца, до края дорог,
Ярким предтечей зари.

* * *

Могу ли я подняться над собою
И позабыть тебя, убить, изгнать
Любимый образ? Огненной мечтою,
Афганским ветром ты придёшь опять.

Храню теперь как символы страдания,
Оставшиеся от далёких пор,
Четыре фотографии: «Мечтанье»,
«Улыбка», «Пьяный смех» и «Тихий взор».

Такою в страсти этой, в материнстве,
Ещё такой — помощницей в труде
Была б ты мне... Закон любви таинствен:
Я жду — чего? И если встречу — где?

БОЛОТО

Среди осок состарилась вода,
Во мхах мхов, чтоб увидали вдруг вы
Рябиновые бусы спелой клюквы
Здесь жизнь остановилась навсегда

И только чередой осенних дней,
Когда шумят угрюмо старцы-ели,
Болото вспоминает лебедей,
Что к голубым озёрам улетели...

* * *

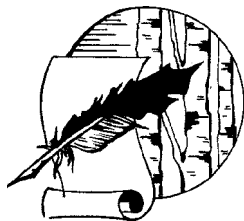
Бьют копыта в глухие травы
Степь дрожит, отряхая росу.
— До конца моей горькой славы
Я тебя на руках донесу!

— Тяжек путь твой, заезжий воин,
Мне речей твоих не постичь.
Может, лучше меня, достойней,
Ты иную встретишь в пути?

— Погляди в мои очи, лада!
Как похожа и ты на тех,
Мной любимых, желанных, жданных,
Подымавших меня на смех...

Что ж! Дороги приводят к цели.
Рухнет терем, взятый огнём.
Звёзды Севера злой метелью
Заметают родимый дом.

Рвутся кони, и путь отмерен
До конца, до зари, дотла...
Ледяными пальцами время
Гасит искры живого тепла.

Светлана ЛЕОНТЬЕВА

МОЯ АТЛАНТИДА

* * *

Век вековой. Никуда мне не деться —
взором просторы объять.
Здесь под рябиной багровой отец мой,
а под берёзою мать.

Не отделить, не разять с этим полем,
не разрубить связь времён,
и всё равно, как ни бейся, но больно
да с четырёх мне сторон!

Пусть аномальная зона здесь. Стыло.
Озеро с талой водой.
Я — и земля эта, я и — крапива
и василёк с чередой!

О, как мне жалко — родную, цветную
песню, что смех и что плач.
В руки беру я листок и целую...
Как поцелуй мой горяч!

Как расплывается красным помада...
А под ногами — трава.
И ничего ему больше не надо
небу, где лишь синева.

Что я отвечу рябине, берёзе,
этим, дрожащим в ветрах,
водку в стакан наливая сквозь слёзы,
каплям дождя на ветвях?..

* * *

Город, милый! Откуда слёзы?
Это осень — и нет предела!
Если рвётся душа из тела,
и закат здесь до боли розов!
Дмитров день наострил оковы.
Город — мальчик мой, вам не страшно?
Если пью здесь вино, и не важно
то, что улицы, словно вдовы,
трижды гордо клянут, ревнуя
всех бомжей, заползающих в норы.
Если спросишь, мол, час который? —
пропою тебе: «Аллилуйя!»
Било — восемь.
И были похожи
друг на друга и утро и вечер.
Мы ловили время за плечи —
ободрали с ладоней кожу.

* * *

Как хлеб из печи, по кускам её рвали.
Она — караваем огромным на блюде,
на белом льняном полотенце, в крахмале
тугих облаков, золотых изумрудин —
моя Атлантида! В пятнадцать республик.
Моя кумачовая — цвет земляники!
И каждый из нас нынче клятвоотступник.
И в каждом из нас, словно Каина блики!
И каждый из нас молвит: «Разве я сторож?»,
Как будто в иступе!
Сначала Прибалтика шпротой копчёной
да в масле, да в пряностях, жёлтая, в жире
отъята была. Помню день этот чёрный,
осталось двенадцать. И их растранирим!
От щедрости нашей больше всех бедным.
Расклёвано тело моей Атлантиды,
расташено в чьи-то карманы, в монеты
пушнина и золото, лес заповедный
в спирали, в безвременье и в пирамиды.
Как вспомню, кричать мне от горя охота.
Да что проку горло срывать мне до хрипа?
Моя Атлантида раскрыла ворота,
до сердца раскрыла, до пения скрипок.
До содранной кожи. До выданных рёбер.
До рваных подкладок. Младенческих цыпок.

И кто же осмелился, кто же сподобил
такой быть распахнутой, выпитой, битой?
Теперь помыкают моей Атлантидой.
И гвозди ей — в пальцы.
И в ноги ей — биты.
И в сердце ей пули из меди отлиты.
Моя ты родная! Остался лишь мякиш.
Остался последний космический стукот.
Каким ты куском, Расскажи мне, заплатишь:
неужто вон тем, что зовётся искусством!
Ужели его на съедение волку?
Ужели его в прах и грязь гвоздяную?
И камень на шею. И в матушку-Волгу,
как деву живую?

В ПОЙМЕ РЕКИ

Какое-то странное обнимание
с водою! Хотя я сама — вода!
Мне ни к чему твоё понимание,
даже внимание — ерунда!
Пойма реки — это то, где полно,
плотно сцеплено, намертво, в рост,
там, где река заливает горло,
там, где песок достаёт до кос...
Держит волна безупречно, остыло,
ох, и легка, и светла на весу!
Столько в реке камышовой силы,
ровно, как соловьиной в лесу!
Родненький, что ж ты влюбился так сразу
в эту ажурно бездонную глубь?
Омут заманит, затянет, отказу
нет, и обратно тебя не вернуть!
Песни такие, что не переслушать,
сладенький не переесть виноград.
Если открою сегодня я душу,
ты удивишься, там тоже — вода:
знобкая, тинная, льдистая, в искрах,
в тонких лучах, переливистых снах.
Баха токкаты, арии Листа
тонут в её речевидных мирах!
О, ничего о тебе я не знаю,
если ты родом нездешних глубин!
Главное — берег! И миг! Где Даная
нежная входит, полунагая,
в мир, что допрежь не разъят был, един!

* * *

Мой сын, родной, зови меня,
морозно, знойно ль, одиноко,
в любую вечность кликни! Я
вся — слух,
 вся — сердце,
 я вся — око!

Через преграды, молний штук,
ощупывая остро камни,
твой вымуровывать мне крик
и небо выгрызать церквями.
Ты помнишь, как ко мне приник,
когда был малышом, всем тельцем?
Рисунок был на полотенце
смешным. Я помню этот миг.
Мне кажется, ты был всегда,
был до меня, во мне, со мною.
До звёзд, до солнца, до следа
от крыльев ангела земного.
Родней родных. Отвесьь беду,
согреть, укрыть. На амбразуру,
я за тебя на смерть пойду,
вопя безумно.

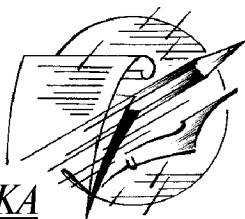
А матери все таковы...
Но не хочу за повседневным,
за незначительным и тленным
иссякнуть, вымереть, завьть
от безысходности, от боли.
Кардиограммой в «скорой» ролик
составить из своих обид.
Ты позови. Ты позови.
Приду! Я почерком любви
вхожу во весь вселенский звёздный
кардио-ритм всех Атлантид.
И всех комет. Всей жизни жизнью.
Отчизна я — в твоей отчизне.
Я — гвоздь, который держит щит.
Мной сквозь века твой зов услышан,
сквозь стены плача.
Хочешь вишен,
которые несла тебе
тогда в корзинке из-под торта?
К тебе — с разорванной аортой,
хоть по стеклу, камням, по льду.
Я слышу. Слышу. Я иду!

г. Нижний Новгород

ВЫХОД ИЗ ТУПИКА

В чём для России реальный прорыв в будущее?

Наше поколение выросло при социализме. Это был социализм второй половины XX века — развивающийся, строящийся, с каждым годом улучшающий и облегчающий жизнь простого человека. Всё в нём было положительно и правильно. Одно было отрицательно и неправильно — он был атеистическим. Жизнь в СССР быстрым темпом изменялась и росла материально, однако духовно — стояла на месте. Если и говорить о каком-то застое в Советском Союзе, то только о духовном застое. Это было наследием первых лет большевистской власти, которая каленым железом выжигала из умов и сердец любую религию, но прежде всего и жесточе всего — христианскую, пытаясь навязать свою собственную — веру в коммунистический рай. А место Бога и христианских святых должны были занять коммунистические вожди и пророки. Но, как и предсказывали христианские новомученики XX века, ничего из этих потуг не получилось. Более того, само атеистическое государство, сильное и великое в мате-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

риальном и военном отношении, не имея настоящей духовной основы, рухнуло через 74 года своего существования.

Вот уже более четверти века мы живем, погруженные в капитализм. За это время мы на собственной шкуре испытали все его «прелести». Мы воочию убедились, что человек для этой лицемерной системы вообще ничего не значит. Мы увидели, как эта система спокойно, цинично и безнаказанно грабит, калечит и убивает тех, кто «не имеет миллиарда» (как сказал ограбивший тысячи дольщиков непостроенных квартир С.Полонский: «У кого нет миллиарда, тот может идти в жо...»). Собственно, мы и должны были испытать на себе этот для многих вожделенный капитализм, чтобы не тешить себя мечтами о сладкой жизни, «как за кордоном», чтобы до всех наконец дошло, что капитализм даже и при возвращении в наше бытие Православной Церкви ежедневно уничтожает человека и материально, и морально, и духовно. Потому что капитализм по природе своей — бесчеловечен. А его религией, богом и кумиром является капитал. Капитал не только как материальное состояние, но как идея, как смысл существования, как неистребимая страсть, как дьявольское умопомрачительное вожделение. Капитализм — это путь в тупик, в нескончаемую войну, в ежедневную борьбу за выживание, в которой конкурент должен быть подавлен, раздавлен, унижен или уничтожен. И в этой войне допустимы любые методы для увеличения капитала. А того конкурента, с которым физически справиться не удастся, нужно или купить с потрохами, или оболгать и ошельмовать, или разложить изнутри. Что и делает Запад с Россией на наших глазах.

Да, мы во всём этом убедились на собственном опыте. И пора уже нашему поколению делать выводы. Пора осознать, что для России единственно реальным, во всех смыслах нормальным, человеческим и жизненно возможным может быть только один путь в будущее — христианский, православный, а это значит духовно развивающийся социализм. Проще говоря: **православный социализм**. Соединение православной веры и социалистической системы в жизни страны и станет тем **прорывом** в реальное будущее, о котором, не называя ничего конкретного, вроде бы озаботились нынешние кремлевские мечтатели. Но прорыв этот, по всей видимости, придется осуществлять нашему народу без них.

Многие рассуждающие о коммунизме часто не понимают или забывают, что эта идея изначально чисто атеистическая. В ней нет места Богу. В ней утопическая идея «справедливос-

ти» заменяет религиозную идею любви к ближнему и к Творцу. Идея коммунизма игнорирует мысль о том, что этот мир создан Творцом. По этой причине коммунистическая идея довольно быстро сама себя изжила, а сильнейшее атеистическое государство — рухнуло. Идея «справедливости» на самом деле — страшная. Если мир и людей судить по справедливости, всё человечество должно быть вновь уничтожено Богом, столько страшных грехов мы совершили и совершаем каждый день. Но Бог поступает не по справедливости, а по милости — давая нам возможность осознания своей греховности и покаяния, благодаря чему мир еще существует.

У всех народов понятие справедливости разное, в зависимости от интересов этого народа или их государства. Очень часто эти понятия «справедливости» вступают в противоречие между разными народами и даже государствами. А порой и в одном государстве разные народы по-разному смотрят на то, что хорошо и что плохо, что приемлемо для них, а что нет. А недалекие советские идеологи собирались строить коммунизм с узбеками, таджиками, азербайджанцами, чеченцами, с западнцами Украины и т.д., не понимая, как по-разному они смотрят на т.н. «справедливость». Оказалось, что их природу переделать невозможно.

Реальным будущим России должен быть не выдуманный в кабинетах коммунизм, который есть не что иное, как абстрактная фантазия безбожного ума. Реальным будущим России является **православный социализм**. Между прочим, по мнению многих известных мне верующих людей преклонного возраста, это понимал послевоенный Сталин. Не знаю, не могу сказать. Но такое мнение существует.

Чего испугался «православный» священник?..

Иерей Александр Шумский на портале Русской народной линии в ответ на мою статью «В чём для России реальный прорыв в будущее», страстно отвергая и решительно перечеркивая идею православного социализма, поведал нам, как ему нравился советский социализм. То бишь социализм партийно-коммунистический, основанный на атеистической идеологии: *«Лично я с ностальгией вспоминаю реальный советский социализм, при котором мне довелось жить, и могу засвидетельствовать, что уже в брежневский период заметно было смягчение отношения государства к Церкви, подобно тому, как это было в военный и послевоенный периоды. И если бы не предательское уничтожение СССР, то Церковь в скором времени получила бы от государства достаточно широкую сво-*

*боду. И вот это и был бы реальный (а не выдуманный) православный социализм». То есть, по мнению отца Александра, «реальный православный социализм» **был возможен**, если бы, как он пишет, «не предательское уничтожение СССР» и если бы «Церковь... в скором времени получила бы от государства достаточно широкую свободу». И более того, как он считает, зачатки этого «реального православного социализма» он застал в своей молодости, и они его вполне устраивали.*

Тут вроде бы и спорить не с чем. Даже при наличии в СССР однопартийной системы и официальной коммунистически-атеистической идеологии отец Александр вполне мог представить себе зарождение в советском государстве «реального православного социализма». С некоторой натяжкой с ним можно было бы и согласиться.

Но в этой же самой статье иерей Александр Шумский ставит в логической тупик любого адекватного читателя. Начиная с заголовка своей статьи («Идея православного социализма — опаснейшая утопия»), он сам же и перечеркивает собственный тезис о **возможном** «реальном православном социализме»: «...поэтизация истории отнюдь не способствует объективному её пониманию, а, напротив, порождает опасные и разрушительные утопии», подразумевая под ними, конечно, и «утопию» православного социализма. Как эти противоречащие одно другому убеждения уживаются в голове православного священника — одному Богу известно. То есть, по его логике, при коммуно-атеистической идеологии государства православный социализм был **возможен**, но при ее отсутствии — утопичен. Очень странная логика.

В своей статье я попытался предложить выход из того беспросветного мировоззренческого и экономического тупика, в котором оказалась наша страна после 27-летнего ее разгрома и ограбления населения творцами олигархического капитализма. В ней было сказано ясно и прямо о том, что капитализм по природе своей — бесчеловечен, что это — «путь в тупик, в нескончаемую войну, в ежедневную борьбу за выживание, в которой конкурент должен быть подавлен, раздавлен, унижен или уничтожен».

Президент Путин постоянно в своих выступлениях говорит о необходимости для России некоего цивилизационного «прорыва», чтобы не оказаться в проигрыше в этом ошестившемся на Россию мире, правда, не поясняя, что за «прорыв» он подразумевает. И слова его без конкретного наполнения повисают в воздухе.

Как известно, я далеко не первым предложил идею для будущего — вполне возможный выход из этого всеохват-

ного тупика, в котором мы оказались: тупика мировоззренческого, экономического, нравственного, национального, материального, духовного и т.д. Повторяю еще раз, идею именно **будущего** православного социализма, т.к. до него наш народ должен созреть, до него нам еще идти и идти, а точнее говоря, еще тонуть и тонуть в тряси-не безнравственного, жесточайшего капитализма. Но идея эта принята в штыки именно «православным» священником...

Читатели его статьи на форуме РНЛ справедливо спрашивали: «А что же предлагаете вы, отец Александр, в чём, по вашему, выход из этого тупика? Какой «прорыв» видите вы?» В ответ — молчание. Потому что предложить скорее всего — нечего. А это означает, что он молча предлагает нам остаться в нынешнем тупике, в этом олигархическом капитализме **навсегда**. Мол, примите то, что есть, и не дёргайтесь. По всей видимости, сегодняшнее положение его во всех смыслах вполне устраивает, как устраивал когда-то партийно-атеистический социализм...

Судя по статье иерея Александра Шумского, в словах «православный социализм» более всего его коробит именно слово «православный». И потому он сразу же, с самого заголовка своей статьи, объявляет эту идею «опаснейшей утопией» и решительно отвергает ее как неприемлемую ни для себя, ни для страны. В этом он сходится с ныне живущими атеистами, которых устраивает и капитализм, и социализм, но которые, как чёрт от ладана, шарахаются от идеи православного социализма.

Но чем же так пугает данная идея не только отца Александра, но и многих других, на дух не принимающих даже само это словосочетание «православный социализм»? Неужели им всё еще застит глаза страх возвращения кровавой диктатуры первых лет советской власти? Ведь ясно же, какие силы тогда стояли у руля государства и с какой целью они разжигали Гражданскую войну. И также многим ясно, что социализм прекрасно мог существовать и без этой жестокости власти, что мы и видели собственными глазами в 70-е и 80-е годы прошлого века. Ведь система социализма предполагает всего-навсего **социальное государство**, в котором недра и крупные предприятия не могут находиться в частной собственности. Только и всего. Но отчего же, хочется спросить отца Александра и его единомышленников, по какой причине социальное государство не может придерживаться официальной православной идеологии? В Греции — может, в Сербии — может, а в России — нет, не должно, не имеет права, потому

что это, видите ли, «утопично»... А может, именно иерей Александр Шумский не желает России такого исхода?..

Правда, он так и не объяснил: чего же он испугался? Запугивая себя и других фантазиями о неизбежном повторении революционного беспредела столетней давности, он позволяет себе эти примитивные, набившие оскомину пропагандистские штампы и банальности: «Хочет того Хатюшин или нет, но он предлагает вновь «отнять и поделить», то есть предлагает произвести очередную (теперь уже «православную») социалистическую революцию». Ну, во-первых, я ни в одном слове ничего подобного не «предлагаю» и никогда в жизни не «предлагал». Наоборот, всегда отвергал любые насильственные революции. А изменение общественной формации в государстве, по моему убеждению, должно происходить только с одобрения всего народа. И я не сомневаюсь в том, что подобное одобрение — перехода страны к православному социализму — в будущем произойдет.

Однако иерей Александр Шумский в своей статье пошел, как говорится, вразнос, запугивая нас всех «православной диктатурой, со всеми вытекающими кровавыми последствиями»: *«Вся система образования и воспитания станет православной по приказу православной партии, стоящей во главе государства. Все школьники, студенты, а может быть, и остальные, должны будут предоставлять своим кураторам справки, подтверждающие то, что они прошли исповедь и причастились в храме...»*

Очень интересно и симптоматично из-под пера «православного» священника вылезает тезис о «православной диктатуре»... Оказывается, в своем сознании он такую допустит. И она ему утопией не представляется... При всём его православии, смирении и любви к ближнему.. Но разве в Российской империи все школьники и студенты предоставляли своим «кураторам» подобные справки? Зачем в полемическом задоре выплескивать всяческую нелепицу? И кто пишет такую ерунду? Священник... Поневоле засомневаешься в его православии. Как-то всё это слишком несерьезно.

Отец Александр, наверное, решил, что во главе православного государства обязательно должен будет стоять представитель Церкви, то есть его главный начальник... Успокойтесь, батюшка, и не пугайте себя своими фантазиями. Думается мне, страной, как и прежде, будет руководить **глава государства** — то ли президент, то ли премьер-министр, а возможно, — и царь. Мы сейчас этого не знаем. Но сбором глупых справок для «кураторов», конечно же, нормальные люди

заниматься не станут. Да к тому времени любые «справки», как таковые, вообще исчезнут из обихода.

Тот факт, что другого социализма мы в своей истории не знали, не означает, что он невозможен. Многое в мире появляется впервые. Возможен и социализм без однопартийного диктата (да и вообще без партий) и тем более без террора и гражданской войны. Несомненно, возможен — после всеобщего референдума и одобрения большинства народа. Но даже и тогда — после постепенного перехода к нему — должны быть урегулированы все национальные проблемы малых народов России и учтены все их религиозные потребности. Ведь дореволюционная Россия и была тем самым **православным** государством, в котором уважалось и поддерживалось национальное и религиозное разнообразие всех народов. И серьезных конфликтов на этой почве — не возникало, за исключением разве что провокационных еврейских погромов в национальных окраинах, которые властью жестко пресекались. Так что, отец Александр, православное государство способно существовать без партий, без генсеков и без какой бы то ни было диктатуры. То есть **православное Российское государство и было в прошлом, и будет в будущем**. Да, будет, несмотря на сомнения скептиков и сопротивление атеистов и некоторых испугавшихся «православных» священников. Но, повторяю, это дело неблизкого будущего.

Мне известно, что иерей Александр Шумский является активным противником русского национализма. Это его позиция, и я к ней отношусь спокойно. Но и в этой своей статье он не преминул лишний раз ударить по национализму, хотя я опять же никаких поводов для этого не давал. Отец Александр кинулся напоминать нам, как ненавидел и душил национализм (прежде всего русский национализм) Сталин. И в качестве доказательства пересказал «ленинградское дело», во время которого, по его мнению, «именно «послевоенный Сталин»... обвинил ленинградскую группу Кузнецова в проявлении русского национализма и в том, что эта группа противопоставила себя «всесоюзному» (имперскому) ЦК». Ну, во-первых, лично Сталин в этом «деле» никого не обвинял — обвинял суд. И инициатором этого «дела» был Берия. А во-вторых, какое отношение это «дело» имеет к идее православного социализма — мне осталось неизвестно, т.к. с каким-либо национализмом эта идея никак не связана. Я по своему образу мыслей — имперский человек, и замыкаться в каком-то урезанном «русском государстве» я никогда не собирался. Более того, всю Российскую империю и весь Советский Союз я всегда как раз и считал Великим Русским государством. И

притягивать сюда за уши «ленинградское дело» было совершенно неуместно. К тому же «дело» это было чисто партийное: ни от кого Кузнецов с Вознесенским не собирались отделяться, речь там шла о создании российской компартии.

Но полемический задор настолько захватил отца Александра, что остановиться в своих фантазийных домыслах и страшилках он уже был не в силах. И начал ради убедительности приписывать мне то, что даже во сне не могло мне привидеться: *«А что случилось бы, если бы Сталин и другие советские идеологи-руководители отказались от имперских окраин и начали строить национальное русское государство?.. По существу, Хатюшин солидаризируется с антиимперской националистической программой Александра Солженицына»*. Мне только и оставалось, что в недоумении перекреститься. Ни о каком национальном русском государстве в моей статье не было ни слова. И уж тем более ни о каком отказе от имперских окраин я никогда прежде, как и в данной статье, не заикался. А против антиимперской националистической программы Солженицына резко выступал во множестве своих публикаций на протяжении всех 27 лет российской «демократии». Объяснить столь странную полемическую манеру иерея Александра Шумского я самому себе могу исключительно его невнимательностью к тексту и невдумчивостью чтения. А еще точнее — нежеланием понять прочитанное в своем стремлении как можно хлестче заклеить и «разоблачить» проклятый православный социализм.

О других народах, проживающих на территории нашей страны, я сказал лишь в связи с навязанной нам в свое время идеей коммунизма — конечно же, утопической и нежизнеспособной. Идеей якобы «справедливого общества». Вот тут я и высказал мысль о том, что справедливость многие народы понимают по-разному и что не может быть единой справедливости для всех. И что уже одно это делает идею коммунизма нереальной, неестественной и невозможной, придуманной в кабинетах его близорукими теоретиками. Но об отделении от национальных окраин и о создании русского государства я и думать никогда не думал. А выдумки отца Александра могу объяснить только лишь отсутствием у него убедительных аргументов против православного социализма.

Именно этим — невнимательностью и нежеланием вникнуть в смысл сказанного я могу объяснить совсем уж странный его пассаж: *«И уж совсем нелогично и непонятно выглядит утверждение Валерия Хатюшина о том, что реально существовавший в СССР социализм был не реальным, а выдуман-*

ным в кабинетах. *А вот его православный социализм, которого никогда ещё не существовало в природе, представляет собой реальность, а не кабинетную фантазию*». Но вот как звучит настоящая фраза в моей статье, которую он якобы цитирует: «Реальным будущим России должен быть не **коммунизм**, который есть не что иное, как абстрактная фантазия безбожного ума. Реальным будущим России является православный социализм». То есть кабинетной фантазией в моей статье назван коммунизм, а не социализм. Но исходя из неверного понимания прочитанного, он, как и во всей своей статье, делает торопливые и неверные выводы.

Отец Александр, наверное, потому так резко насторожился после прочтения моей статьи, что решил, будто православный социализм нам объявят в ближайшее время, и попытается пресечь на корню все разговоры и даже размышления о нём. Успокойтесь, батюшка, мы с вами, скорее всего, до него не доживем. Но дети или внуки наши должны эту идею взять на вооружение.

Некоторые мои оппоненты, помимо о. Александра Шумского, не вдумываясь в глубину поднятого вопроса, начали в интернете выдавать на свет Божий несуразицу о том, что, мол, социализм с Православием не сочетается, что их невозможно «скрестить», что одно и другое несовместимы. Хочется их спросить: а с капитализмом Православие совместимо? И являются ли православными те люди, которые пишут о несовместимости православной веры с каким-либо общественным строем? Если да, то как же они сочетают ее в самих себе с нынешним капитализмом?..

В том-то и дело, что Православие, т.е. вера православная в душе человека вообще никак не связана с какой-либо общественной формацией. Православие веками сочеталось и совмещалось на Руси с феодализмом. И более того, Иисус Христос и Его ученики проповедовали в Римской империи, когда там было рабовладичество. И это обстоятельство не могло заставить их отказаться от учения о спасения души. А при каком строе тысячу лет Православие было государственной религией во Втором Риме — в Византии?

Православная вера в нашей душе нужна Богу, а не социализму. А вот социализм нужен нам, простым грешным людям, живущим в России, потому что мы не хотим жить при капитализме. И не надо эти понятия (веру и строй) «скрещивать». Они способны существовать вместе независимо одно от другого и очень даже совместимо. Еще раз повторяю, это мы, простые люди, в большинстве своем хотим и должны жить

при социалистическом строе. А Богу нужен не социализм, не капитализм и не коммунизм. Ему нужна наша православная вера.

Понятие «православный социализм» в некоторой степени — условное. Оно означает то, что люди, которым предстоит жить в России при социализме, в большинстве своем будут исповедовать православную веру. Что атеизм исчезнет из государственной пропаганды, а закон будет строго пресекать любые оскорбления верующих. Православное социалистическое государство не будет никому ничего навязывать и диктовать в сфере религии, но и не позволит ёрничать и издеваться над верой большинства народа.

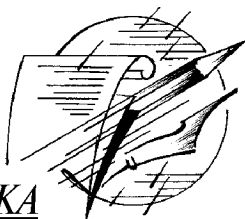
Социализм — это вполне реальный, практически осуществимый общественно-социальный строй, а не абстрактная идея вроде коммунизма. Не марксистско-ленинский, не сталинский и даже не брежневский, а нормальный, продуманный, естественный, человеческий социализм. В первую очередь — русский, но приемлемый для всех народов, наций и религий, существующих на российской земле.

Валентин СЕМЁНОВ,
доктор психологических наук

АМОРАЛИЗМ «ЭЛИТ»

В 2018 г. процесс снижения морали, нравственности, а заодно и мудрости, стратегичности и системности мышления во властных элитах мира продолжался. Падение духовно-нравственных ценностей у элит приводит к нарастанию социального расслоения, материального неравенства и общей несправедливости в большинстве стран, что порождает закономерные протестные настроения и атмосферу недоверия к государственным институтам, реальные конфликты и выступления, как это особенно ярко проявилось во Франции.

Как известно, волонтаристская пенсионная реформа в России на фоне повышения цен на бензин, продукты и ЖКХ вызвала резкое снижение доверия к власти, что отразили данные социологических исследований, журналистские и публицистические наблюдения, да и простой бытовой опыт каждого из нас. Последовавшие за этим циничные заявления некоторых чиновников вроде того, что прокормиться можно и на три тысячи рублей, или о том, что государство молодежи ничего не должно, никто не

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

просил их родителей рожать, а также продолжающийся рост доходов богатеев и чиновников, увеличение количества долларовых миллиардеров, бесконечные коррупционные проявления, заоблачные зарплаты топ-менеджеров — всё это вылилось в возмущение и отчуждение от власти большинства российских граждан.

Необходимо также сказать о продолжающейся аморализации нашей массовой культуры. Телевидение и интернет переполнены криминальными и конфликтными сюжетами, сценами убийств, насилия, жестокости, предательства и измен, вульгарного юмора «ниже пояса» и «эротики», сплетен и слухов о личной жизни, постоянных скандалах и сменах партнеров теми же представителями нашей богемы, подражающей голливудским образцам. Множество лживой информации, в том числе касающейся так называемых экстрасенсорики, астрологии и колдовства. Навязчивая и низкопробная реклама вторгается каждые пять минут в фильмы и любые программы. Наконец, раскрутка таких пошлых деятелей псевдокультуры, как С.Шнуров и А.Лорак, которые выступают в роли «наставников» на «главном конкурсе» страны «Голос», который, как и все остальные конкурсы, является полной копией наших западных «партнеров» и, конечно, не случайно всё чаще их участники поют не на русском языке. Русского языка становится всё меньше в России, вплоть до вывесок, граффити, надписей на футболках и татуировок — сплошь на латинице. И под занавес года вдруг раздались слова поддержки определенным рэперам, занимающимся совершенно варварским насаждением нецензурной лексики и агрессивным зомбированием подростков, внушая им ненависть, экстремизм и мотивацию самоуничтожения. Не стоит забывать, что «Керченский стрелок» воспроизвел в реальности клип рэпера «Оксимилона» (почему-то имеющего не одно гражданство, как и те, кто его и подобных ему раскручивают и «пиарят») о массовом расстреле школьниками своих соучеников. Вменяемые российские родители пытаются противостоять этому гнусному зомбированию своих детей.

Как представитель социальных наук, не могу не высказать тревогу и по поводу развития нашей науки. В 2018 г. было создано Министерство науки и высшего образования РФ, главой которого назначен М.Котюков — финансист, не имеющий никакой научной степени, бывший глава ФАНО (Федеральное агентство научных организаций), которое изрядно поугнетало научные институты РАН. Если лет десять на-

зад в правительстве решили упразднить фундаментальную науку в университетах (я прекрасно помню, как первыми жертвами этого «эксперимента» стали все Научно-исследовательские институты в СПб госуниверситете), то теперь решили возродить. Это называется реформами эффективных менеджеров, которых волнуют лишь финансы и их передвижения.

Естественно, немало людей озабочено происходящими в мире, в том числе в нашей стране, негативными процессами. На РНЛ постоянную тревогу об опасных тенденциях современной жизни высказывают замечательные подвижники В.Катасонов и В.Филимонов. Отрадно, что совсем недавно председатель Конституционного суда Российской Федерации Валерий Зорькин выразил свою тревогу по поводу ситуации в нашей стране на страницах «Российской газеты». Он обращает внимание на то, что требования социальной справедливости выходят у населения на первый план. Люди наиболее болезненно воспринимают несправедливое распределение бремени экономических реформ, социальное расслоение, за чертой бедности находится свыше 20 млн. человек. Как показывают исследования Института социологии РАН, трудовые нагрузки работающих растут, а социальная защищенность снижается. Неблагополучие работников усугубляется в свете грядущих социальных последствий автоматизации, роботизации и компьютеризации производства. Миллионы человек могут потерять работу. Мы ещё далеки от реализации 7-й статьи Конституции о том, что РФ — социальное государство, которое обеспечивает «достойную жизнь и свободное развитие человека». Ещё одной сферой несправедливости остается проблема коррупции, борьба с ней — это жизненно важный для России вопрос, без решения которого невозможно достичь искомого общественного согласия и массового признания справедливости российского общественного устройства... Председатель Конституционного суда, несомненно, прав.

Более того, последние разработки интеллектуалов «Римского клуба» (2018 г.) доказывают пагубность и безнравственность современного капитализма (грандиозные финансовые спекуляции, офшорное мошенничество, вопиющее социальное неравенство, рост авторитаризма, разрушение природы и климата, возрастание угрозы большой войны и др.). Они даже признают, что крах социалистической системы и победа Запада привела его к неадекватной «гордыне». Избавление от всех этих глобальных опасностей требует иного миро-

воззрения, отказа от пагубной жажды наживы и крайнего эгоизма. Высказывается призыв к новому образованию и воспитанию, к новым нравственным ценностям. Добавим, что о противоречиях между идеологией капитализма, бизнеса, конкуренции и принципами христианства, братской любви, гуманизма с тревогой писала ещё в 1930-х годах такой западный психолог как К.Хорни. А тот самый Ф.Фукуяма, который писал о «конце истории» и торжестве капитализма, теперь тоже ратует за возвращение социализма. В этом контексте умонастроение и идеология российских либералов-западников выглядит вопиюще не научной и ретроградной, просто не жизненной. Вот о чем пора задуматься и одуматься в предстоящем году.

ИСЦЕЛЕНИЕ

РАССКАЗ

Ранней осенью в монастыре отпевали хорошего человека. Сладкий кадильный дым, умилительные слова молитв, согласное пение хора снимали скорбь, умиротворяли.

После отпевания архимандрит пригласил меня к себе и решительно сказал:

— Сколько я ещё могу отпевать? Конечно, Богу виднее, кого призывать, но Он не возбраняет нам заботиться о здоровье. А оно необходимо для трудов во славу Божию. Так? Вы согласны?

— Н-ну да, — я не понял, к чему это сказано.

— Вот что, — решительно сказал архимандрит, — и не вздумайте отказываться от моего предложения.

— Какого?

— Вы плохо выглядите. Надо вам немедленно лечь на обследование. У нашего спонсора есть договорённость с одним очень хорошим лечебным центром. За неделю ничего не изменится. Вас полностью обследуют, дадут какие-то рекомендации. Может, где-то что-то надо подвинтить, что-то убавить, а что-

ПРОЗА

то прибавить. Усилить защиту против инфаркта-инсульта. Как раз сегодня арендованная спонсором отдельная палата освободилась. Завтра с утра будьте готовы.

— Но...

— Вы служили в армии?

— Так точно.

— А у нас дисциплина сильнее, чем в армии. Примите как послушание.

Вернулся домой — жена встречает очень радостная.

— Это же очень хорошо — обследоваться. Врач звонил, говорит, чтоб ты взял халат, пижаму и шлёпанцы.

— Но у меня нет халата и пижамы, — обрадовался я. — Может, не примут?

— Есть же летние брюки лёгкие, и туфли летние есть. И приличные тапочки. И курточка лёгкая. Я уже приготовила. Вот ложечка для заварки, тебе Валя подарил, вот чай. Но врач сказала: там нет посещений. Почему?

— Почему вообще меня туда везут?

— Обследоваться! Тебе это надо. Ты плохо спишь.

— Да сейчас уже и медведи в берлоге плохо спят.

И вот жизнь моя назавтра с утра резко изменилась: в сопровождении монастырского врача я был доставлен в этот медицинский центр. Ехал с великой неохотой, надеялся, что что-то сорвётся, и я вернусь. Ещё ограда устроила — высокая, плотная, по верху обведённая колючей проволокой. Проволоку облагораживал оплетавший её дикий виноград.

— Тут был связанный с обороной режимный объект. В 90-е ликвидировали, потом ни то, ни сё, потом вот медицина, — объясняла врачиха.

На проходной, оказывается, и пропуск был уже заказан. В приёмном отделении она меня сдала другому врачу, та велела мною заняться женщине в синем халате. А эта отобрала у меня верхнюю одежду и обувь, видимо, чтобы не сбежал, дала больничные тапочки и сопроводила в терапевтическое отделение. Просторный лифт, потом длиннющие чисто вымытые пустые коридоры с дверьми справа и слева. Очень похоже на тюрьму для блатных. Завела в кабинет, где у меня прослушали грудь и спину, измерили давление и ещё одна сопровождающая привела, наконец, в отдельную палату. Стол, стул и какая-то замысловатая кровать на шарнирах. На стене провода, кнопки, табличка: время приёма пищи, процедуры, подъём, отбой, номера телефонов дежурной.

Я хотел полежать на кровати, я же лёг на обследование. Собирался осмыслить перемену в жизни, но даже и не при-

сел: пришла медсестра и повела к заведующей. Попросила отключить телефон. А он у меня, оказывается, и вообще сегодня не включался. На ходу сообщила, что из центра выходить нельзя, только по заявлению, которое подпишет лечащий врач и которое заверит зав. отделением.

А вскоре сама зав. отделением обрадовала ещё и тем, что это обследование не неделя, а минимум десять дней. Да и то, сказала, это очень быстро для полного обследования. Очень много анализов, и разовых и повторных, всё это скоро не бывает. И из пальца, и из вены, и сок желудочный, и, конечно, моча. И капельница, и таблетки утром и вечером, и всякие рентгены. Кардиограммы, энцефалограммы. УЗИ. И процедуры. И глотание маленькой телекамеры, тоже всё будет.

— А выходить, значит, нельзя?

— По специальному разрешению. Но у вас будет такой плотный график, что выходить будет просто некогда.

Я затосковал: уж хватило бы в моей жизни заборов, ограждений и оград, но куда тут денешься, архимандриту надо подчиняться.

Подписал, не читая, несколько многостраничных бумаг, вернулся в палату. Подошёл к окну. И такой мне вид открылся! Он меня необычайно восхитил и даже примирил с ролью временного жителя в запертом пространстве. Центр этот на юго-востоке столицы. Из окна палаты был вид на Московскую кольцевую автодорогу, МКАД, за ней Николо-Угрешский монастырь. В нём я, конечно, бывал. Но была видна ещё и церковь села Беседы, вот что впечатлило. Я её многократно замечал, когда проносился по этой кольцевой трассе. И справа налево, и слева направо. Невольно возникло сравнение с наброшенными на город обручами хула-хуп. И Москва их крутит, вращаясь одновременно и туда и сюда. Она такая — всех завертит.

А вот почему-то в церковь Рождества Христова в Беседах не получалось заехать: или торопился, или ещё что. Всегда жалел: село Беседы значительно для русской истории. Не только от того, что тут располагались великокняжеские угодья, но главное — тут происходил военный совет — беседа — перед Куликовской битвой.

И я возмечтал побывать в Беседах. Казалось, село близко. Дойти до Кольцевой автострады, перейти её, тут и церковь. Может, тут километра два. Да, надо жене позвонить, обещал же. Но когда было звонить? И только начал тыкать в кнопки мобильного, как в палату, безо всякого стука, пришла жен-

щина в белом, в затемнённых очках и — ни здравствуйте, ни прошу прощения — сразу:

— Отключите телефон, садитесь. Я ваш лечащий врач. Римма Оскаровна. Левую руку кверху ладонью на стол.

Стала измерять давление. Потом прослушивать.

— А от чего меня лечить? — спросил я. — От старости же не лечат. У меня оба дедушки у врачей не бывали, а жизнь-то какая им досталась, и ничего, жили. До старости дрова пилили-кололи. Хочу на них походить.

Моя разговорчивость ей не понравилась. Так я понял. Или она немножко недослышивала. Также я сообразил, что они у меня все равно чего-то найдут. А дальше по кругу: примутся одно лечить, другое тоже захочет лечиться, и уже из этого круга не выскочить. Тут только начни.

— Меня же только на обследование положили. Так-то я себя хорошо чувствую. Если что-то и есть, так возраст всё-таки. — Я надеялся, что она даст мне от ворот поворот, то есть получится, что не сам отсюда убегу. А убежать мне захотелось.

— Зачем меня здесь держать? — рассуждал я, тоскливо глядя на голые стены. — Живу же. Не слепой, не глухой. А если что и есть, так это нормально. Надо же от чего-то умирать.

Врачиха, никак не реагируя на моё нытьё, присела к столу и стала заполнять бумажки, похожие на квитанции. Может, она меня и не слышала. Протянула несколько штук:

— Это уже на сегодня. На завтра у дежурной медсестры. С утра не завтракать, анализ крови. — Снова померила давление.

— Нормальное? — спросил я. — Третий раз за два часа измеряете. Конечно, оно от переживаний прыгает.

— А какое для вас нормальное? — спросила она.

— Не знаю, — честно сказал я. — Да зачем и знать? Прекрасно себя ощущаю! Может, ничего мне и не нужно? Поеду обратно?

— Вы прибыли на обследование, — холодно сказала она, — а в этом обследовании многие десятки параметров, кроме кровяного давления.

— Хорошо, спасибо. — Я взял бумажки.

— Давайте познакомимся, — сказала она.

— Так мы же уже знакомы. Вы — Римма Оскаровна.

— С вашим организмом. Снимите рубашку.

Выслушивала она мои внутренности внимательно. Эти с детства знакомые: дышите, не дышите.

— Повернитесь спиной. — Простучала лопатки и рёбра. — Рёбра ломали?

-
- Да. Восьмое-девятое слева. Но всё зажило.
- Она присела к столу. И стала допрашивать и записывать, будто сама вела протокол:
- Рост?
- Прямо военкомат. Вообще всегда было метр восемьдесят, но сейчас, чувствую, уменьшаюсь.
- Вес? — Она, наверное, была врач-робот.
- Тоже по-разному. Но стараюсь за семьдесят семь не ездить. Две семёрки, а не три. Шутка. Был портвейн знаменитый «Три семёрки».
- Пьёте?
- В тяжком прошлом. «Для пьянства вот какие поводы: крестины, свадьба, встречи, проводы, уха, защита, новый чин и... просто пьянство без причин». Даже не моргнула.
- Бывает утомляемость?
- Ну да, я ж не трактор. Трактор и то...
- Изжога?
- Бывает. Но это у меня с армии. Там, знаете, чем изжогу лечил? Пеплом от сигареты. Я же, дураком был, ещё и курил.
- Головокружение при перемене положения тела?
- Так как не бывать, бывает. Если согнуться, да резко разогнуться. Но можно резко и не разгибаться.
- Дискомфорт в левой стороне груди?
- Поволнуюсь когда. С женой когда поссорюсь. Тут да, дискомфорт.
- Боли в шейном отделе позвоночника?
- Я напряг затылок и признался:
- Это тоже есть. Но это опять же всё как у всех.
- За всех не надо отвечать. Снижение памяти?
- Да вроде пока помню. Где позавтракал, туда же обедать иду. — Я надеялся, что врач понимает шутки. — Конечно, уже не как молодой. Да и зачем много-то помнить. «Отче наш» выучил и хватает.
- Горечь во рту? Отрыжка?
- Можно я рубашку надену? — спросил я.
- Можно не спрашивать. Икота?
- Бывает. — Но скажу: икота, икота, иди на Федота, с Федота на Якова, с Якова на всякого, то без всякого лекарства проходит.
- Нет, врачаха, а ведь молодая ещё, была без эмоций:
- Перенесённые заболевания, операции? Какие, когда, под каким наркозом? Общим, местным? Контакт с инфекционными больными?
- Я перестал шутить, отвечал на вопросы. Сообщил о перенесённых пяти операциях под общим наркозом.
-

— Но они были давно, хорошо прошли, всё прошло.
— Ложитесь. Расстегните ремень. Спустите брюки. — Она стала мять живот. — Тут чувствуете? Тут? Тут?

— Везде чувствую, — доложил я. — Но нигде не болит.

— Сядьте. Покажите язык. Высуньте побольше. Уберите. Повернитесь вправо. Так. Теперь влево. — Она и в уши поглядела, и глаза проверила, заставив меня поводить ими в разные стороны. — Это так, прикидочно. Подробнее уже специалисты. — Подержалась за пульс. Чего-то ещё пописала.

Нет, это была не женщина, это был робот. Её, наверное, делали в Японии по спецзаказу. Она встала:

— Какие будут просьбы?

— Будут. Убрать телевизор.

— Но можно же не смотреть.

— Нет, даже один его вид вызывает аллергию. Начинаю чесаться.

Она пожалала плечами и вышла. Я включил телефон, сразу занявший. На экранчике прочёл: номер такой-то. Конечно, жена звонила. Семь раз. Вызвал её, даже оправдываться не стал: она с ума сходила, думала, что случилось, я же не отвечал. Не сумев до меня дозвониться, в интернете нашла телефоны центра, меня отыскали в списках отделения, даже сказали ей номер телефона палаты. Но и он не отвечает.

— Ты меня в могилу загонишь!

— У меня минуты не было, чтоб позвонить.

— Именно для меня не было.

— Я не знал, что в палате есть телефон. А, вижу — над кроватью. А, он в розетку не включённый. Включаю. А какой у меня номер? Ты же знаешь. Звони.

— Сам теперь звони.

— Дай хоть очнусь.

— От чего?

— Осмотр был.

— И что?

— Я весь больной.

— Я это знала. Что-то серьёзное? Будут лечить?

— Будут в гроб загонять. Помнишь шутку про врачей? Консилиум: «Ну что, лечить будем, или пусть живёт?». Или вторая: «Несмотря на все наши старания больной выжил». Уже всего запугали.

— Что-то серьёзное, я спрашиваю?

— Абсолютно здоров. Хоть в космос отправляй. Будешь женой космонавта. — В палату постучали. — Извини, пришли, позвоню. Да!

Пришёл мужчина в синем халате с белым воротником:

— Сказали, телевизор у вас забрать. Они не шутят?
— Здесь разве шутить умеют? Да, спасибо, заберите.
— А что так?
— Ненавижу.
— Так-то так, — согласился он. — Но а вдруг «Барселона» играет.

— Так чего ж ты не за своих болеешь?

— Я за игру болею. А наши что? По минуте думают: пнуть по мячу или указаний подождать. В Лондоне, в 66-м, по-моему, им нечего было на приём к королеве надеть. Те за родину воевали, нынешние за деньги, где ж тут победы будут? Ну, вообще-то на нашем чемпионате поднатужились, да и то даже не четвертушка, восьмушка. Так и то, какое ликование развели.

— Но победы нужны, как без них?

— Без них никак. Какая боль, какая боль: Россия — Саудовская Аравия: пять — ноль.

Он ушёл, я стал звонить жене. Она ответила, но в дверь вновь постучали. Дежурная. Принесла ещё листочки. Разложила на столе и те, что заполнила врачаха, тоже разложила. Стала объяснять порядок посещения кабинетов.

— Этаж, номер, время, всё прописано. Сложено по порядку. Лучше приходите заранее. А то у нас есть любители лечиться. Ещё запомните номер стола. У вас пока общий. То есть не диета. Уже скоро обед. Или сюда принести?

— Это уже, когда залечите до лежачего положения, тогда.

Но эта хотя бы улыбнулась.

На обеде, куда потихоньку сходились люди в пижамах, меня удивила тишина. Даже ложки-вилки не брякали. За компотом все ходили со своими кружками. У меня своей не было. Раздатчица удивилась, но тут же взяла белую большую кружку, ополоснула, потом, сказала: «Кипятком поливаю, это будет ваша персонально, возьмите с собой в палату. У вас должен быть чайник».

— Нет, не видел.

Когда вернулся в палату, чайник, тоже белый, стоял на тумбочке. Подошёл к окну — в воздухе пропархивали мелкие желтые листочки. Смеркалось. Сейчас всё раньше будет наступать вечер, потом и вовсе зима.

Стук в дверь. Да, надо же куда-то, в какой-то кабинет. Медсестра, уже другая, принесла капельницу. В перевёрнутой большой мензурке болталась какая-то жидкость.

— Ложитесь. Закатайте рукав левой руки. Поработайте кулачком, пожимайте и поразжимайте пальцы.

Прощупала пальцами с маникюром кожу на сгибе локтя, протёрла влажной ваткой, уколола в это место иглой, кото-

рая продолжалась прозрачной трубочкой, и по ней из мензурки начало поступать в мой организм, прямо в кровь, какое-то... что? Лекарство? Какое, от чего?

— Когда раствор дойдёт до вот досюда, нажмите эту кнопку, — сказала она и ушла.

Ни имени не знаю, ни облика не запомнил.

Что ж я, улёгся под капельницу без книги, без молитвенника? Да, телефон же есть.

— Ну и новость! — воскликнула сразу жена.

— Какая?

— Ты не знаешь? У вас объявлен карантин. Посещения запрещены.

— Ну, всё одно к одному: и меня не скоро выпустят. Я под капельницей лежу. Что вливают, не знаю. Пока жив.

Опять входят и опять без стука. Вроде рано капельницу убирать. Нет, не медсестра, моя врачиха. С бумагами. Села, их пересматривает. Я молчу. Капли каплют.

— В интернете нашла ваши данные трехлетней давности. Были серьёзные болезни за это время?

— Нет.

— Но отчего так резко снизились все параметры? Ещё пождём анализов. — Подержала за запястье. — Ничего не беспокоит?

— Нет.

Ушла. Ещё поговорил с женой.

— Я отсюда сбегу.

— Не вздумай. Перед отцом Тихоном как ты будешь выглядеть?

Сняли капельницу. Ходил по коридорам и кабинетам. В одном брали на анализ слюну, в другом был какой-то тест, в котором требовалось находить что-то похожее в разных картинках. Уровень детского сада. Может, меня за дурака принимали. В третьем несколько раз дышал в широкую трубку.

— Вы как гаишники, поймавшие водителя за превышение скорости и подозревающие алкоголь. — Сотрудницы кабинета ничего даже на это не сказали. Я понял, шутить здесь лучше не надо.

У меня наступило какое-то состояние прострации. То есть я как бы замер в своих чувствах, внушив себе, что надо просто пережить эти дни, это обследование. Ну да, тюрьма. Но ведь кормят, отдельная палата. Отдыхай. А все равно что-то томило и угнетало. А чего, кажется, горевать: жизнь идёт, ещё чего-то делаешь, никому не в тягость. А то, что ничего тебе в этой теперешней жизни не нравится, так это стари-

ковское брюзжание. Ты такой не один. Я в отца. Такой же. «До какого сраму дошли, — говорил, — а ещё до какого дойдём». Так что к старости я встал на накатанные рельсы. Но это же не эгоизм, не о себе думаю, о России. Да я, в общем-то, и в юности не был всем довольным, хотя и бунтарём особо не был. И диссидентство всегда было мне противно. Открытая борьба — это да. Понятие родины, страны, державы, Отечества было для меня святым. А отсюда всё остальное. И когда, уже давным-давно, стал причащаться, жить стало и легче и труднее. Легче, потому что знал: Господь не оставит, труднее, потому что резче увиделась вся наевшая на Россию бесовщина.

Ходил и ходил по коридорам и лестницам. И все эти передвижения около казённых стен напоминали о посещениях в больницах много болевших друзей. Да. А эта врачиха спрашивает, чем переболел? Друзей потерял, вот и вся причина. И сам, в свою очередь, заумирал.

Вспомнил, как мы с поэтом Анатолием Гребневым, естественно вятским, навещали в Перми, в обкомовской больнице, Виктора Астафьева. Его слабые лёгкие потребовали ремонта. Сидели у него в отдельной палате. Помогли переодеться в сухую рубашку. Смотреть на его шрамы, рубцы, напоминающие ранения, было тяжело. На месте левой лопатки под кожей даже видно было, как бьётся сердце. Но он всю шутил, веселил нас фронтowymi историями. Речь сдабривал матерками. Пришла медсестра: «Вам укольчик» — «Куда?» — Она покраснела: «В мышцу». — «Ой, девушка, — сказал Виктор Петрович, разворачиваясь, — уж какая там мышца, давно задница».

Когда мы уходили, в коридоре эта девушка-медсестра отчитывала важного дядю, видно, что начальника: «У вас такая пустяковая болячка и вы так по-хамски себя ведёте, такие капризы. А вот в седьмой палате фронтовик, весь израненный, еле дышит и ещё шутит».

А вообще, думал я, вся моя московская жизнь — это, по сути, сплошные больницы. И свои, и родных, и близких. И эти, похожие друг на друга, коридоры, в которых санитарка орудует шваброй, примотав к ней мокрую мешковину, эти столы дежурных медсестёр за барьером с постоянно трещащими телефонами, процедурные кабинеты, запахи столовой, в которую бредут со своими кружками, ароматы мочи и хлорки, всё более-менее похоже. И эти больные, половина из которых непременно недовольна порядками в больнице: врачам тут надо нести дорогие подарки, медсёстры делают уко-

лы за деньги, а если не платишь, то делают уколы больно, на кухне воруют, а санитарка специально открывает окно, чтоб сделать сквозняк...

Всех больниц, где лежал, где делали операции, где кого-то навещал, ни за что подробно не вспомнить, но хотя бы помянуть добрым словом 68-ю в Текстильщиках и родильный дом рядом, детскую Морозовскую и детскую Филатовскую, Медсантруд на Таганке, больницу МПС, военные госпитали в Сокольниках и Красногорске, ветеранскую в Кузьминках, и Общедоступную Московскую на Спортивной, городскую в Филях, Пироговский центр, и, конечно, самый мрачный центр онкологии на Каширке и детскую онкологию имени Димы Рогачёва и, больше всего, Боткинскую, в которой и сам лёживал, и знакомый батюшка, и тёща, и в которую на «скорой» увозили жену, и мне позволили сидеть у неё в ногах...

А что говорить о последних десяти годах тяжело болевшего друга. Его помещали и в самые простые больницы, и в больницы элитарные, военные, профильные, в медицинские обычные и научно-исследовательские институты. Везде лечили. Лечили, лечили и залечили. Вот его вроде вылечат, выпишут всегда очень дорогие лекарства и отпустят. Улетает на родину. А там... там попадает в больницу. И там лечат. Бывало, я и там навещал.

— Как понять? — рассуждал он. — Тут спрашивают: как вас лечили? Откуда я знаю. Ну, анализы всякие брали, лекарства вот такие прописали. Говорят: вас неправильно лечили, выбросьте эти лекарства. Вам нужны другие. Мы вас вылечим. А я что, я слушаюсь.

У него после двух страшных избиений и черепной травмы были провалы памяти, тяжелейшие головные боли. И постоянно точились слёзы. «Я без носового платка из дома не выхожу. Уже не для носа, для глаз», — шутил он. Шутил, а как всё переносил? А главное, что досаждало, убавляло здоровья — его вытаскивали на многие официальные, чаще всего ему совсем не нужные мероприятия. Он, по общему негласному признанию и друзей и врагов, был лицом русской литературы, и ему приходилось тащить воз этого признания. Пойти в Центральный комитет, в Совет министров, во всякие другие органы, чтобы чего-то добиться, за кого-то попросить, — это всё лежало на нём. Председатель Союза писателей иногда был безжалостен: «Валентин, у нас завтра монголы, очень хотят тебя видеть. Ну, удели полчаса». Какое там полчаса, день пропал. Потом и китайцы, и сербы приезжают, и вся Европа, и несчастному Валентину опять приходится та-

щиться в Союз писателей, подолгу пить чай с очередной делегацией, говорить ни о чём, терять время и здоровье. А как его донимали с просьбами написать предисловие, дать интервью, а сколько напрашивалось в гости. И приходили и подолгу сидели, будто готовя будущую фразу в воспоминаниях: «И когда я приходил к нему в квартиру на Староконюшенном, то всегда говорил ему: «Валентин Григорьевич, берегите себя, вы нам очень нужны». Сберегли.

Горбачёв просил его войти в Президентский совет. Вошёл. Не чего-то ради, а для добрых дел во славу России. То, что Оптину пустынь вернули Церкви, — прямая заслуга Распутина. Он говорил об Оптиной и с Горбачёвым, и с «архитектором перестройки» Яковлевым. До этого мы бывали в ней и видели «мерзость запустения, пророком предреченную». Вспоминали потом пьющего мужичка, которому дали квартиру в келье преподобного Амвросия Оптинского, и который извлекал из этого много полезного себе. «Я же вижу, шапки снимают, крестятся, ну и я. Я тоже человек. Когда и денежку подбросят». Подбросили и мы. Очень благодарил и сказал, что это ему на вечер, а пока у него есть. И закуска есть. «Садитесь, парни. Сейчас стаканы вымою».

Сорок три года мы были дружны. Осенью 72-го я прилетел на совещание молодых писателей от издательства «Современник». Два месяца назад утонул Александр Вампилов, друг Распутина. Вечером сидели в обкомовской гостинице, теперь она «Русь», Валя неожиданно сказал: «А поехали на могилу Сани». Получилось, что поехали только мы вдвоём. Поймали частника. Был гололёд, машина на подъёме перед кладбищем буксовала. Вышли, толкали. Я даже снял свой полушубок и швырял под колесо. Сей полушубок был упомянут в стихотворении Валерия Фокина «На проводах»: «Нынче солнышко светит ласково. Может, кто и нетрезв, да не глуп. Не похож на дублёнку канадскую твой тяжёлый ямщицкий тулуп».

Сорок три года. Это же сотни чаепитий, то у него, то у меня. Как он описывал заварку чая, так и заваривал. Процедура, священнодействие. Ополаскивал чайник, разогревал. Заварку клал бережно, но не экономил. Смеялся, вспоминая анекдот: «Евреи, не жалейте заварки». Смешивал чай. Добавлял привезённого чая «Курильского» или «Золотого корня». У него и жена Света такая же была, как он, чаёвница. «У нас может быть всё самое скромное, но не чай». Воду сильно не кипятил. Свежим кипятком заливал чай не до верха, накрывал шерстяной плетёной салфеткой, настаивал, потом отливал

немного из чайника в чашку и выливал обратно. Это он называл «подженить». У нас в Вятке делали так же, только называлось «учередить». Возил с собой в непрерывные поездки «заварную» ложечку с крышечкой в дырках, кипятильник. От этой ложечки разом всё вспомнилось — дороги по Японии, Монголии, Италии, Финляндии, Болгарии. А поездка в Тунис по приглашению Ясира Арафата. А на схождение Благодатного Огня в Иерусалим! И все эти выездные Секретариаты, Пленумы, Съезды, Дни литературы в союзных республиках. Да на одно им начатое и проводимое событие каждого года, «Сияние России», сколько раз прилетал. А Карелия, Новгород, Минск, Киев, Белгород, Орёл... В Киеве долго шли от Киево-Печерской лавры через Аскольдову могилу, стояли потом у памятника великому князю Владимиру. Мурманск особенно запомнился: под Мурманском был ранен его отец. Почему-то ближе к полночи вышли. Площадь Пяти углов. Странно и непривычно: по времени глухая ночь, а стоит белый день, солнце ходит как наливное яблочко по блюдечку, на улицах никого, сонное царство.

Днём встреча на атомоходе «Ленин». Вначале экскурсия по этой громадине. «Не могу понять, чудо это или чудовище», — сказал он тогда. Ещё в Североморске встреча была. И в Апатитах. Или в Кировске? Нет, в Кандалакше. А его приезд в родную мою Вятку, в Великоорецкое. Но всё бегом и бегом. Всё вспомнишь, да не всё перескажешь.

А как забыть финскую баню-сауну? Это 76-й год. Тогда эти сауны были где-то за заборами (песня была «А за городом заборы, за заборами вожди»), простые смертные о них только читали. Вот нас, мы приехали на совещание писателей Финляндии, повели в сауну. Мы побаивались: дело небывалое, вдруг опозоримся. Зашли с ними в парную. Они сидят, молчат. И мы сидим, молчим. Иногда поддают. Но вроде терпимо. Стали они почему-то по одному выходить. Выходят, выходят, и вот мы остались одни. Сидим, сидим, греемся. «Слушай, вроде неудобно, они ушли, давай и мы выйдем». Выходим, они в ладоши хлопают. Оказывается, мы их всех победили.

И опять проблески воспоминаний. В Монголии такое есть место — нетающий ледник. Жара плюс сорок, а под ногами лёд. Ходим по нему босиком.

В Италии, в Ватикане, в 1988-м, на приёме у папы римского, кардиналы в лиловом висят над ухом и интимно сообщают, что мы можем говорить с папой, но недолго, минуты по две. Валя говорит: «Бери мои минуты и говори с ним четыре».

А Божественная Литургия, причастие в Успенском соборе Кремля. Ежегодное Соборование в Великий пост у нас

дома. Это же каждый раз не менее пяти часов. Но до того благолепно проходило. А заседания Комитета общественно-го спасения у отца Александра Шаргунова. Движение за прославление императора Николая и Царской семьи.

А длительные поездки по Русскому Северу со знаменитым народным академиком Фатеем Шипуновым. Ночлег у костра с видом на Ферапонтов монастырь. Утром ехали в Нилову пустынь, к Нилу Сорскому. Грязища, буксовали. В пустыни мужская психиатрическая больница. В центре — огромная клумба, на которой, как на лужайке, лежат душевнобольные. Над ними высится статуя основоположнику, конечно, с ленинским жестом. Такие памятники повсеместно называли «Всю жизнь с протянутой рукой». Также психиатрическая больница, но уже женская, была и в бывшем Задонском монастыре. И туда Фатей нас привозил. Тяжелейшие впечатления. Фатей умел воспитывать русских писателей.

Дни Славянской письменности и культуры в Новгороде, Москве, Минске... В Минске пришли на встречу в Госуниверситет. А в огромном зале сидело человек двадцать. После говорю Ивану Чигринову: «Ну как же так, Ваня. Всё-таки Распутин приехал?» Он хладнокровно: «Как вы к нам, так и мы к вам». Всё им Москва была виновата. Особенно в Киеве уже тогда чувствовалось отчуждение. Да и Кавказ. Писатели союзных республик громко сетовали на уничтожение их национальных культур, но детей отдавали в английские спецшколы.

Много ездили, много раз на Алтай, на Шукшинские чтения. Подмосковные научные центры: Черноголовка, Зеленоград, Обнинск, разве всё перечислить. Но было же. Ну не зря же было.

Вообще Валя был человек, лишённый оптимизма. Часто грустно шутил: «А если б к утру умереть, то еще лучше было бы». И вместе с тем необыкновенно решительный. Мы с ним состояли членами Комитета по Государственным и Ленинским премиям. А была выдвинута на премию постановка театра имени Ленинского комсомола по Шолом-Алейхему. И нам её надо было смотреть. А там, по ходу, изображался еврейский погром. Зрелище ещё то. Страшные хари русских охотнорядцев, несчастные избиваемые евреи. Валя поглядел на меня и резко встал. Я понял, тоже встал и мы, ясно, что не под аплодисменты, вышли. В Комитете по премиям, конечно, наш демарш восприняли неприязненно, особенно секретарь его Зоя Богуславская. В этом Комитете она всем и всеми командовала. «Ах, ах, хотя бы вы в перерыве ушли».

Беды России, нападения на неё он воспринимал обострённо, болезненно. Особо не обольщался тем, что кто-то в мире

любит нас, читал: «Хорошо, что никого, хорошо, что ничего... — и заканчивал: — И никто нам не поможет, и не надо помогать». Когда, вроде как в утешение побеждённому коренному населению, демократы вывесили триколор над Верховным Советом, Валя, выступая на Всемирном русском собрании, сказал: «Россию можно похоронить и под таким знаменем и под музыку Глинки. — И вспомнил эмигрантское: — Над нами трёхцветным позором полощется нищенский флаг». Да, флаг этот доселе, не знаю, как кого, а меня не вдохновляет. Его ещё и на лице стали рисовать. Как татуировка. А она знак или дикарей, или уголовников.

И когда в 93-м расстреливали здание Верховного Совета и передавали этот расстрел в прямом эфире, перемежая рекламой наш несмыслимый позор, когда русские стреляли в русских, Валя говорил, что ему уже никогда не очнуться от этого ужаса: «Когда всё кончилось, я отошёл от телевизора весь обугленный».

Потом он вместе с журналистом Виктором Кожемяко выпустил книгу «Эти двадцать убийственных лет» о 90-х годах, об уничтожении России.

И за его пронзительные повести и рассказы, особенно за образы русских женщин, за выступления в защиту достоинства русского человека, его любили. Вот пример: улетали с Ольхона и уже стояли у самолёта. Валя даже как-то виновато сказал: «Да, вот омулем на распялке не успели угостить». Это слышал кто-то из экипажа. И задержали рейс. Запылал костёр, явилось ведро свежего омуля, его стали особым образом разделявать, укреплять на рогульках перед огнём. Прошло всего двадцать или двадцать пять минут, и мы пробовали незабвенный благоухающий продукт.

Сколько времени, здоровья, нервов убавляла борьба за сохранение памятников истории и культуры, борьба за издание исторического и философского наследия. Например, за «Историю Государства Российского» Карамзина. Наивные люди, мы думали: вот издадим Карамзина и Россия спасена. Писали в инстанции, просили. Отвечали: нет бумаги. Тогда, в сентябре 91-го, пришли в Комитет по печати Сергей Залыгин, Виктор Астафьев, Владимир Личутин, Гариф Ахунов, Анатолий Ким, Валентин Распутин, Василий Белов, Виктор Потанин, аз многогрешный и сказали: мы отказываемся от изданий своих книг и отдаём бумагу на Карамзина. И подействовало. А борьба с поворотом северных рек на юг. Первыми начал писать о повороте рек именно Василий Белов. Статью «Спасут ли Вожжа и Лача Каспийское море». Потом Михаил Лемешев, учёные. А сколько сил ушло на «Байкаль-

ское движение», тут полностью заслуга Распутина. Бросали все свои дела и вставали грудью за Россию. Эти многолюдные вечера, поездки, хождение по кабинетам. Меня встретила Вика Токарева, мы с ней были в 68—69-м годах сценаристами Центрального телевидения, и спросила: «Слушай, зачем вам это надо? Вы же писатели». Да, писатели, но писатели русские.

Именно благодаря во многом Распутину и Белову роль писателя в России была самой авторитетной. Даже так бывало: что-то случается в стране, тут же вопрос: а куда смотрят писатели? Во всём верили нам. Например, выступаем на встрече, говорим, поэты стихи читают. Встаёт в первом ряду старик: «Это вы всё хорошо отобразили. Но скажите, как бороться с колорадским жуком?»

В палате я устроил иконостасик в углу, обращённом как раз одновременно и на восток, и на церковь в Беседах. Палата стал называть своей больничной кельей. И уже привык к ней и бежал в неё отдохнуть от процедур и очередей перед кабинетами. И постоянно утыкался в стекло с видом на церковь в Беседах. И всё больше хотелось побывать в ней. Вроде недалеко. Конечно, пересечь окружную дорогу, по которой по шестирядному шоссе в одну сторону и шестирядному в другую несутся машины, сотни машин за минуту, немислимо. Но бывают же интервалы. Я даже вычислял: вот вроде напор схлынул, тут бы я успел до середины добежать, отдохнул бы и дождался бы и на той стороне паузы в движении. Рискованно, конечно. Но если что, можно пройти вправо или влево, должны же быть переходы. Из окна не видно.

Но как пойти, когда каждый день расписан чуть ли не по минутам, ты всё время на виду, тебя опекают врачи, медсестры и одна санитарка, постоянно увлажняющая полы в коридорах и палатах, как?

И врачиха моя заглядывала и здоровьем интересовалась, и даже удивлялась вроде, что чувствую себя хорошо. Как тут уйдёшь? А ведь туда и сюда надо самое малое часа три.

И всё-таки такой день представился. Мне сказали, что послезавтра на меня наденут прибор — холтер, который нельзя снимать целые сутки. С ним спать, с ним ходить, с ним есть и пить. И давать организму нагрузки и непременно их записывать, дали специальный лист, в котором велели отмечать, что с тобой было каждый час: ходил ли, лежал ли, спал ли или питался. Все процедуры на эти сутки отменялись, как и ежедневная капельница. То есть я был только под своим контролем.

Я понял: другого случая не будет.

А на завтра были предварительные выводы обследований. Римма Оскаровна много не говорила, но я и сам понимал, что у меня нашли или массу болезней, или их начатки, букет, как говорится. Всяких: от головы до сердца и лёгких, от сердца до желудка и ниже. Порции таблеток, приносимые с вечера и утром, и выкладываемые на тумбочку, увеличивались количественно, а уж было ли количество качественным, знать мне было не дано. Но в этой больничной атмосфере казалось мне, что мне всё хуже.

На приёме увидел много нового внутри себя. Сердце, непонятно как снятое, трепетно и как-то судорожно трепыхалось на экране больничного монитора. Уменьшалось, увеличивалось, играло, прямо как солнце после пасхальной службы. Но то солнце. На миллионы лет рассчитанное, а тут маленькое сердечко. Казалось, вот-вот выдохнется.

— А ещё хотите посмотреть изнутри свой желудок? — спросила Римма Оскаровна.

И показала его на экране. Для этого я и глотал крохотную телекамеру. Противно было, конечно, но зато впервые увидел красоту своих, мраморно блестящих стенок желудка. Представить, что им приходится соприкасаться со всякой животной и растительной, белковой и углеводной, твёрдой и жидкой, пережёванной и наспех проглоченной пищей, было почти невозможно. И вот эту красоту заливать мерзостью мутного пива, обжигать водкой и коньяком, сваливать сюда, как в помойку и заставлять перерабатывать недожаренное мясо, переваренную рыбу, всякие помидоры и картошку, бедный ты, мой милый желудок!

Да и что желудок! Разве почкам легче? Какое только пойло не льём в глотку организма, а почки всё это пропускают. А бедняжка мочевого пузыря! Что говорить. Дивно ли, что они устают и просят на покой. Одному только сердцу как достаётся. А могучая наша кроветворная печень. Да что говорить! Ходим мы, созданные Господом на диво, живые храмы духа Божия, и над собой издеваемся. Себя не ценим, не бережём. А ведь обязаны.

За день я всё продумал. Попросился на прогулку. По территории разрешили. Я ещё из-за того попросился, чтобы вернуть из камеры хранения куртку и ботинки. Сдал взамен больничные тапочки. Обулся, вышел и пошёл слева направо вокруг зданий по периметру. Глухо — заборы и проволока, оплётённая зеленью. Порядок лагерный — клумбы, аллеи, стены о здоровой жизни, деревья и кустарники. Всё подстриженное, всё по линейке.

Я взаперти. Да ещё и этот карантин. Но давай завершу круг почёта. И не зря: в направлении как раз к окружной Кольцевой, которая ощутимо напоминала своим гудением, обнаружил, что за деревьями в одном месте бетонный забор заменён временным, деревянными щитами. Видимо, ремонт канализации. Экскаватор, маленькая бетономешалка, вагончик. Забор тоже высоковатый, но хотя бы без проволоки. И от корпуса далековато. И никого, ни охраны, ни рабочих. А-а, сегодня же суббота. Так ведь и завтра воскресенье. Они же специально навешивают на меня аппарат на выходные.

Вот тут-то мне и путь-дорога.

Вернулся в корпус. Внизу, в буфете, попил чаю с булочкой. Конечно, куртку не сдал. Скрутил её в свёрток, взял под мышки и пошагал по лестницам. В лифте решил не ехать, там лифтёрша, заметит запрещённый груз. Ботинки тоже были запрещены, но я как-то прошмыгнул мимо санитарки. А тапочки больничные остались в камере хранения, пусть думают, что меня выписали, искать не будут. У меня в палате свои, домашние, жена позаботилась, в них уютнее.

Вечерние, а после ночи (спал неважно) и утренние молитвы читал, обращаясь к церкви. Пошёл на процедуру навешивания аппарата. Боялся, будут долго возиться. Нет, молоденькая медсестра быстро-быстро напрытывала на разные места моей верхней части тела присоски с проводами, привесила на ремень коробочку, к которой эти провода сбегались, вручила листок, разлинованный на двадцать четыре деления. Это по часам наступающих суток. Надо было записывать, что делал, чем занимался каждый час.

Завтракать не стал. Может, надеялся на причастие? Хлеба всё-таки взял, положил в пакет. В палате выложил на видное место листок, в котором отмечал свои передвижения, написал: «9-00 до 12-00 прогулка по территории». Про себя подумал: врать нехорошо, но тут же придумал оправдание: нет, не вру, у меня не самовольная отлучка, у меня прогулка конкретно по территории Москвы и Подмосковья.

Позвонил жене, попросил молиться за меня.

— Я о тебе и так всё время молюсь.

— Сегодня особенно надо, — это у меня непроизвольно вырвалось.

— Пожалуйста, не пугай. Какое-то новое обследование?

— Нет, нет, всё нормально.

— А почему особенно? Чего-то скрываешь?

Как мог, успокоил её. Телефон оставил в палате. Вышел из корпуса, перекрестился и пошагал. У щитов ограждения

выбрал заранее намеченное место, закрытое высоким кустарником, проверил навешенную на меня сбрую, ещё поозирался по сторонам — вроде всё спокойно, и полез. Но с ходу не получилось. Не от того, что не было сил, а от мелькнувшего страха, что зацеплю за что-то проводами, сдёрну датчики-присоски и нарушу работу аппарата. Оглянулся, увидел ящик, подтащил, убедился в его устойчивости и с его помощью поднялся на забор. Перевесился на другую сторону, ухватился руками за край щита, спустил ноги и отцепился. Удачно: не упал и ни одна присоска не отлипла. Слава Богу.

Надо было пройти мокрую низину, плотно заросшую ивняком, а по низу осокой. Ботинки сразу промокли. Впереди был ручей. Разглядел самодельную плотину из срубленных ветвей, перешёл по ней водную преграду. Значит, кто-то же ходил тут.

И ещё были преграды. Непонятно для чего раскопки, залитые водой, спиленные и неубранные деревья. И это в черте Москвы. Наверное, строить чего-то собираются. А это место с моего этажа выглядело парково: пышная, красивая зелень. Уже с желтыми осенними сединками. Наконец, выкарабкался наверх и передохнул. Аппарату моему было что записать: эти нагрузки и тревоги.

И вот я перед Московской кольцевой автодорогой. Слева, но очень далеко, виднелся переход. Буду ждать, может, движение на немножко прервётся. Стоял пять минут, стоял десять. Какие там интервалы, о чём я наивно мечтал? Несутся стада ревущих механических, изрыгающих выхлопные газы животных, сигналият, злятся друг на друга. Им в одно удовольствие смести меня с лица земли.

Куда денешься, двинулся к переходу. Хороша прогулочка на свежем воздухе, насышался досыта. Помогало то, что радовался близости церкви, которая иногда мелькала в пролетах среди зарослей придорожных деревьев.

На середине перехода, на эстакаде, постоял. Подо мною неслась многотысячная колёсная жизнь: фуры, трейлеры, другие всякие большегрузы и бесчисленные легковые автомашины всех марок стран-производителей. Усмехнулся, вспомнив, как внук, уже очень современный ребёнок, всё допрашивал меня: «А это какая машина? А эта?» И раза два-три поймал меня на незнании, не смог отличить «Хонду» от «Хондая» и один «Опель» от другого. Тогда я, чтобы внук не очень-то задира л нос, выучил по значкам все марки и, торжественно допрашивая его, уловил на незнании «Лексуса». Вернул свой авторитет и имел право сказать: «Ты б с таким усердием книжки читал».

А его папочка, мой сын, тоже Володя, у нас в семье все Володи, когда был ещё меньше, меня один раз чуть до сердечного приступа не довёл. С семейством Беловых были в Пицунде. Сынкок не на машине, на мне ездил. На пляже я посадил его на плечи и пошагал вдоль берега. Анечка Белова увидела такое дело и тоже запросилась на плечи отца. И вот, идём рядом, мой сыночек прыгает и прикрикивает в такт: «А мой-то папа выше! а мой-то папа выше!» У меня ноги подкосились: быть выше, и кого? Белова?

Эта Анечка вертела папочкой как хотела, любил он её сильно и всё прощал. Возвращались из Пицунды, и они у нас в Москве ночевали. Улетали в Вологду назавтра из Быкова. Вызвали такси, поехали. И вдруг Анечка в голос зарыдала, у куклы с ноги где-то соскочила туфелька. И что? Василий Иванович велит таксисту поворачивать. «Вася, опоздаем!» Ольга Сергеевна нервничает. Но Василий Иванович не может огорчить Анну Васильевну. Возвращаемся и, четыре взрослых человека, ползаем по квартире, ищем туфельку. И находим! И вновь едем. И едем, и успеваем. Оказывается, вылет задержали на сорок минут.

Не забыть, как пригласил нас Александр Ведерников, великий певец, конечно, вятский, на оперу «Жизнь за царя», где пел главную арию. Встретил у служебного входа, провёл и посадил в ложу. Обязательно после спектакля велел не уходить, ждать его. Мы сидим и говорим, что надо же с чем-то пойти к нему. Бежать куда-то поздно. В перерыве пошли в буфет, купили по заоблачной цене три бутылки шампанского. Одну сразу уничтожили, две с собой. Что говорить о величии этой оперы. Всё в ней великое: и ария «Чуют правду» и «Слався» Глинки. Отхлопали вместе с залом (весь зал встал) ладоши, ждём. Александр Филиппович ещё в гриме приходит, обнимает: «Ко мне!» В гримёрной достаём приношение, он смеётся, как только он мог, басом, густо, заливисто: «Да вы что? Да как-то так: Иван Сусанин и шампанское?» А у него уже всё накрыто.

Уж заодно вспомнил и о шапке скульптора Клыкова. С ним меня познакомил как раз Василий Иванович. Он уезжал домой и просил проводить его. «Много книг нахватал. Ещё Слава Клыков придёт». А я уже знал работы Клыкова, особенно поразившую скульптуру «Старик и карлик». Познакомились. А тогда жили мы с Надей тяжело, не печатали меня. И у меня была очень дешёвая шапка, какая-то синтетика. И Слава всё на неё поглядывал. Уже пора собираться на вокзал. Слава встаёт из-за стола, берёт мою шапку, подходит к окну, а мы на одиннадцатом этаже гостиницы

«Россия», и выбрасывает мою шапку со словами: «Русский писатель не должен носить таких шапок!» Тут же берёт свою роскошную шапку, даже не знаю, какой это мех, видно, что очень дорогая, нахлобучивает её на меня: «Носи. Дарю!» Тогда я беру её, подхожу к окну и тоже выбрасываю со словами: «Русский писатель чужих шапок не носит». А декабрь, а мороз. Василий Иванович кричит: «Ну дураки, ну дураки!» А мы вначале хотели на метро ехать, а тут как? Василий Иванович побежал к дежурной, вызвал такси. На вокзале бегом-бегом загрузили его, попрощались, бегом на стоянку. К нему, на Ордынку все хотят ехать, ко мне, в Печатники, никто. «Поехали ко мне, — решает Слава, — найдём там у меня шапки». Вскоре и ему и мне пришли посылочки из Вологды — Василий Иванович наградил двух дураков хорошими шапками.

В Харовске установлен памятник Василию Ивановичу. И на нём очень честные слова от имени жителей района, в котором как раз находится его деревня Тимониha: «Василия-то Белова мы знаем и любим, да вот, не больно-то слушаем».

Я вышел за черту столицы. Ощущение России здесь было несомненное: улица села, деревянные крепкие дома, трава на обочинах дороги, красота! Пожалел даже, что иду не босиком. Пришёл к храму. Очень он напоминал храм Вознесения Господня в Коломенском. По своим, летящим вверх, формам, а по расцветке сиял чистотой белого и синего цвета. Зашёл. Служба, конечно, закончилась: поздно я вышел, долго шёл. В церковной лавке старушка подарила мне просфорку: «Сегодняшняя». Заполнил поминания о здравии и об упокоении. Купил свечи и ставил их. Зажег только две: у праздничной иконы и у Распятия. Остальные укрепил на подсвечниках. Даст Бог, зажгут на службе, может быть, уже сегодня. Прикладывался к иконам и к мощам. И в главном приделе Рождества Христова и в Ильинском, и в Покровском, и во Всехскорбященском. Прочёл и историю храма. И так знал, но читать её не в книге, не в интернете, а в самом храме было ощутимо благодатней.

Справа от входа стоял продолговатый, невысокий стол, ясно, что для гробов. Видимо, недавно кого-то отпевали. Сколько же я помню отпеваний! И в сельских храмах, и в соборах: Георгия Свиридова и Владимира Солоухина в Храме Христа Спасителя, Леонида Леонова и Юрия Кузнецова в называемом москвичами «пушкинским» храме Большого Вознесения. Леонов жил рядышком с храмом, и мы с Валей бывали у него. Он рассказывал, как к нему приходил Ста-

лин. Ещё, к великому сожалению, много о болгарской Ванге. Он ей верил. И не он один. А для Юры Кузнецова символично было то, что в день его отпевания впервые пробовали колокола, вознесённые на колокольню храма. Очень сильные, звучные. Стоял у гроба, вспоминал его первые московские книги стихов «Во мне и рядом даль» и «Край света за каждым углом» в издательстве «Современник», где мы работали и где я был парторгом. Выходили его книги с трудом. И помогло то, что я уговорил Юру вступить в партию и дал рекомендацию. «Это же не для карьеры, для прохождения рукописей». И в самом деле помогло. Гораздо позднее прочёл письмо Василия Шукшина Белову о том, что членство им помогало издавать книги. Тут же вспомнился фольклор 60-х: «Спасибо партии родной за любовь и ласку...» То есть объявили пасхальное воскресенье рабочем днём. Вот до чего доходило.

В церковном дворе были удобные для отдыха лавки. На одну я присел, вытянув приятно занывшие ноги. И вновь, будто дождавшись этой минуты, прихлынули воспоминания.

Василия Ивановича отпевали в Кафедральном соборе Вологды. Сильно мешала мельтешня телевизионщиков, журналистов, очень, видимо, обрадованных тем, что ушёл Белов и некому будет их ругать, называть «смишниками», а телекамеру — «свиным рылом», вынюхивающим только мерзости о России. Великий писатель, борец, пример во всём. Совершенно бесхитростный, прямой, смелый до безрассудства, часто обидчивый, но никогда не помнящий обид. Прямо ребёнок. Да ещё небольшого роста. «Я стеснялся, что я невысокий. И на гармошке выучился играть, чтобы как-то стеснительность побороть». Странно, но я никогда не чувствовал, что он меня старше, казался мне младшим братом, которого я обязан защищать. Но не мы, а он защищал, он был крепостью, а не мы. Несгибаемый в своей борьбе за человека на земле. На трибуне Верховного Совета он был страшен врагам России. Жириновский завизжал (это должно быть в стенограмме): «Уберите этого колхозника!»

Вот уж от кого никто не слышал бранного слова. И в их расхождении с Астафьевым ругань последнего, он даже при женщинах вставлял солёные словечки для украшения речи, сыграла не последнюю роль.

Виктор Петрович — особый случай. Конечно, мы ему в рот глядели. Когда он был в компании, то говорил только он. Первый раз я увидел его в его вологодской вотчине, деревне Сибла на рыбалке. Меня туда привёз Владимир Шириков, редактор областной молодёжки, начинающий тогда писа-

тель. Ели уху из пойманной Виктором Петровичем рыбы. Тогда я был покорён силой импровизации и складом его речи. Говорил, будто пробовал на слушателях новые тексты. Как на нейтральной полосе хрюкал поросёнок и как за ним ночью поползли и немцы и наши, и как встретились у этого поросёнка. Воевать, драться не стали, поросёнка поделили и вернулись: наши к нашим, немцы к немцам. Очень ругал военачальников, вообще всю номенклатуру. Молодых писателей ругал за то, что торопятся писать. «Если хочется работать — ляг, поспи, это пройдёт». Смеялся над теми, кто гордился рабоче-крестьянской биографией. «У нас про таких говорили: Гли-ко, был рахит, а ходит». Ругал «поэтов-туристов» Вознесенского и Евтушенко. И упоминаемого с ними Рождественского. «Они место заняли, вытеснили настоящую поэзию. Вместо них надо ставить Рубцова, Горбовского, Кузнецова». — «А Высоцкий?» — «Это для сытых и для уголовников». Из сверстников ругал авторов про тихие зори и про белого кобеля с чёрным ухом. «Девчонки против диверсантов? Чего врать? Они бы им как цыплятам шеи бы свернули. А ещё бежит, стреляет, приплясывает, да ещё и поёт. Тьфу! И этот, собаку жалеет! Тут люди сотнями, тысячами гибли, трупами заваливали, вот чего об этом молчит?». Фронтвики, мать их! Был ярый болельщик, помнил все матчи и по хоккею и по футболу. «Вы понятия не имеете, кто такие Бобёр и Стрелец». На удивление знал кино. Из актрис нравилась ему Маргарита Терехова.

Знал я Астафьева наизусть, особенно его «Последний поклон», «Ода русскому огороду», «Васюткино озеро», «Царь-рыба». И, конечно. «Пастух и пастушка», но в том, первом виде, а не в потом доработанном за счёт окопного словаря. В первой публикации у него тоже была цензурная правка. Иногда несправедливая. «Вот у меня, — говорил он, — «солдаты в серых шинелях лежали на снегу как немытая картошка». Чем плохо? И мы соглашались, что это очень даже впечатляет. Тут и зрительный образ, и ощущение войны. Возмущались: какие ж собаки в этой цензуре — их бы под обстрел на снег положить. Но когда пошли у него тексты ненормативной лексики, это была беда. Правда жизни замазывалась похабщиной. Мало ли кто и как выражается, есть же традиции русской целомудренной литературы. Тут мы были единомышленны: нельзя пачкать икону русского языка. Уже и «Людочка» и «Печальный детектив» читались с трудом, а роман «Прокляты и убиты» отвращал от себя матерщиной, как и совсем невесёлый «Весёлый солдат».

К ним в Вологде приходил Рубцов. Виктор Петрович прекрасно пел песни на его стихи.

И легко понять, что пути Белова и Астафьева разошлись. Ещё повлияло то, что Мария Семёновна, выпустив книгу, подала документы в Союз писателей. Белов был против. Но тут мы защищали Марию Семёновну: пишет ничуть не хуже сотен других писателей, жизнь прожила тяжелейшую. Фронт. И для Астафьева спасение. Евгений Носов называл её: мать-героиня с младенцем Витей на руках. Членство в Союзе писателей входило в рабочий стаж и давало право на пенсию. «А я загнусь, весь перекалеченный, как ей жить?» — горячился Виктор Петрович. Она вообще была в чистом виде каторжница: разбирала сверхкорявый почерк мужа, перепечатывала его тексты на пишущей машинке, он правил по машинописному, опять всё исперечёркивал, и она опять это перепечатывала. И так несколько раз. «Да книжки мои Витя даже и не читал», — говорила Мария Семёновна и с улыбкой рассказывала нам, как на одной из встреч с писателем, к нему подошла женщина с её книгой и попросила: «Виктор Петрович, у меня с собой нет Вашей книги, подпишите книгу жены». Он, недолго думая черкнул: «Бабе от бабы».

Переезд в Красноярск, на родину, восстановление родового поместья в Овсянке, рыбалка на Енисее, были спасительными для Виктор Петровича. В Красноярске на него стал благотворно действовать отец Михаил Капранов. Отсидевший вместе с Леонидом Бородиным за членство в антисоветской организации. Приходит батюшка к писателю. Сидят, разговаривают. Виктор Петрович увлечётся, залепит в свою живописную речь нецензурное словечко, отец Михаил тут же: «Пять поклончиков перед иконами!». Сделает Виктор Петрович земные поклоны, вернётся за стол. Забудется, и опять гнилое слово выскочит. Батюшка снова и снова непреклонно: «Раб Божий Виктор! Десять поклончиков!» Виктор Петрович его слушался и жаловался нам: «А мне-то какво с моим пузом?» Благодаря батюшке лексикон писателя очищался, и продолжайся так, мы б не получили загрязнённых матерщиной астафьевских текстов последнего времени. Но бесы не дремали — отца Михаила перевели в Барнаульскую епархию.

В Японии мы с Василием Ивановичем были в гостях у профессора-русиста, и он подарил нам книги, которые издавала так называемая «третья эмиграция». В том числе сборник «Неподцензурная советская частушка». Вернулись в гостиницу. Через десять минут Василий Иванович ворвался ко мне в номер: «Ты смотрел эту мерзость?» — «Какую?» — «Частушки». — «Нет». — «Выкинь!» — «Но мне интересно». —

«Выкинь! Дай сюда, сам выкину!». И забрал у меня подарок профессора: «Смотри!» Ткнул наугад. И в самом деле, была явно сочинённая гадость, вроде антисоветская, а на деле антирусская, сварганенная под частушечный размер. Конечно, образ сегодняшней России, созданный на Западе, создавали как раз не западные люди, а уехавшие от нас диссиденты, которым было все равно где жить, лишь бы жить сыто. А за что Россию не любили? За то, что легко обошлась без них.

Но с каким трудом мы с Валентином переходили на обращение к Василию Ивановичу на «ты». Он требовал: «Какой я вам Василий Иванович! Вася, и всё!» И мы, приводя себе в пример Виктора Потанина, который был на «ты» с Виктором Астафьевым, и Виктора Лихоносова, бывшего на «ты» с Беловым, наконец осмелились. Но отсечь отчество Иванович от имени Василия так и не смогли: «Василий Иванович, — говорил Валентин, — не уговаривай, не сможем ни за что». — «Ты только для Толи Заболоцкого Вася, — поддерживал я. — У него два писателя, два Васи, ты и Шукшин. Остальных он за людей не считает».

И как хорошо, ещё при их жизни Анатолий Гребнев написал: «Тревожно за русское слово, // но вспомнишь — светлеет вокруг: // пока есть Распутин с Беловым, // не надо тревожиться, друг».

А когда они ушли, написал прощальное, из которого на память помнилось: «Я знаю, былью станет небыль, // мы и в гробу не уложим. // И босиком с тобой по небу // друзьям навстречу побежим. // По зову сердца мы над бездной // по звёздной тропочке пройдем, // и на скамейке поднебесной // друзей потерянных найдём. // И, вспомнив радостно былое, // забудет вечность о часах, // когда Распутина с Беловым // обнимем мы на небесах».

Что говорить, в церковной ограде было самое время и место вспоминать об ушедших в вечность друзьях. А сейчас ещё и о том месте, на котором был. Это здесь происходил Военный совет перед Куликовской битвой, крупнейшей битвой Средневековья, и пытался его представить. Конечно, на нём говорили о неизбежной уже битве. Слушали доклады гонцов из тех княжеств, которые также откликнулись на призыв Димитрия и митрополита Алексия. Уже знали, что поход против Мамаю благословил сам преподобный Сергий, а его благословение для русских было решающим. Спешили воссоединиться с основным войском. Слушали доклады гонцов от степной «сторожи», которая следила за передвижением войск

Мамая. Считали силы, оружие, припасы продовольствия и для людей и для коней. Положили провести смотр войск в Коломне на просторном Девичьем поле у впадающей в Оку Москвы-реки. О, Коломна — город, где свершилось венчание юного Димитрия с нижегородкой Евдокией, будущей великой святой преподобной Ефросинией. В селе Беседы Димитрий сразу после битвы заложил храм. Вначале, как водилось на святой Руси, деревянный, потом Борис Годунов свершил каменный. Храм этот всегда был на особинку, именовался дворцовым.

Обошёл его вокруг, представляя бывавшие здесь и будущие Крестные пасхальные ходы. Цветы устилали ограду. Вдруг, а не вдруг ничего не бывает, увидел указатель «К источнику». Конечно, обрадовался. Напьюсь, умоюсь. И напился и умылся. Но источник этот был ещё и купелью. Иконы на восточной стене, свеча горит. Раньше бы и думать не думал, погрузился бы. Но сейчас-то я был с навешенным на меня аппаратом. Но уже руки сами расстегивали пуговицы на рубашке и стаскивали брюки. А ботинки сами всех вперёд отскочили. Присоски не отпадут, думал я, проблема в этой коробочке, нельзя её замочить. Может, не рисковать. Но желание погрузиться в исцеляющие целебные, несомненно многократно освящаемые воды, отмело сомнения. Я сообразил плотно обмотать эту коробочку в целлофановый пакет, добавочно окрутил этот узел снятой майкой. Не успеет промокнуть. Хлебушек из пакета и просфору положил под икону Божией Матери.

Подошёл к купели. Немного трусил. Прочёл молитвы: Отче наш, Богородице Дево, Царю Небесный, Правило веры. Молитвы прибавили решимости. Спустился по ступенькам, зажал в левой руке свёрток с коробочкой, правой крестясь, троекратно, во имя Отца и Сына, и Святаго Духа, погрузился с головой. Вышел. Испытанное ощущение, когда боязно погружаться, но зато потом так хорошо, так отраднo, так жарко, что об этом и не расскажешь. Можно только испытать самому. Это прообраз умирания и воскресения. Конечно, страшно умирать, но зато воскрешаться в жизнь вечную — надеюсь-молюсь-верю — прекрасно!

Размотал майку, выжал. Выпротал из целлофана коробочку. Вроде сухая и целая. Одеваться! На ремне опять укрепил прибор.

О, отрада и утешение! Принял вначале просфору, потом поел больничного хлеба, запил водой. Остатки, выйдя из купели, раскрошил птичкам.

И ещё поднялся к храму, и ещё зашёл и ещё поставил свечи. И записочки подал о родных и близких, и о себе многогрешном, болящем.

Да, болящем. Но ведь по своей же вине. Врачей-то надо слушать. Все мы такие бываем: Господь не оставит, лечиться не буду, положусь на Его милосердие. Но и святые бывали врачи, и много их, и Амвросий Оптинский, сказав, что монахам «полезно прибаливать», советовал и лечиться, и наш старец Кирилл (Павлов) поправлял здоровье у врачей. Другое дело, что врач, к которому идёшь, непременно должен быть верящим в Бога.

А мои врачи? Верят? А врачи, лечившие Валю? А Василия Ивановича? Каких врачей надо слушать? Ответ: только верящих в Бога. Иначе никаких гарантий.

Обратный мой путь был куда легче и даже веселее. Ещё бы — шагал новорождённый в купели. Даже хотел идти напрямую, к зданиям Центра, но потом себя урезонил. Опять вдоль ревушей Окружной до перехода, по нему, вдоль трассы в обратном направлении, и через хворостяную плотинку к забору. Посмотрел в щели, вроде тихо. Тут была проблема — с улицы не было подставки. Но как-то сумел. Подтянулся, вытянул себя, а на внутренней стороне помог ящик. Отташил его на старое место. И вернулся в свою больничную келью, как называл палату. Позвонил жене.

— Я очень молилась. Ты меня напугал, я переживала.

— Но теперь-то успокойся. На свежем воздухе долго был. Ты знаешь, я что-то очень Василия Ивановича и Валю вспоминал.

— Я их никогда не забываю, всегда записки подаю.

— Да-а, твой борщ они часто вспоминали...

После обеда долго лежал. Опять мысленно заново проходил путь к Беседам, храму, купели. Пытался оживить облик Димитрия Донского, виденный на иконе, перевести его в живого человека, сидящего с воеводами на Военном совете-беседе, но было трудно. И не смог. И представить движение войска, храп и ржание коней мешал, конечно, доносящийся даже в палату надрывный рёв несущейся по кольцу техники. Но все равно чётко вспоминалась наша с Валентином поездка на Поле Куликово. Как мы ехали, как были у слиянии Дона и Непрядвы, как потом ночевали в домике прямо на Поле, недалеко от храма постройки Щусева, от Памятника-колонны. Как ночью вышли, молча шли к нему и как молча вернулись. Храм с куполами в виде шлемов древнерусских воинов в слабом свете луны помнился отчётливо.

Валя, помню, сказал:

— Шусев человек был набожный, хотел во спасение души построить сорок храмов, а закончил тем, что построил мавзоль для Ленина. Вот как так?

На обратном пути поехали в Елец, и там наш первый духовник схииеромонах Нектарий (Овчинников) благословил Валю окреститься. Крестил на дому архимандрит Исаакий. Помню, как потом пили чай, какой просветлевший был Валя в белой рубашке. Отец Исаакий рассказывал, как отбывал срок в Средней Азии и как издевался над его верой начальник лагеря.

— Когда пришёл ему приказ о досрочном моём освобождении, то он на построении при всех издевательски говорит: «Это что, тебя твой Бог освобождает?» А со мной сидел уголовник, такой детина, меня слушал, когда я с ними говорил. И вот, когда начальник так спросил, то уголовник прямо из строя ему врезал: «А ты как думал?»

Да, вспомнил я белую рубашку, и кажется мне сейчас, что в ней или в такой же он был, когда иеромонах Иоасаф из Заиконо-Спасского монастыря приехал к нему, уже не вставшему с постели, на последнюю в жизни исповедь и Причастие. Я тогда впервые увидел Валю заросшего крепкой седой щетиной. Полное ощущение старца. Хотел ещё пошутить, мол, вот, Валя, всегда тебя уговаривал бороду носить и вижу, как она тебе идёт. Но уже не произнеслось.

Прощались. Нагнулся к нему и невольно встал на колени. Поцеловал. Тихо, но разборчиво Валя произнёс: «Больше не увидимся».

И вскоре было прощание с ним в Храме Христа Спасителя, в алтаре которого есть памятная доска с начертанными фамилиями членов первого Общественного совета по возрождению Храма. Там рядом с фамилиями Георгия Свиридова, Владимира Солоухина, Владимира Мокроусова, Игоря Шафаревича написаны и наши. Валя тогда сказал: «Ради такой доски стоило жизнь прожить». После московского отпевания было и иркутское. А вот уже и на могиле побывал. И деревянный крест заменён на мраморный, и цветов по-прежнему много. И пусто вокруг.

Но вообще, как хорошо, что русские писатели сейчас избирают себе вечный покой на родине. Не в большом смысле — Родина, Россия, а в самом сердечном, там, где родились и росли. Александр Яшин у себя в вологодском Никольске, Виктор Астафьев в красноярской Овсянке, Фёдор Абрамов в архангельской Верколе, Владимир Солоухин во владимирском Алепино, Пётр Проскурин на Брянщине... Жалко, что

Василий Шукшин похоронен не на Алтае, а в Москве. Белов, помню, очень сожалел: «Какая глупость эта «престижность»! Что Новодевичье, что какое любое другое — одна земля. А Новодевичье одна показуха. Скульптура: Юрий Никулин с папиросой, у ног собака, сидит на своей могиле, это что? Лежать надо на родине, её стеречь». «Могила великого человека — национальное достояние», — сказал Пушкин.

И Валя писал в завещании: похоронить рядом с погибшей любимой доченькой Марусей, с любимой женой Светой, ему и их уходы пришлось пережить. Но похоронили в ограде монастыря, в междуречье Ангары и Ушаковки. Но это очень хорошо. Валя всегда всех гостей водил в монастырь, к могиле землепроходца Шелехова. На памятнике стихи Державина «Коломб здесь русский погребен...» И это практически в центре города, а до Смоленского кладбища доехать не так просто: на мосту через Ангару постоянные пробки, и около кладбища трасса, машины, шум, покоя нет.

Как всё летит! Нет Вали и нет Василия Ивановича. Куда в Москве ни пойду: тут были, тут выступали, тут заседали, тут в театр, в консерваторию шли. И как теперь без них?

Василия Ивановича тоже долгие годы лечили. Страдал сильно, уже сидел в кресле, в письмах от него строчки становились всё слабее, сползали в конце вправо и вниз.

Узнали о его уходе в Доме литераторов на юбилее Станислава Куняева. В самом конце, после заключительных аплодисментов, будто он пожалел нарушить радость друга.

Поехали в Сретенский монастырь, ещё с нами Анатолий Заболоцкий, за рулём настоятель монастыря, нынешний митрополит Псковский Тихон. Уже близилась полночь. Подняли семинаристов, отслужили первую поминальную молитву о новопреставленном Василии. Отец Тихон при нас позвонил Вологодскому Владыке Максимилиану и губернатору, просил их посодействовать захоронению Белова в Спасо-Прилуцком монастыре, рядом с могилой Батюшкова. И договорились, и Ольге Сергеевне, уже вдове, позвонили, и она согласилась. Но вологжане, ссылаясь на его слова о захоронении рядом с матушкой Анфисой Ивановной, увезли в Тимонику. А там уже на многие километры вокруг пусто. Когда он говорил, были ещё деревни, сейчас человека не встретишь. Но возвышается и стоит на страже земли Белова церковь, почти в одиночку им восстановленная, стоит, не сдаётся.

Наконец, я уснул. И спал аж до самого ужина. Чего же я в этот листок запишу — спал без задних ног, ибо свершил об-

ряд исцеления — был в церкви и погрузился в источник? Написал просто: сон.

На следующее утро та же милостивая медсестра сняла с меня все эти присоски-датчики, унесла их, и вскоре меня вызвали к лечащему врачу, Анне Оскаровне. И она, глядя на изломанные линии каракуль кардиограммы, читая их, понятный для неё язык, изумлённо вопрошала:

— А что это пишете: прогулка по территории. И откуда на прогулке такие нагрузки?

— Физзарядка для бодрости. — А про себя понял: это же я в это время через забор перелезал.

— А вот, около полудня, что это? Учащение пульса, резкий прыжок давления и резкий спад. Потом подъём до нормального. И потом всё хорошо. Странно. Потом, после обеда, такой долгий сон. Снотворное принимали?

— Нет.

— И ночь прошла нормально?

— Нормально. А сейчас как давление? — спросил я, чтобы отвлечь её от медицинских раздумий.

Померила давление.

— Ничего не болит?

— Нет. Здоров как призывник. Который не уклоняется от службы в армии. Выпустите меня. На свободу с чистой совестью.

— Нет-нет, два-три дня понаблюдаем. Какой-то именно с вами особый случай.

На моё счастье, до меня дозвонилась врач из монастыря, деликатно поинтересовалась моим состоянием. Я понял: у них появился кандидат на излечение или на исследование, и палату мне надо освободить. Я просил её позвонить здешним моим распорядителям.

А она, здешняя моя врачиха, Римма Оскаровна, вошла сама. Опять несла белые листы-полотенца записей моего состояния прибором, висевшем на мне сутки.

— Простите, не могу успокоиться. Проверили прибор — нормальный. Думала, что он неверно показывает. Что вчера было с вами от девяти до двенадцати? Смотрите: читается напряжение, взволнованность, перебои в давлении, потом какой-то прыжок и потом всё прекрасно. Спокойный сон, ровный пульс. Нет, что-то было. Но что? Завтра снова на сутки поставим холтер.

— Нет, нет, — я всерьёз испугался. — Надо палату освободить.

— Но как понять ваше вчерашнее состояние?

— Хорошо, признаюсь. Я был в самоволке. В самовольной отлучке. Перелез через забор...

— Ужас! Но это же грубейшее нарушение режима!

— ...Перелез и пошёл через Окружную дорогу в церковь. Тут село Беседы, я его вам из окна покажу. Оно связано с Куликовской битвой, тут был Военный совет, беседа. Димитрий Донской. Но он тогда ещё не был Донским. Я вам расскажу.

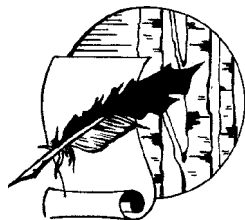
— Какой Донской, при чём тут давление? — спросила она.

— При том, что там я погрузился, не нырнул, погрузился трижды с молитвой в источник, вот и всё. И здоров. Тем более вчера было воскресенье. Малая Пасха.

— Какая Пасха! Что вы мне будете глупости говорить! — Она разбушевалась. — Вы понимаете, что это ненормально? Мы вас лечим, а вы? Лепите мне тут всякую фантастику. Вы же могли простыть.

— Какая фантастика, православная реальность. Но вы правы: грубейшее нарушение больничной дисциплины — тоже реальность. За это меня надо наказать и выписать. На свободу с чистой совестью.

Я уже дома. Подхожу к окну. Гладкость и прохладность стекла напоминают окно моей больничной кельи. И вижу бело-синюю церковь в Беседах. И вспоминаю, как от неё можно спуститься к источнику. И перекреститься, и погрузиться. И исцелеть. И зажечь в храме свечи у икон, и подать записочки об ушедших друзьях. И быть уверенным, что они тебя видят.

Марина АХМЕДОВА

Марина Анатольевна Ахмедова (Колюбакина) — поэт, переводчик, публицист. Родилась в Челябинске. Детство и юность прошли на Украине. Закончила Литературный институт им. Горького в 1977 году (семинар Евгения Долматовского). Член Союза писателей СССР с 1987 года. С 1980 года работает в Союзе писателей Дагестана (заместитель председателя Правления). Учредитель издательства «Дагестанский писатель». Редактор детского журнала «Соколёнок».

Автор поэтических сборников: «Отчий свет», «Високосный век», «Осень столетья», «Твой образ», «Равноденствие», «Ностальгия», «Кавказская тетрадь», «Долгое эхо», «Древо жизни», «И здесь, в долине Дагестана», «Русское поле».

Автор переводов народных поэтов Дагестана Расула Гамзатова, Фазу Алиевой, Сулеймана Стальского, Ахмедхана Абу-Бакара, Юсупа Хаппалаева, Магомеда Гамидова и многих других дагестанских авторов, а также украинских, турецких, болгарских, чеченских, латышских, итальянских, румынских, американских и азербайджанских поэтов.

Народный поэт Дагестана. Заслуженный работник культуры России и Дагестана. Лауреат премии Ленинского комсомола Дагестана (1983), Государственной литературной премии Республики Дагестан имени Расула Гамзатова (2005), премии Союза писателей России «Слово — 2018».

ДЫМ ОТЕЧЕСТВА

* * *

Душа моя кочевая,
не знающая про страх,
как пёрышко ночевала
в заснеженных ты горах.

Парила ты над долиной
не век, а мгновенье лишь,
где пахнет гончарной глиной
тоска черепичных крыш.

И в зареве маков алых,
как ниточка сквозь ушко,
над родиной пролетала,
невидимым ты стежком.

И пусть ты недоумённо
умчалась за поворот...
Как в сейфе, хранится в генах
таинственный этот код.

* * *

Г. Д.

Иногда затоскуется вдруг по Москве,
по студенческой той,
золотой, как листва,
когда юности ветер гулял в голове,
высекая из сердца, как искры, слова.

И привычным маршрутом помчится душа
по Петровке на тихий московский бульвар,
где усадьбу старинную в три этажа
мне послала судьба как нечаянный дар.

За оградою, как византийская вязь,
я услышу забытых друзей голоса,
что читали друг другу, от смеха давясь,
хулиганские вирши, зажмутив глаза.

Эти чистые слёзы просохли давно
или просто растаяли в Чистых прудах,
но пьянит ещё мозг молодое вино
тех времён, что уже не вернуть никогда.

По Тверскому спущусь до Никитских ворот
и сверну на Гранатный, где в доме одном
моих лёгких шагов ещё, может быть, ждёт
дерматином обитая дверь со звонком.

* * *

Журавль, отбившийся от клина,
курлычет мне издалека,
и в этом крике журавлином
такая детская тоска.

Леса осенние осели
и даже съёжились совсем...
И в ожидании метелей
как будто бы оцепенели
в какой-то сумрачной красе.

Но за понурыми холмами
там город есть, где ждут всегда...
И можно вновь прижаться к маме,
всю обхватив её руками,
как в несмышлёные года.

И броситься в глубокий омут
воспоминаний дорогих,
припав щекой к лицу родному
среди незнакомых лиц чужих.

И так застыть, не замечая,
как жизнь стремительно бежит
и льдом мне щёку обжигает
её надгробия гранит.

ДЕТСТВО

Зимний вечер — мерцание ели в углу,
мандариновых корок гора на полу
и на окнах мороза узоры...
Мама лепит пельмени, а папа под ритм
её ловких движений коньки мастерит,
на которые встану я скоро...

Брат Алёша уже первоклассник давно
и поэтому с бабушкой ходит в кино,
а меня на сеанс не пускают...
Деда нет... Он расстрелян ещё до войны,
без вины... но про страшные тайны страны
я пока, слава Богу, не знаю...

Я дышу на стекло, чтобы в нём, как всегда
неожиданная появилась звезда,
тонкий лучик послав во спасенье...
Медный крестик мой бабушка прячет в комод,
чтоб не видел его любопытный народ,
приходящий к нам по воскресеньям.

Наш бревенчатый дом над замёрзшей рекой
на заснеженной улице Береговой
дышит паром и хлопает ставней...
Как в бинокль, я глазею на мир из кружка,
что уже отдышала в размер пятака,
и таким он мне кажется славным...

КРАКОВ

Андрею Эшпаю

Над Вислою, на самой кромке,
надменно смотришь в небеса,
забыв о том, что русской кровью
оплачена твоя краса.

Архитектуры блеск и чудо
ценой безмерной спасено,
но этот подвиг грех Иуды
перечеркнул давным-давно.

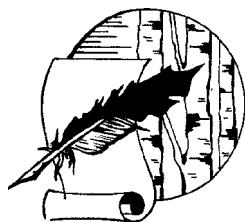
И ты, застыв над Вислой сонной,
гордясь шляхетною судьбой,
продал Серёжку с Малой Бронной
и предал Витьку с Моховой.

Солдатские их обелиски
вандалом выворочены...
И лишь с табличек смотрят лица
из позабытой той войны.

Им ничего уже не надо,
но этот воинский погост
для них стал Гефсиманским садом,
в котором предан был Христос.

Пусть этим витькам и серёжкам
не встать уже из-под земли,
но если б только было можно,
они бы вновь тебя спасли.

г. Махачкала

Виктор КАРПУШИН

У СВЕТЛОЙ РЕКИ

* * *

В лесах плутал, встречался с ведьмами
И с лешаками водку пил.
...Народ идет из храма с вербами,
С оттаявших сырых могил.

В глазах — покой и просветление.
Чудесен свет. Открыта даль.
Как будто нет ни зла, ни тления,
И где-то далеко — печаль.

Всё в прошлом. Смутные сомнения
Не омрачают день святой.
Как это славно — в Воскресение
Умыться талою водой!

В последний снег запали клавиши
Берёз. Всё ясно наперед...
Бумажные цветы на кладбище
И вербы бабка продаёт.

* * *

В ней так много любви, в ней так много тоски,
В ней так много расплывшихся красок!
Если дождик идёт иногда — пустыки,
Просто осень всегда — смена масок.

Опадает листва. Колдовской диалог
Продолжают поблекшие травы.
Поцарапан звездой невысокий порог,
И гремят заунывно составы.

Но об этом напрасно наивно жалеть,
Созерцая трагический трепет.
Если время пришло, истлевая, желтеть —
Тихий ангел лампы затеплит.

И рябины, качаясь у светлой реки,
Где последние вянут кувшинки,
Посчитают оставшиеся медяки,
Чтобы осени справить поминки.

* * *

Наступает арктический холод,
Удивительно светел покой.
Подмосковный заснеженный город
Породнился с замёрзшей рекой.

Это лучше, чем в грусти сиротство
И тревожные поиски сна.
И дымок бледно-розовый вьётся,
И луны серебрится блесна.

И, поверив рождественской сказке,
Улыбнулся угрюмый поэт...
Ведь искрится берёза по-царски,
И волхвов различается след.

* * *

Чёрные шрамы канав,
Шёпоты мёртвых былинки,
Блеск леденелых оправ
Русских просёлков былинных.

Так наступает зима
И заплетается в косы
Вьюги ночной бахромы,
И стекленеют откосы.

Но оживает душа
Утром под звон колокольный.
Озеро. Дрожь камыша.
Мудрость дороги окольной.

* * *

Суровые зимние бездны,
Равнин зачарованных блеск.
Российские чёрные беды,
Метелей рыдающих всплеск.

Сосулек алмазные сколы,
Забытой деревни огни...
Святое дыханье Николы.
Осинники. Сумерки. Пни...

Плутают тревоги в округе,
Задумались колокола.
Дорог леденелые дуги
Под утро метель замела.

Есть верное средство от хвори,
Когда на душе непокой —
Настой из рождественский хвои.
В России известен такой.

* * *

Октябрь. И в лесах туманно.
Уже почти сошли грибы.
Заката блёклые румяна.
Пора разлук и ворожбы.

Мерцают у болот гнилушки,
Летят шальные птицы вдаль.
Замёрзли ножки у избушки.
Дожди. Задумчивость. Печаль.

Ну что ещё к сему добавить?
Картина ясная и так.
Пусты былинные дубравы,
И всё же сумерки — не мрак!

Костёр разводит грустный леший,
Прилаживает котелок.
И лунный свет с лесных проплешин
Стекает на речной песок.

МОРОШКА

Потчуют в кафешке импортной картошкой,
Ну а я собрался нынче за морошкой.
А попутно можно прикупить чекушку,
Угостить соседа, угостить подружку.

Только очень скоро выветрилась влага,
Вот стою, скучаю около оврага.
Белые берёзы тихо облетают,
Юркие стрекозы в сумерках плуτούν.

Кажется, что леший смотрит из-за ёлки,
Спящая царевна мается в светёлке.
«Сказочна морошка, вот её и нету!» —
Как тут не поверить местному поэту?..

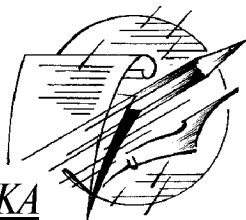
г. Балашиха Московской обл.

НАША ИДЕОЛОГИЯ — ВЕЧНАЯ РОССИЯ

— Наталия Алексеевна, 101 год назад большевики обещали народу построить справедливое государство. Не получилось в конечном счёте. Не получается и у постсоветской власти.

— Нет правды на земле, но нет ее и выше. Идеальные государства существуют только в головах политиков, особенно радикальных, которые придумывают социальные утопии в тиши своих кабинетов, забывая при этом о реальном народе. Если закон строг, но общество в целом считает его справедливым, оно с ним мирится. Хотя, как известно, нарушение закона в России — обычное дело, потому что мы внутри себя живем по правде, а не по праву. Да, сегодня, как и 100 лет назад, люди раздражены бросающимся в глаза непристойным для XXI в. расколом между богатыми и бедными. Тем более что бедные у нас бедны не как в современной Европе, а по меркам довоенного времени. Кто-то живёт без водопровода, с колонкой на улице, а кто-то строит дворцы и хоромы... Поэтому люди вспоминают о советском равенстве порой и с ностальгией, хотя и тогда, как и сегодня, многое было несправедливо.

— Говорят, что надо отнять у богатых их миллиарды и поделить поровну. Тогда благ хватит на всех.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

— Это иллюзия. Даже если отобрать у двух десятков наших олигархов всё подчистую и разделить поровну на население России, получится не более 1 тыс. руб. на человека. Мне, к слову, не нравится, когда СМИ тиражируют повадки никчёмных представителей золотой молодёжи, развлекающихся на дорогих автомобилях. Их единицы, они ничтожны и пошлы, но их поведение колет людям глаза, зачастую искажая картину, как в кривом зеркале.

Конечно, удручает, вызывает горькую усмешку, когда нувориши, разбогатевшие в безвременье девяностых, буквально золотом покрывают свои дворцы. В Европе такого поведения нет. Да и, в сущности, человеку даже весьма обеспеченному, если он поглощен делом, не нужно этой роскоши. К тому же, сколько бы ты ни купил роскошных вилл в разных уголках земного шара, все равно не будет времени ездить туда чаще, чем раз в год. Тому, кто не изуродован комплексом выскочки, требуется не так много: возможность обеспечивать семью, передвигаться по своей стране и миру, в меру отдыхать, помогать родным и друзьям, не быть стесненным.

Не думаю, что заметные протестные настроения были вызваны примитивной завистью к феномену «Рублевки» и желанием всё уравнять. Сейчас больше неприятия вызывают нехорошие проявления и симптомы сращивания на местах власти и денег. Это вовсе не примитивная зависть.

Кстати, подавляющая часть протестных настроений в обществе не совпадает в идеологии с устремлениями группы Навального, хотя Запад всё мечтает соединить их и направить против российской власти. На самом деле люди недовольны тем, что власть недостаточно реформировала наследие девяностых, не повернула страну в полной мере к социальному и промышленно развивающемуся государству с соответствующими стимулами. А либералы, наоборот, огорчены, что власть все-таки повернула и не сохранила те правила, при которых порт Находка мог быть приватизирован по цене десяти «Мерседесов».

Кстати, гораздо большим источником раздражения в обществе стало бесчестье чиновников и их бесконтрольный доступ к финансам. Над олигархами сейчас уже просто посмеиваются, а непонятно как разбогатевшие чиновники возмущают.

— Вы за социализм с человеческим лицом?

— Социальное государство — это веление времени. Я боюсь всяких «измов»: любой термин с таким окончанием обязательно несет за собой шлейф всего того, что все эти социальные концепции и эксперименты накопили за XX век. Но,

кажется, мир стоит на пороге появления еще одного «изма», в котором будут элементы социализма, но не коммунизма. Когда государство будет думать не только о том, что рационально, удобно, правильно, но и о том, что должно и праведно. Может быть, Россия станет первой в предложении такой идеи, модели общества: ей понятны проблемы хижин и дворцов, вечной мерзлоты и пустыни, прозябания в нищете и жизни в роскоши, высот искусства и страшного примитивизма. «Нам внятно всё — и острый галльский смысл, И сумрачный германский гений», — писал Блок. Мы сжатая копия мира с его страшными перепадами в культуре, уровне жизни, традициях, этике поведения, и поэтому в состоянии, не навязывая другим цивилизациям полного слома своего кода, предложить концепцию будущего как некой гармонии. Это то попрание, на котором не надо иметь огромного ВВП (валового внутреннего продукта): достаточно воли и исторического опыта.

— Что из наследия советского времени стоило бы взять с собой в светлое будущее?

— Прежде всего — бесплатное образование и медицину. Образованием, несмотря на его идеологическую зашоренность, мы могли гордиться повсюду в мире. Любой наш самый серый троечник был корифеем эрудиции по сравнению со своим сверстником на Западе, особенно в Америке. Мы лучше них самих знали американских писателей. Я не раз доказывала американцам, что «Рассказы о животных» сочинил не Майн Рид, как они думали, а Сетон-Томпсон. Учащиеся колледжей там не читали даже Хемингуэя. А уж что касается естественных наук, то наши способные выпускники всегда были желанными перебежчиками по ту сторону океана и без особых проблем получали там престижную работу по специальности.

— А что забрать из ельцинской эпохи? Были такие завоевания?

— Свободу читать и думать, публиковать, дискутировать и в известных пределах — всё же возможность не столько заработать, как потратить по своему усмотрению. Знаете, в 1991-м я без сожаления расставалась с идеологическим начетничеством: так надоели обкомы. Но держава-то при чём? Когда разрушали Советский Союз, разве этого мы требовали? Мы хотели очистить мозоли, однако государство своё не отвергали. Но в идеологической группе, выдвинувшей Ельцина, сошлись нигилисты, которые вели себя как пламенные большевики, отрицавшие всю историю до них самих. Эти люди были так же далеки от русской истории, как и их

оппоненты: догматики ЦК КПСС. Либералы оказались идейно и духовно зачищены советской пропагандой куда больше, чем герои Шукшина, вот им-то и надо было выдавливать по капле из себя раба...

Да, коммунистический эксперимент исчерпал себя, но это не значит, что надо было выбрасывать историю трёх жертвенных поколений на свалку. Лучше спокойно перевернуть страницу, проанализировать, что являлось источником наших побед, а что — причиной отставания и поражений. А глумиться над жизнью отцов — это грех библейского Хама.

Я из семьи историков, которые изучали внешнюю политику России с XVIII века. И знала, что Запад нам не поможет: он потирал руки, предвкушая крах геополитической величины, сдерживающей его безудержные амбиции. В огромной стране возникал вакуум государственной воли, и само государство, которое за века сформировалось в равновеликую Западу силу и не давало управлять миром из одной точки, исчезало: оставался лишь материал. Наш народ должен был превратиться в массу, а наши ресурсы — просто служить другому проекту... Кажется, только наша нация так легко может соблазниться обещаниями за 500 дней все перестроить, хотя даже за целый президентский срок нельзя объехать и понять Россию.

После Беловежских соглашений стало ясно, что разрушен не Советский Союз, а российское государство, и нам предлагалось в уплату за тоталитаризм расплатиться 300 годами русской истории.

— Такое чувство, что и сегодня мы чуть что разделяемся на красных и белых по разные стороны баррикад. Раскол в сознании народа никуда не делся. Изживем ли мы его когда-нибудь? Или мы обременены революцией навечно?

— Хуже всего во время революции проявила себя интеллигенция, про которую один мыслитель горько заметил, что это рак, впившийся в печень русского народа. Находятся такие и сейчас. Этот интеллигент подойдет к России, как к зеркалу, где и так почти всё заплёвано, найдёт там чистое местечко и с наслаждением тоже туда плюнет... До сих пор глубокий раскол сохраняется во Франции, хотя со времён так называемой Великой французской революции прошло больше 200 лет. Но памятник Дантону по-прежнему стоит на бульваре Сен-Жермен. Просто французы перестали славить ту эпоху, которая, кстати, была гораздо кровавее. Но, заметьте, и не глумятся над ней. Они не хотят поддерживать раздвоение сознания, и в этом есть инстинкт самосохранения нации.

Если раскол всё время берeditь, воспитывать взаимную ненависть, страну ждут новые жестокие потрясения. Поэто-

му не стоит доходить до такой крайности, вселенского иррационального обличительства: надо спокойно преодолевать каждый наш ухаб, а их не только на наш век, но и внукам хватит. К счастью, мы стали с большим уважением относиться и к предыдущей русской истории. Цари уже не изображаются злодеями или карикатурными героями, как в 1920-е гг. в театре Мейерхольда: там самодержцы доили блох и испражнялись на сцене. Мы должны прийти к пониманию: всё это сотворено нами и нашими предками, а значит, — наше.

А Великая Отечественная война? Споры о том, плохим или хорошим было государство, вообще неуместны. Беда случилась не с государством, а с Отечеством. Моя мать — партизанка Великой Отечественной, а её отец — полный Георгиевский кавалер, герой Первой мировой войны. Они служили разным государствам, и у них были к ним разные претензии, а защищали одно и то же Отечество. Когда враг, чужеземец ступил на твою землю, чтобы превратить всех в рабов, любой народ воюет за свою Родину и символы государства наполняются более глубоким смыслом.

— Такое чувство, что люди, которые глумятся над историей войны, — дети и внуки полицаев. Происходит «реванш потомков полицаев», образно говоря...

— Среди полицаев были разные личности: и сознательные предатели, и просто сломленные, струсившие. В любой нации 5—10% людей, которые могут, несмотря на всеобщее коленопреклонение, быть героями. Еще 20% пойдут за ними, еще 30% — хоть и не пойдут, но сочувствуют героям и гордятся тем, что такие среди нас есть. Небольшая часть населения готова лизать сапоги своим поработителям, но при этом ненавидеть их в душе. И уже совсем крошечная часть лижет сапоги с наслаждением.

— Мало нам было санкций и проблем с Украиной, теперь ещё и раскол в православии. Не рискует ли Россия оказаться в тупике, оторваться от всего мира?

— Этот «весь мир» — тоже иллюзия. В девяностые тоже все говорили про «мировое цивилизованное сообщество», и в него мы отчаянно стремились войти в эпоху Горбачева. Где теперь этот фантом? Его придумал Запад, чтобы внушить, будто только он является подлинной цивилизацией, а все остальные — заблудшие народы на обочине истории. Но посмотрите, насколько сейчас мы терпимее к оппоненту, чем они! По сути, тамошняя постмодернистская элита превратилась в секту. Тоталитаризм переместился туда. К тому же 5,5 млрд. человек живут не в западном мире. Многие из них смотрят на Россию с уважением и видят в ней свой будущий якорь, стра-

ну, которая отстаивает многообразие и право всех цивилизаций развиваться по своим законам.

— Можем ли мы жить сами по себе, своим русским миром, как, например, Китай?

— Такое впечатление создается из-за того, что у Китая очень сильная национальная воля и негибаемая решимость защищать свой суверенитет, особенно в принятии внутренних решений. Но Китай зависит от Запада не меньше, если не больше, чем мы. Россия — единственная страна, которая обладает всем необходимым для устойчивого развития: неисчерпаемыми ресурсами ископаемых, военной силой, достаточной, чтобы исключить посягательства, квалифицированной, но не слишком дорогой рабочей силой, интеллектуальными ресурсами и наукой, меньшей уязвимостью от глобальных изменений климата, к тому же нет перенаселенности. Китай же будет вечно озабочен трудоустройством и жизнеобеспечением своего 1,5-миллиардного (а впоследствии — и еще большего) населения.

— Звучат предложения переписать Конституцию и внести в нее статью о государственной идеологии. А что это вообще такое?

— Нынешнюю Конституцию написали под конкретную политическую группу, у которой было одно желание: сделать все противоположно советской эпохе и идеологии коммунизма. Но провозглашенный отказ от любой идеологии — это фальшь, фарс, желание скрыть от людей, в чьих интересах идет политика. Запад приговорил Россию к изгойству не после Крыма, а раньше, когда мы с открытым забралом заявили, что будем защищать традиционные ценности. Это и есть наша идеология.

В девяностые политики кормили нас понятием «общечеловеческие ценности», подразумевая под ним политические категории западного общества. Но при безусловном наличии у каждой цивилизации таких ценностей, как свобода, дом, честь, свобода слова и совести, все они наполнены разным содержанием. У каждого народа свои представления об этике отношения человека с человеком, человека с властью, мужчины и женщины, родителей и детей, детей и старых родителей и остальных членов общества. К счастью, традиционные ценности у мусульман, католиков, иудеев в России не слишком расходятся с ценностями православия, и это всех нас объединяет. Помню, однажды в ходе круглого стола на тему отношения к гей-параду в Москве один муфтий сказал: «Мы не можем этого одобрить и гарантировать, что такой парад не будет заброшен тухлыми помидорами и яйцами нашим народом, которому такое не по душе».

— Чем грозит миру демонизация России?

— Запад переборщил в своём поношении нашей страны. Когда поначалу нас хлопали по плечу и что-то указывали, народ был зависим от мнения Запада о себе. Сейчас по большому счёту оно ему безразлично и мало кто только и мечтает о том, как бы понравиться тамошним менторам. Нас мало волнует, что думают Европа с Америкой. Они, особенно США, потеряли в России моральный авторитет, не считая почитания у крошечной либеральной элиты, устроившей свой быт на основе заработка за границей. Наоборот, при таком откровенном враждебном давлении, глумливом тоне возникает чувство оскорблённой гордости, народ объединяется сам по себе и вокруг государства.

Европа утратила роль центра, где совершаются события всемирного масштаба. Она была таковым в течение многих веков. Более того, чем она больше поворачивается к России спиной, тем меньше её роль в мировых проблемах и, значит, в глазах Соединённых Штатов. Она превращается в удобный тыл для американской экспансии. Запад боится этого и смотрит на Россию с ужасом, смешанным с восхищением: как так, в Европе чуть ли не выхлопные трубы из золота, а у них и газоны неровные, и вообще они варвары... Но все нападки на русских будто разбиваются о скалу.

— Судя по всему, перебарщивать там будут и дальше...

— Когда-нибудь наступит пик, вовсе не обязательно в виде войны, и прессинг выдохнется. Войны Европа боится страшно. Она поработана философией гедонизма, воспевающей удовлетворение своих потребностей. Однако воевать по-настоящему может лишь тот, кто жертвует комфортом. Шведский король Карл XII спал, не снимая сапог, и, наверное, мылся не чаще чем раз в месяц. А эти к такому уже не способны. Как пожертвовать тёплым клозетом? А кариес зубов? О нем забыть? Ну, нет! То-то и оно. Недалеко от них ушла и Америка. Кстати, старшее поколение в той же Германии лучше относится к России. Молодые больше подвержены пропаганде, и особенно лютуют журналисты: видимо, разыграл инстинкт реванша над Россией. Но не настолько, чтобы всерьёз думать о новой войне.

Беседовал Владимир Кожемякин

ЛЁНЬКА

РАССКАЗ

Со словом «эвакуация» Лёнька познакомился после того, как услышал слово «война».

В летний солнечный день он с ребятами во дворе играл в футбол. Откуда ни возьмись, появился гроза всех мальчишек — дворник Василий. Он поймал мяч и остановил игру.

— Хватит гонять пузырь, — с татарским акцентом сказал Василий.

Ребята окружили его и загалдели:

— Почему?!

И тут Василий, отделяя каждое слово, четко произнёс:

— Потому... что... война!

Прошло несколько дней, и всем сообщили о воздушной тревоге. Народ впервые услышал вой сирены. Лёньке казалось, что это воеет где-то раненый волк. Услышав этот вой, все должны были бежать в бомбоубежище. Для этого приспособили недостроенный метрополитен. Станция Бауманская находилась рядом с Лёнькиным домом и принимала женщин и детей, а мужчины должны были дежурить на крышах и ту-

ПРОЗА

шить зажигательные бомбы, которые в обилии сбрасывали фашистские летчики.

Спускаться под землю на станцию было трудно, потому что эскалатора не было, а вместо него строители выложили доски с набитыми поперек планочками — они заменяли ступеньки. Спускалось много женщин с грудными детьми на руках. Дети плакали. Женщины боялись споткнуться на этих досках и упасть. Освещение было тусклое. Лёнька с мамой спускались на цементную платформу. Здесь располагались женщины с маленькими детьми, а кто постарше — внизу на рельсах. Люди помогали друг другу, понимая, что горе на всех одно. Так продолжалось ежедневно ровно в 6 вечера: сирена, тревога, спуск в метро. Люди стали привыкать к этой беде.

Затем эвакуация. Погрузили всех в теплушки — и на восток. Ехали дней двадцать, пропуская военные эшелоны, следовавшие на запад.

И вот она, столица Сибири.

Поселок из шести кирпичных двухэтажных домов начали строить еще до войны. Строили заключенные на окраине города, на пустыре. Но достроить им не дали эвакуированные, прибывшие в товарных вагонах из Москвы. Их надо было где-то размещать. Вот и разместили в недостроенных домах, пахнущих сырой штукатуркой. Анна Васильевна — учительница начальных классов с сыном, десятилетним Лёнькой, получила маленькую комнатку с соседями. В доме не было никаких удобств, еще подвести не успели — всё было на улице. Но с этим быстро смирились.

Волков — комендант поселка, инвалид без одного глаза, принес печку-буржуйку. Ему помогал рабочий, с которым они ее установили, трубу вывели через форточку. Рабочий поджег щепку, бросил в печку.

— О-о! Тяга хорошая!

— Вот тебе, хозяйка, будет, на чем готовить, — сказал комендант. — Зимы у нас холодные, москвичи к таким не привыкли, так что топите, не жалейте. — Он потрогал сырую стену. — А комнату надо обязательно просушить. Дровами помочь не могу — добывайте сами. Ну, с богом! — И они ушли.

Добывать топливо, конечно, пришлось Лёньке. В сентябре, когда они только приехали, это было делать легко. Вокруг недостроенных домов валялось много брошенных досок, крупной щепы и другого деревянного хлама. Правда, не один Лёнька подбирал, соседи тоже активно занимались этим. Но стукнули первые морозы, всё покрылось снегом, который накрыл разбросанное топливо, и найти его было уже непросто.

Анна была ходячей: стирала, готовила обед, а то и в магазин ходила. Но зимой сорок первого язвенная болезнь уложила ее в постель основательно.

Еще перед войной язва желудка мучила Анну. Она старательно лечилась, и доктор Пресман с оптимизмом говорил, что язва зарубцевалась, и есть надежда на выздоровление. «Такая молодая и красивая женщина обязана быть здоровой», — говорил он.

Но война разрушила все надежды: был нарушен режим лечения, питания, и вдобавок — стресс: эвакуация, страх перед неизвестностью одинокой женщины с ребенком, гнетущая атмосфера войны действовали на сознание.

По продовольственным карточкам давали только хлеб. Продуктов почти не было. Настало холодное и голодное время. Нужных лекарств тоже не было.

К Анне по вызову очень редко приходил довоенный знакомый, по иронии судьбы, тоже эвакуированный доктор Пресман. Когда приходил, то, не скрывая удивления, искренне говорил: — Ба-а! Неужели жива еще?

За эти слова Лёнька не любил доктора. Пока Пресман осматривал мать, Лёнька стоял за его спиной и ждал, когда он уйдет. Внутренне опустошенный больной человек с потухшими глазами (куда делся былой оптимизм?), он безразлично выписывал какое-нибудь пустяковое лекарство, которое еще оставалось в аптеке, грел руки у печки и угрюмым голосом говорил:

— У вас тепло, хорошо... Только есть нечего... А у меня Сонечка всё до войны ездила на курорт, чтобы похудеть... Теперь одни кости остались. — Он тихо замолкал и, надевая огромные подшитые валенки и потертые пальто, грустно смотрел на свою довоенную пациентку. Уходя в стужу, он вспоминал светлую, но далекую жизнь...

Анна оставалась лежать, прижав к животу теплую грелку. «С ней вроде полегче, не так сильно болит», — говорила она.

Лёнька, как мог, ухаживал за матерью. Он ее очень любил.

Наутро Лёнька вставал, брал ведро и шел к колонке за водой, что на другом конце поселка. Так было каждый день.

Холодную, еще сырую комнату отапливать было нечем. Лёнька, перекинув через плечо зеленую сумку из-под противогаза, пошел на свое укромное место у дороги. Резкий холодный ветер норовил сбить его с ног, но он, сопротивляясь, не хотел уступать. А какие у него были силы? У десятилетнего мальчишки, исхудавшего от постоянного недоедания и от взрослых забот, которые свалились на него сразу же, как он услышал страшное слово «война».

У дороги он прятался за заснеженными мусорными кучами и ждал, когда поедет машина с углем. Строители еще летом вырыли канаву поперек дороги, проложили там кабель, затем засыпали ее, земля вдавилась под колесами грузовиков и образовалась ложбина. Шофера, перевозившие уголь по дороге от станции до завода, притормаживали у ложбины, но все равно из кузова высыпались камешки угля. Эти камешки были его добычей.

Иногда ему здорово везло — от сотрясения вываливался большой кусок угля: хватало топить печку дня два. Но это было редко, а сегодня совсем плохо. Проехали две машины, а на дорогу ничего не упало. Лёнька, опустив голову, пошел на сортировочную станцию. Он выдвинул одно плечо своего легкого тела вперед — так проще идти против ветра. Там, пролезая под вагонами, подошел к паровозу. Осталось только разжалобить машиниста и выпросить немного угля. Иногда машинист давал, но чаще суровый часовой прогонял его от воинского состава.

«Ну как сказать этому часовому, что уголь нужен, чтобы согреть комнату, где лежит больная мама, согреть грелку, да и перловую кашу сварить не на чем»... Лёнька нырнул под вагон на другую сторону и пошел вдоль эшелона.

У одного вагона его заметил молодой солдат. Он сидел в теплушке на каких-то ящиках. Сдвинутая набекрень шапка чудом держалась на его голове. Вид его был загадочный. Он с цирковой ловкостью бросал в рот семечки и лихо выплевывал шелуху. Заметив Лёньку, он перестал заниматься фокусом с семечками, присмотрелся к нему, опустил ноги с ящика, как-то тепло, по-мальчишески спросил:

— Тебя как зовут, оголец?

Лёнька молчал. Боец прыгнул с ящиков, подошел поближе к двери вагона, облокотился на перекладину.

— Тебя, тебя как зовут?!

— Леонид, — буркнул Лёнька.

Боец по-доброму улыбнулся, потом сказал:

— У меня в деревне братишка остался, вылитый ты — небось уже подрос. А ты с кем живешь?

— С мамой. — Лёнька с любопытством разглядывал три лычки на потертом бушлате, обозначающие ранения.

— Хочешь семечек?

Лёнька не знал, что ответить, он не привык, чтобы его угощали.

— А лучше во! — И солдат достал из-под мятой соломы тыкву. — Тут и семечки тебе, и кашу сварить. Баба одна навязала за то, что пролет разрешил проехать в теплушке. А мне ее куда девать? Некуда... Бери! Внакладе не останусь.

Боец положил на протянутые Лёнькины руки желтую увесистую тыкву. Прижав подарок к груди и забыв поблагодарить солдата, Лёнька бросился бежать, но остановился, вернулся, в его глазах блестела радость, крикнул.

— Спасибо!

А бойцу представился младший братишка похожий на Лёньку, которого так хочется повидать, с которым когда-то бегали босиком по росе, ходили на речку ловить рыбу..

Перебежав железнодорожные пути, он перевел дух: «Вот повезло так повезло...»

Тяжело дыша, он пошел мимо серых скучных барачков, примыкающих к сортировке. Бесценный подарок Лёнька руками прижимал к животу. «Если мелко-мелко нарезать и сварить, то будет отличная тыквенная каша, — благодать-то какая! — размышлял Лёнька. — Маме можно есть — диетическая ведь пища. А уж семечек засушу, поджарю. Здорово! Немного можно поменять на дрова или на уголь», — перебегая скользкую дорожку, мечтал Лёнька.

Вдруг кто-то дернул его за плечо, руки сами собой разошлись, ища опоры, и Лёнька упал, больно ударившись головой о что-то твердое. Когда поднялся, то понял, что это местные ребята из барачков решили подшутить над москвичом. Затылок болел, но эту боль Лёнька не замечал. Он судорожно искал глазами тыкву. Его обожгла страшная догадка: «Украли!» Украли надежду! Теперь никакой каши не будет. Глаза его были полны слез, он не знал, что делать. Ребята удрали и унесли с собой солнечный подарок. Их теперь не найти. Кто ему отдаст тыкву? Никто! От отчаяния Лёнька заскулил и завертелся как волчок. Не зная почему, он побежал назад к теплушке.

Солдат стоял, прислонившись к ящикам, и задумчиво смотрел куда-то поверх вагонов. Увидев плачущего Лёньку, он искренне удивился.

— Ты чего, браток?

Лёнька заверещал.

— Отняли! Ребята отняли тыкву!

Больше он не мог вымолвить ни слова. Слезы душили его. Солдат, поняв в чем дело, старался успокоить Лёньку.

— Ну, брат, крепись, нечего сопли распускать!

Лёнька, всхлипывая, вытирал рукавом нос.

— Надо было догнать хотя бы одного мародёра, вцепиться в него зубами и трясти, трясти! В следующий раз будет тебя за версту обходить! Жаль, что я отойти не могу, — он потрогал винтовку, лежащую на ящике. — Таких стрелять надо. За свое-то, браток, надо сильно драться. А плакать нам не положено. По уставу не положено!

Лёнька мало-помалу затих, перестал шмыгать носом. Военный замолчал, посуровел.

Паровоз, раздувая пары, запыхтел. В голове эшелона слышалось лязганье вагонных сцепок. Состав дернулся и медленно покатил. Солдат, резко махнув кулаком, крикнул Лёньке.

— За свое драться надо! Драться, браток!

Мимо Лёньки, постукивая на стыках, катились огромные стальные колеса. Эшелон набирал скорость на запад.

Протяжный ветер осатанело гонял поземку по каменистой земле, по замёрзшим лужам, тряс чахленькое деревце. Лёнька, убитый горем, вобрав голову в плечи, засунул поглубже руки в рукава и поплелся домой по обходной дороге. Напрямую, мимо барачков он не пошел. На плече болталась пустая сумка. Его озабоченный взгляд привычно ощупывал всё вокруг, в надежде увидеть хоть что-нибудь для печки.

Подходя к поселку, Лёнька увидел, как между домами заключенные рыли траншею для прокладки труб водоснабжения. С двух сторон за ними наблюдали вооруженные охранники. Длинную траншею они рыли каждый день. Мерзлая земля с трудом, неохотно поддавалась землекопам. Они долбили ее ломом, кирками, откалывая по кусочку. Чтобы почва оттаивала, заключенные разводили костер, у которого, время от времени грелись сами и охрана.

Лёнька уже подходил к землекопам, как вдруг его острый взгляд случайно остановился на желто-мутном пятне. Лёнька присмотрелся — это был деревянный брусок. Он лежал в замерзшей луже. Один конец его был почти на поверхности, а другой терялся в глубине лужи. Длину определить было нельзя. Торец бруска напоминал кусочек морковки в студне. В голове у Лёньки мелькнуло: «Наверно строители забыли его еще осенью». Он обернулся: никого нет, поблизости только зеки. Он взял острый камень, стал откалывать лед, освобождать брусок. Лед кололся легко. Над бруском он был тоненький. Лёнька уже трогал один конец руками. Вот только другой конец уходил глубоко в темную замерзшую лужу. Его крепко держала ледяная масса вперемешку со строительным мусором и битым кирпичом. Лёнька в ярости камнем рубил лед. Он не заметил, как у него свалилась с головы шапка, как ссадинами покрылись покрасневшие руки. Его бросило в жар. Боли не чувствовал. Отходить от добычи он не собирался: может, кто-то уже следит за ним из барачного окна. Отдавать ее нельзя. «За свое драться надо». Но колотить лед ему становилось все труднее. Силы покидали его. Удары становились слабее и не попадали, куда надо.

— Отойди, дорогой! — услышал он чей-то голос.

Лёнька поднял голову и увидел знакомого зека. Это был Большой — так уважительно звали его свои. Лёнька иногда слышал их разговоры. Он смотрел на Лёньку грустными глазами. В руках он держал лом.

— Давай помогу.

Лёнька встал, поднял шапку. Большой с силой несколько раз ударил ломом по замерзшей луже, затем подsunул конец лома под брусок — и тот выскочил из ледяной мутной массы.

— Бери, — по-доброму улыбаясь, сказал Большой.

Лёнька с благоговением посмотрел на спасителя, схватил тяжелый брусок и помчался к дому.

Печку этим бруском топили два дня.

Лёнька часто ходил к траншее посмотреть, как заключенные долбят землю, и грелся у их костра. Подходили и охранники, тоже грелись вместе с зеками. Все это проходило спокойно и обыденно. От мороза и стужи зябли все. Всем было плохо.

Охранники заметили Лёньку и не прогоняли. Для них мальчишка из ближнего дома, куда рыли траншею, угрозы никакой не представлял. Зеки разговаривали с ним на разные темы. Они живо интересовались: «Откуда приехал? С кем живешь? Кто родители?» Видимо, у самих, где-то на просторах страны, на свободе были семьи, были дети. Глядя на пацана, будоражила память о них. И тоска глодала их души.

Охранники, греясь у костра, добродушно просили Лёньку не спрашивать у зеков в разговоре, за что они сидят. Но Лёнька однажды не выдержал и у круглолицего охранника полюбопытствовал.

— А сидят они за что?

Тот пожал плечами:

— В том-то и дело, что они сами не знают «за что». Но все на фронт просятся, «Прошение» пишут. — Круглолицый протянул руки к острым языкам огня. — На фронт все хотят. — Он потер ладони одну о другую, как будто умывал их, и беззлобно, наклонившись к Лёньке, сказал. — А тут кто работать будет? Вам ведь в доме вода нужна.

Как-то так случилось, в серый хмурый день, у костра остались вдвоем Лёнька и Большой. Он всегда молча и с внимательной добротой смотрел на мальчишку, словно пытаясь разглядеть в нем что-то знакомое, близкое ему. Греясь у костра, Большой спросил:

— Как тебя зовут? — Голос у него был негромкий, но сильный и проникновенный.

— Лёня, — не задумываясь, ответил он.

— А отца как зовут? — осторожно спросил зек и остановил свой взгляд на Лёньке.

— Звали Георгий... Он умер, когда я был совсем маленьким. Я его не помню.

Большой горько вздохнул, у него сильно забилося сердце. Костер неожиданно полыхнул, горящие искры взметнулись в морозный воздух.

— Меня тоже Георгий зовут. — Они встретились глазами и от этого что-то неуловимое, тревожное пробежало между ними. — А мать жива?

— Мама жива. Только она болеет. Врачи говорят, язва желудка у нее. Как приехали сюда из Москвы, она почти не выходит из дома. Трудно ей.

— А ее как зовут? — его голос заметно задрожал.

— Маму зовут Анна. Она учительница.

Георгий глотнул холодный воздух, и он застрял в горле. Заключенный посмотрел на рвущиеся беспорядочные языки багрово-красного огня. Костер отбрасывал свои блики на напряженное лицо Георгия. И мысли его так же беспорядочно метались в голове. Он негромко произнес:

— А моя Анна... умерла... Где похоронили, не сказали... — Георгий замолчал. Ему не хотелось унижать себя жалобами. Но потом твердо добавил: — Я ее найду, потому что знаю точно, она жива.

Огонь касался его протянутых огрубевших рук, но он этого не замечал. И будто сквозь грезы привиделась ему иная мирная жизнь. А в глазах растворилась нежность и любовь к потерянной женщине. Он тихо, глядя на огонь, то ли проговорил, то ли запел, как молитву:

*Я могилу милой искал,
Сердце мне томила тоска.*

Он стал петь чуть громче. Лёнька напрягся: он знал эту любимую мамину песню. Они до войны даже вместе пели. Он знал ее всю.

*Сердцу без любви нелегко.
Где же ты моя Сулико?*

Лёнька заворуженно смотрел на Георгия. И невольно у него вырвалось:

*Увидал я розу в лесу,
Что лила, как слезы, росу.*

Они пели тихо, глядя друг другу в глаза. В густой, чуть с хрипотцой голос Георгия вплетался звонкий, чистый, как горный ручеек, голос Лёньки.

*Ты ль так расцвела далеко,
Милая моя Сулико?*

Они не заметили, как к костру подтянулась охрана, зеки перестали долбить каменную землю. Они отложили свои инструменты в сторону. Ветер пытался задуть костер, но он разгорался еще сильнее.

*Над любимой розой своей
Прятался в ветвях соловей.
Я спросил, вздохнув глубоко:
«Ты ли здесь, моя Сулико?»*

Подошел круглолицый охранник и, придавая голосу строгость, сказал:

— Ну, кацо, погрелся малость и за милую душу — работать!

Георгий безропотно, не пререкаясь, взял лом и, опустив голову, пошел долбить землю. Но как только охранник отошел от костра, он вернулся к Лёньке, заговорил быстро и напряженно:

— Слушай, сынок! Передай своей мамке вот это, — он засунул руку за пазуху, вытащил маленький образок на крепкой кожаной тесёмочке. — Вот, возьми, это иконочка Божьей Матери Казанской, она отведет беду и скорбь. А главное, передай — пусть верит. Пусть верит! И болезнь пройдет. А я молиться буду за нее. — Он приблизился и до бесконечности долгим пронзительным взглядом посмотрел Лёньке в лицо, словно хотел запомнить его навсегда. — Ты, наверно, мой сын, — не веря своим словам, произнес вполголоса Георгий.

Лёнька оцепенел, не знал, что сказать. Этого он не ожидал. Он верил, что его отец умер. И не мог себе представить, чтобы у человека в серой арестантской робе было такое доброе и отзывчивое сердце и чтобы этот человек мог быть его отцом.

Последовала зычная команда охраны заканчивать работу, тушить костер и строиться по пять человек в шеренгу. Заключенные костер быстро потушили и строем под вооруженной охраной пошли на свою зону. Лёнька в этой серой угрюмой массе лихорадочно высматривал глазами Георгия, но так и не нашел его.

Когда заключенные ушли, он подошел к погасшему остывшему костру, стал выковыривать недогоревшие головешки.

Дома Лёнька рассказал маме о заключенном Георгии, с которым они у костра пели любимую мамину песню. Анна напряженно слушала сына и смутно чувствовала, что боль, которая оставила рубец на сердце, вновь дала о себе знать.

Лёнька достал образок и протянул маме.

— Вот, он просил тебе передать... И сказал, что он... мой отец.

Не веря услышанному, Анна взяла в руки иконку.

— Он сказал, чтобы ты «верила» и тогда обязательно поправишься, — с надеждой сказал сын.

Она стала перебирать дрожащими пальцами кожаную тесемочку. Это до боли знакомая тесемочка и иконка напомнили ей о счастливом времени, о зарождающихся первых близких чувствах, когда любовь купалась в сладком изнеможении. Она уронила лицо в ладони и тихо заплакала.

Лёнька, как мог, успокаивал мать. Бледными губами она прошептала:

— Неужели это он!?! Боже мой, он жив! Значит, меня обманывали, — она слабыми руками прижала к себе сына, долго не отпускала, приговаривая. — Родной мой... Родной мой...

Утром Анна с посветлевшим лицом сказала:

— Лёничка, я прошу тебя, отведи меня к заключенным, покажи этого Георгия, о котором ты говорил вчера. — Ее огромные глаза болезненно блестели.

— Но тебе же трудно ходить, — забеспокоился сын.

— Ничего, — упрямо сказала Анна. — Мне сегодня лучше. Я должна убедиться сама. — Почти прозрачная от усталости, она поднялась с постели и стала одеваться. Сын помогал ей. Но она быстро устала, села на табуретку.

— Лёня, ты у меня уже взрослый и должен знать, что в мире много добрых, порядочных людей. Но есть очень злые люди, им нравится, когда кому-то плохо... — Боль обиды мешала говорить, она делала усилия над собой. — Мы с твоим отцом были самые счастливые, успешные люди. Но нашелся человек, который от нашего счастья захлебывался злобой. Он сделал все, чтобы испортить нашу жизнь. — Она говорила нервно, подбирая слова. — Папу арестовали, а мне сообщили, что он где-то на пересылке умер. У меня открылась язва. — Она замолчала, затем пересилив себя, тихонько продолжила: — Вот почему я хочу убедиться, что наш с тобой родной человек жив. И, если это так — мы всё преодолеем и обязательно будем вместе.

Они вышли из подъезда, подошли к углу дома. Заключенные неподалеку, как и вчера, рыли траншею. От этого безысходного тоскливого зрелища у Анны стиснулась душа. Она, напрягаясь, всматривалась в каждого зэка, но того, кого искала, не находила.

Лёнька оставил мать у дома, сам пошел к землекопам. У круглолицего охранника с винтовкой спросил:

— А где дядя Георгий? Я его что-то не вижу.

— Это какой Георгий? — круглолицый удивленно посмотрел на знакомого мальчишку.

— Ну тот, с которым мы вчера пели, — смущенно напомнил Лёнька.

— А-а! Так бы сразу и сказал... Так их вчера вечером в штрафбат взяли — человек пятнадцать. Они же писали «Прощение», чтобы их направили на фронт. И он тоже. Вот вчера «Прощение» неожиданно удовлетворили... Это я тебе по секрету говорю.

— А как же теперь его найти? — растерянно пробормотал Лёнька.

Скептическая улыбка скользнула по его лицу.

— Найдешь, когда война кончится, если он живой останется. — Охранник запахнул потуже тулуп, пошел вдоль траншеи, держа под мышкой винтовку и постукивая ногой об ногу.

Лёнька вернулся к маме. Она стояла у стены и с замиранием сердца ждала, что скажет сын.

— Мама, он ушел на фронт, — с болью глядя на мать, сказал Лёнька.

Анна молча уронила руки. Лицо ее было белее снега.

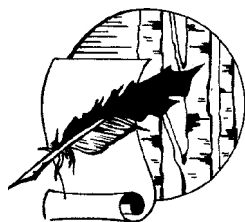
— Надо ждать, когда кончится война. Так охранник сказал.

— Ну что ж, Лёня, будем ждать и верить.

Она не плакала — наверное, за ночь тихо выплакала все слезы. Она знала, что этим миром не кончается жизнь.

Они вернулись домой.

На календаре был декабрь тысяча девятьсот сорок первого года.

СТИХИ ПОЭТОВ ДАГЕСТАНА

Магомед АХМЕДОВ, народный поэт Дагестана
(Перевод с аварского)

НЕБЕСНЫЕ КАПЕЛЬКИ

Уже с гор снег не сойдёт...
Али-Гаджи из Инхо

1

Вновь осень щедро удлиняет ночи,
Под ритмы ветра голоса танцуют.
Зима украдкой в дверь проникнуть хочет,
Когда ноябрь истрачен подчистую.

И я, как горы снежные, белею,
О днях ушедших с грустью вспоминая.
Свет молний блещет над душой моею,
Зигзагом тайны в сердце ударяя.

2

Снова светлый серп луны
Шлёт мне свой привет,
Льёт средь чудной тишины
Серебристый свет.

И стоит передо мной
Образ с давних пор:
Из окна порой ночной
Ты глядишь во двор.

Руки косу теребят,
Красотой маня,
И безгрешную тебя
Обнимаю я.

3

Даже имя твоё растопить может лёд,
Сердцу жарко в любовном огне.
Жалко — время уходит и скоро уйдёт,
Но любовь остаётся во мне.

Устремляются дни мои за перевал,
Тают клином в дали голубой.
Ранний снег седины моё время украл,
Но украсть не сумеет любовь.

4

Остаётся лишь родина в сердце усталом,
И ценней она день ото дня.
Дагестан! Моя жизнь твоим именем стала,
Смыслом жизни ты был для меня!

5

Был я мыслями ранен, словами убит,
Жизнь как будто бы остановилась.
Но увидел твой образ, что сердце хранит,
Солнцем улица вновь озарилась.

О, видения юности, словно в кино,
Через них в мир иной попадаешь...
В новый век двадцать первый открыто окно,
И ты снова меня поджидаешь.

Аминат АБДУЛМАНАПОВА, народный поэт Дагестана
(Перевод с даргинского)

ЗВЕЗДА МАГОМЕДА НУРБАГАНДОВА

1

Стремился к звёздам с детства Магомед.
Он выбрал ту, что ярче всех светила.
В ней был какой-то лучезарный свет,
Не зря она к себе его манила.

Он с детских лет о подвигах мечтал,
Ведь к звёздам только подвиги доводят.
Он жил, как будто над землёй летал,
Душой кружился в звёздном хороводе.

А повзрослев, он на плечах носил
Птенцов-детей, чтоб к небу ближе были.
Он Родину, как мать свою, любил,
Мечтал, чтоб дети так же полюбили.

Его переполняла доброта,
Рождались мысли звёздными цветами.
И взору открывалась высота,
А не ухабы жизни под ногами.

Судьба жестоко прервала полёт,
Его души прекрасной не жалея,
Она курок губительный взведёт
В руке бесчеловечного злодея.

Но Магомед не дрогнул пред врагом,
Он смерть свою презрением отринул,
И лишь на миг был опалён огнём,
Чтоб стать звездою Мужества отныне!

Его звезда всё ярче с каждым днём
Горит для нас своим огнём приветным,
Ведь мы, ему благодаря, живём,
Таким, как он, защитникам планеты.

2

Его не сломили угрозами смерти,
Без страха смотрел он в зловещий оскал,
И, делая шаг свой последний в бессмертье,
«Работайте, братья!» — нам всем завещал.

Нанёс он бандитам смертельную рану —
Убийце глумливому плюнув в лицо.
Он верил всем сердцем, что братья достанут
Возмездием скорым отряд подлецов.

Бывают слова, что разительней пули,
Пред ними пасует смертельный металл.
Взошла над Героем звезда в карауле,
А он навсегда нашей совестью стал!

Баху-Меседу РАСУЛОВА, народный поэт Дагестана
(Перевод с аварского)

В МЕККЕ

По Мекке колышется море людское.
Впервые воочию вижу такое.

Ни страны. Ни расы. Здесь люди едины.
Увидишь подобное только в Медине.

Пылает нещадное солнце пустыни,
А кровь от священного трепета стынет.

Слезамы омытые, светлые лица
Направлены к сердцу духовной столицы.

Вот если б народы любой сущей веры
Нашли в своём сердце к доверию двери

И, вспомнив родителей рода людского,
Друг друга считать стали братьями снова!

КЛЮЧ ОТ СЧАСТЬЯ

Всю жизнь о счастье я мечтала,
Не понимая, в чём оно.
Быть может, это деньги, слава,
Иль то, как жизнь прожить дано?

Собою вечно недовольна,
Везла сомнения с собой
И этим, вольно иль невольно,
Путь к счастью омрачала свой.

Полвека мучилась напрасно,
Особый смысл не находя
В благих порывах, мыслях ясных,
Являвшихся в течение дня.

Ключ к счастью был всё время рядом,
Но только после грозных туч
В себе самой духовным взглядом
Я обнаружила тот ключ.

ВЗРЫВ

Давно о любви не писала стихов.
Казалось, огонь тот утих.
Но вот взорвались наши взгляды без слов
Зарядом одним на двоих...

И сразу рука потянулась к перу.
Пробились проталины букв.
Я счастлива так, что, наверно, умру
От радости или от мук.

Откуда такая гремучая смесь,
Такая взрывная волна?
Наверно, любовь — это всё же болезнь
И я безнадежно больна.

Хадижат АДУХИЛОВА
(Перевод с аварского)

ТВОЙ ОБЛИК

Я спала, как дитя в колыбели,
Улыбалась тихонько во сне,
Будто птицы о счастье мне пели,
Будто ты прикасался ко мне.

Мне казалось — дыханьем горячим
Ты ласкаешь мне шею и грудь.
Это солнечный луч — не иначе —
Смог так сладко меня обмануть?

Но приснился ты мне не напрасно,
Я проснулась, любовью полна,
Было радостно мне и прекрасно,
День мой стал продолжением сна.

НОСТАЛЬГИЯ

И машинка не годна к работе.
Сахар пресен. И не вкусен чай...
Я не знаю, что меня заботит,
Что за горечь льётся через край.

Может, в том тоски моей причина,
Двинувшая страхов ледоход,
Что я сердце от любви лечила,
А оно болит который год?..

Билал АДИЛОВ

(Перевод с лезгинского)

ЧУВСТВА К ТЕБЕ СДЕЛАЛИ МЕНЯ ПОЭТОМ

Я не знал, что такое любовный огонь,
Ты окутала в молнии, высекла пламя.
И понёс меня ветер любви, будто конь,
Стали светлые дни мои тёмными днями.

Не писал я рифмованных строчек в тетрадь.
Ты дала мне перо, на стихи вдохновляя.
Кто бы знал, как губителен чувственный град!
Я пишу потому, что от страсти сгораю.

Я не знал, что такое страданье и боль,
А теперь закипает душа без покоя.
Думал, что родником возникает любовь,
А она полилась полноводной рекою.

Я не знаю, живу наяву иль во сне,
Будто чары кудесника властвуют мною.
И за что эти муки сердечные мне?
Умоляю тебя, забери их с собою!

ЭГЕЙСКОМУ МОРЮ

Я ровно год тебя не видел, море.
Душа рвалась в твой ласковый прибой.
Да, я теперь с учёными не спорю,
Что судьбы предков связаны с тобой.

Иначе, почему любим так мною
Твой дальний берег, как родной Шах-даг,
И дорога мелодия прибоя,
Как вид орлов в заснеженных горах?

Тебя солёным многие считают.
А мне ты слаще мёда. Почему?
Покой с тобой я только обретаю
И внемлю настроенью твоему.

Любуюсь серебристыми валами,
Как месяц к сердцу пролагает путь.
Подушкой служит твой прибрежный камень,
Но не могу от красоты уснуть.

Так тяжело с тобою расставаться,
Оставив душу, уезжать домой.
Я в край пелазгов* буду возвращаться,
Чтоб, как с родным, увидеться с тобой!

Шапи МАГОМЕДОВ (Перевод с даргинского)

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

День Победы не тускнеет,
Не теряется в годах,
Он огнями пламенеет
В помнящих войну глазах.

Всех погибших вспоминаем,
Долг исполнивших сполна.
И смеёмся, и рыдаем...
Так задела нас война.

ЛИСТОК

С берёзы листок
ветер под ноги бросил,
А дождь, как слезами,
его намочил.
И мне показалось,
как будто он просит:
— Прохожий, пожалуйста,
не растопчи.

* Пелазги — предки лезгинов.

Я поднял листок,
 между пальцев вращая.
Он будто забылся
 в болезненном сне,
Последние силы свои
 отдавая...
Об осени жизни
 подумалось мне.

Ведь так же, как лист,
 человек беззащитен,
Когда его путь
 оборвётся во мгле.
Друзья отнесут
 в гробовую обитель.
И будто не жил
 человек на земле.

Переводы Валерия Латынина

МОЁ ОТКРЫТИЕ СИРИИ

Че Гевара из Алеппо

За мной приехали. В комнату вошли трое: сияющий шейх Шериф и двое здоровенных арабов в военном, один из которых был переводчиком.

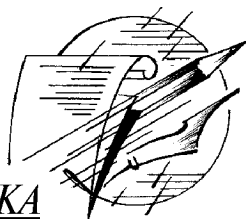
— Знакомьтесь, это Мария — офицер российской армии, информационный фронт, — с порога залепил шейх и расплылся в ослепительно-хитрящей улыбке.

— Очень приятно, моё имя Хаджи Хусейн, — представился громила в военном. — В каком вы звании?

Не понимая, что вообще происходит, я развела руками и хотела было сказать, что это какая-то ошибка, что я штатская, но шейх, не дав произнести и слова, начал что-то эмоционально объяснять своим товарищам на арабском. О, это была какая-то весьма захватывающая история, от которой лица его друзей видоизменялись на глазах, вытягивались в удивлении, а языки всё чаще прищипывали и причмокивали, заменяя междометия «да ладно!», «да не может быть!», «ну-и-ну!», «о-ля-ля!». Довольный шейх, поэтически показы-

Продолжение материала,
вышедшего в №7-8 за 2018 г.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

вая на меня обеими руками, периодически и с разной интонацией восклицал: «Мария! Мария!» и продолжал свой вдохновенный рассказ. Одним словом, меня впутывали в какую-то историю, но понять, что именно происходило, — я не могла. В углу кто-то чихнул. Все обернулись. Боговидец из патриархии был белее стены, от которой его отличала лишь тяжёлая роговая оправа, безвольно повисшая на носу.

«Дорогой шейх, дорогой! — залепетал замеченный всеми старик. — Добро пожаловать! Как прекрасно! Как чудесно... — хоть я и не понимала по-арабски, но было очевидно, что старик заваливал высокого гостя любезностями. — Я так рад, что шейх оказался вашим другом, Мария! Это прекрасный человек! Это редкий человек! С ним и с его друзьями я вас могу отправить хоть на край света!» — загадочно переменявшись к мусульманам, старик откланялся и, аккуратно проскользнув вдоль стены, стремительно ретировался.

...Беспрепятственно минуя многочисленные КПП, блокпосты и полицию, наш бронированный джип или попросту джихад-мобиль, та самая боевая единица, на которой, как на танке, ходят в бой на арабском фронте, нёсся по залитому солнцем приветливому Дамаску. Благодушно раздавая налево и направо «ассальям», мы расталкивали полуденную суетолюку на дорогах, и казалось, что зелёный свет нам светит лишь благодаря обаятельной улыбке нашего молодого водителя. На дорогу выскочил ребёнок, машина резко остановилась, с металлическим грохотом из-под сидения вывалилось что-то тяжёлое и ударило об ноги, гляжу — автомат.

— О, «калашников»! — выпалила я.

— Нет, — говорят, — «галиль»... — И смеются.

Господи помилуй, понимать бы ещё хоть что-нибудь в этом их армейском юморе! Выяснилось, израильская снайперская винтовка. Ну что же, действительно смешно: Галиль в руках генерала Хизбаллах. Впрочем, тот, кто представился генералом военной партии Ливана Хаджи Хусейном, никаким Хаджи Хусейном, конечно же, не был. Меня предупредили, что господин засекречен, что он в Дамаске проездом, но в знак уважения перед Россией и перед моей миссией (что уж там ему понаговорил шейх, для меня так и осталось тайной, но слово «миссия» в данном контексте мне определённо нравилось), так вот, в знак уважения перед моей миссией господин был готов ответить на несколько интересующих меня вопросов. «Боже, как же с ним общаться?» — промелькнуло в голове, почему-то я побаивалась громилу Хусейна и робела.

Внешность этого, как выяснится позже, действительно незаурядного человека была, однако, для Востока довольно-таки типична: лет пятидесяти, седобородый, крепкого сложения, шея, как у вола, но вот глаза... они выказывали лидера со стальной волей и пугали. От одного только его взгляда сознание оцепеневало, и возникало единственное желание — тотального подчинения. Впрочем, когда господин Хусейн надевал тёмные очки, разговаривать с ним становилось несколько проще. Конечно же, об этой сокрытой в недрах сего человека силе генерал прекрасно знал и, нужно сказать, с удовольствием ею пользовался, воздействуя на людей не силой слова, не физической силой, но именно силой своей личности.

Мы остановились на светофоре. У расцветченных магазинов кружила стайка мальчишек-попрошаек. Я занесла камеру, чтобы сфотографировать оборванцев, но — мгновение, и все они бросились врассыпную, точно в руках у меня была граната, а не фотоаппарат.

— Простите меня, сестра Мария. Это были мои дети. Мне очень стыдно! Я буду отвечать перед Аллахом за то, что они нищие, голодные и так напуганы, — сухо произнёс генерал Хусейн.

Пытаясь понять, каким образом дети генерала оказались без крова на улице, я повернулась, чтобы спросить его... Быстрым движением стальной Хусейн надвинул черные очки на глаза. Он плакал. Конечно же, это были никакие не дети генерала, но та самая сила личности, которую я интуитивно почувствовала в этом человеке, сила, которая позволяла ему нести страдания ближних, как свои личные, а боль униженной и оскорблённой родины, как боль сына о матери. Глубина, масштаб и цельность — вот что было запечатлено в поистине страшных глазах генерала, которые он постоянно прятал от людей за черными стёклами. Почему, спросите, «страшных», если убеждения человека высоки? Ценой страшны, которую он ежедневно платит за свою правду, ведь любовь кончается там, где начинается зло, а война — это неизбежность зла.

Взяться за меч карающий, но при этом не утратить способности любить, сопереживать — это и есть путь воина, коварный и опасный, путь по лезвию ножа. Оставалось только удивляться, каким чудесным образом и в каком неожиданном месте мне вдруг встретился этот человек, мусульманин, который, подобно персонажам «Братьев Карамазовых», проливает слезу о невинно страдающем ребёнке и утверждает,

сам того, конечно же, не ведая, знаменитое достоевское: «Все за всех виноваты». Ну какое, скажите, интервью, какие вопросы, когда сама жизнь предоставляет такие великолепные форматы: от живой души к живой душе, приглашая к размышлению и сопереживанию?..

А фотографировать людей в Сирии в привычной для них среде оказалось делом и правда совсем непростым. Недавно, как рассказал шейх, тут выгнали с рынка Сук Рукн ад-Дине «туристов», среди которых был будто бы израильский фотограф, который в каком-то американском журнале хотел высмеять арабов. Действительно, за годы войны здесь все стали друг друга в чем-то подозревать — слишком много предательств. Сколько раз за время моего странствия мне и самой приходилось ловить на себе эти недоверяющие и подозревающие взгляды, и как от них порой было обидно и больно.

Сирийцы, особенно в городах, имеют непонятные с первого взгляда черты характера. С одной стороны, это некая магия величия, надменность, а с другой — чувство гнущей неполноценности. И то и другое — наследие колониального прошлого и, конечно же, жестокий отпечаток семи лет войны. Они точно стыдятся этой униженности и нищеты, в которых не виноваты, но одновременно из-за отчаянности положения и осознания того, что терять уже нечего, в тех, кто нравственно устоял, кто не предал, не ожесточился, — растёт чувство сознания собственной силы, свободной и неотмирной, поддерживаемой жизнью и личным примером таких, как генерал Хусейн.

Шейх сообщил, что генерал был близким соратником некоего Имада Мугние, убитого Моссадом в Дамаске в 2008 году. К огромному сожалению, лишь позже я прочитала в интернете, кто такой был этот Имад. До сих пор сожалею, какую возможность расспросить о легенде иранского сопротивления я упустила...

Одним словом, в тот день благословением Всевышнего меня занесло в какую-то жутко радикальную степь, впрочем, я и теперь до конца не вмещаю, с каким, быть может, Че Геварой мне выпало общаться, ведь если его соратником был «лютый Имад» — первый враг США и Израиля, то можно предположить... Но лучше не будем.

Долгие годы за Мугние охотились фактически все спецслужбы мира, считавшие его чуть ли не самым опасным террористом за всю историю, организатором крупнейших терактов против американцев и сионистов: ЦРУ, израильский Моссад, итальянская разведслужба СИСМИ, французская

ДСТ, западногерманская БНД, британская МИ-5, турецкая МИТ, мухабараты почти всех арабских стран. ЦРУ утверждало, что Имаду был 21 год, когда он устроил подрывы израильских постов в Тире (Южный Ливан) в 1982 и 1983 гг., что он стоит за взрывом американского посольства, который прогремел в Бейруте в 1983 г. Также ЦРУ приписывает Имаду Мугниа похищение и убийство шефа ЦРУ в Бейруте Уильяма Бакли, подрыв казарм американских морских пехотинцев и французских парашютистов в 1983-м, угон самолёта, пленение и казнь американского полковника Уильяма Хиггинса в Ливане. Весной 1985 года разлетелся на куски автомобиль у особняка шейха Мухаммада Фадаллы — высшего руководителя Хизбаллах. За сильнейшим взрывом стояли офицеры Моссада и ЦРУ. В доме погибли 75 человек, включая родного младшего брата Мугнии — Джихада. Но Имад остался жив и скрылся у своих покровителей в Иране.

Несмотря на всё это, и на то, что американцы давали за его голову 5 миллионов долларов, Имаду очень долго удавалось оставаться целым и невредимым. Миссия по устранению Имада в 2008 году была возложена на три группы: одна наблюдала, одна убивала и одна эвакуировала убийц. В помощь этим группам был направлен особый шпионский дрон «Аарон», не распознаваемый сирийским радаром. Группа наёмных убийц следила за ним на протяжении нескольких месяцев, выбрав для мишени то здание, где часто собирались офицеры КСИР. 12 февраля Имад вышел из здания и прошёл примерно 11 метров навстречу своей смерти, когда его серебристый Mitsubishi Pajero взлетел на воздух... Впрочем, знай я обо всём этом заранее, вообще и слова бы вымолвить не смогла. Между тем, как представшая передо мной самобытная сила генерала Хусейна свидетельствовала о том, что Ближний Восток жив и исчезать с лица земли, как бы этого кому ни хотелось, не собирается. Много позже, после того, как улеглись впечатления и появилось первое осмысление о произошедшей встрече, я ужаснулась самому факту предоставленной мне возможности — взглянуть словно в само лицо великого противостояния Востока и Запада.

Шейх Шериф жил в квартире многоэтажного дома элитного квартала Дамаска. Его интеллигентная, с прекрасным образованием жена и ясноокие, рыжеволосые арабские красавицы-дочери (да-да, чистокровные арабки, они на удивление часто именно такие) встретили меня, как всегда, по-домашнему тепло, учинив целый пир по случаю моего скромного визита.

Эта замечательная семья, а точнее клан Мардини, имевший, по рассказам уважаемого шейха, корни от самого пророка Мухаммеда, происходил из самого древнего на планете города — Алеппо. Владельцы гигантских плантаций оливковых деревьев, возраст которых доходил до трёх сотен лет, не могли не плакать, когда рассказывали, как захватившие их имение террористы вырубали прекрасные антикварные сады ради отопления помещений в холодную зиму.

Шейх Шериф и генерал Хусейн стали друзьями, когда защищали бессмертный Алеппо, этот поистине сирийский Сталинград, от варварского уничтожения. Генерал нёс полномочия спецслужб, а шейх был духовным лидером, можно сказать, целого военного подразделения, состоявшего из мужчин, носящих фамилию их рода. Вопреки всем искусственно насаждённым в Сирии предубеждениям, суннит и шиит прекрасно понимали друг друга и преследовали единую цель — пресечение тирании Запада на Ближнем Востоке. Мне не пришлось даже задавать вопросов — в прекрасной домашней обстановке рассказ фронтовых друзей складывался сам собой. Вот что мне удалось узнать.

Страны Запада совместно с их региональными союзниками хотели превратить Алеппо, бывший экономический центр страны, в мятежническую столицу Сирии. Огромное финансирование, политическое и информационное содействие «оппозиционерам» осуществлялось ради того, чтобы в случае свержения правительства Асада привести заранее сформированное прозападное правительство к власти. Кстати, самозванное «временное правительство» располагалось не где-то, а в турецком Газиантепе, куда перевели наиболее одиозных англосаксов из ооновской команды в Женеве. Ещё в 2013 году было сформировано два подчинённых «временному правительству» «совета» Алеппо — «провинциальный», главой которого был некий М.Фадыля, и «городской» под руководством Брита Хассана, которого, к слову, в 2016 году принимал сам Оланд, а позже председатель Евросовета Туск. Советы отвечали за жизнеобеспечение не подконтрольных режиму Асада территорий. «Городской совет», например, имел влияние в Восточном Алеппо прежде всего за счёт контроля над пекарнями, которые обеспечивали снабжение населения хлебом. Обе структуры, так же, как и головной орган, располагались вне города и поддерживали самую тесную связь с незаконными вооружёнными формированиями, главным образом с Джебхат ан-нусрой* (сирийская ветвь оплота ФБР группировки аль-Каиды*). Изначально вся эта «лавочка»

была создана на средства Катара. Позже основные поступления в бюджет осуществляли Турция, США, Франция, Великобритания и Дания.

По утверждению моих собеседников, общее количество штыков в восточной части города, занятого боевиками, составляло на тот момент примерно 6 тыс. человек, из которых 1,5 тыс. были главными идеологами терроризма, головорезами из Нусры*. 2 тыс. их ближайших партнёров — из турецкой Хаят тахрир аш-Шам*, которые в 2012 году держали в блокаде шиитов Фуа и Кяфрая, а в мае 2016 захватили алавитскую деревню аз-Зара близ Хама и устроили там страшную резню. 1,5 тыс. джихадистов из Нур-ад-Дин аз-Зинки* — те самые, что под камеру резали голову палестинскому мальчику и разнесли начальную школу в Западном Алеппо, их обвиняли в пытках журналистов и гуманитарных работников. Тысяча боевиков Фастакым Кама Умирт* прославились тем, что танковым ударом по ошибке уничтожили штаб-квартиру ООН в Восточном Алеппо.

Большинство действующих группировок в Алеппо, а их было более двадцати, ориентировалось на Анкару, в первую очередь, на турецкие спецслужбы: Джихад Фатх аш-Шам*, Ахрар аш-Шам*, Фейляк аш-Шам*, Аджнад аш-Шам*, Джейш ат-Тахрир*, Исламская партия Туркестана*, Джейш ас-Суна*, отряды ССА*, Лива ат-Таухид*, Джейш аль-Ислам*, Джейш аль-Мухаждирин валь-Ансар*, Джебхат Асалья ват-Танмия*, Джейш аш-Шам*, Лива Султан Мурад*, Лива Султан Мухаммед Фатих*, Катаиб Туркоман Сурия*, Джунд аль-Акса*, Джунд аль-Ислам*, Лива Сукур аль-Джебаль*, Аль-Джапха аш-Шамия*, Лива аль-Хак* и др. При этом нусравцы осуществляли координацию большинства из этих группировок, а также планировали операции в общем штабе Гурфа Амалия Муштарака. Заложниками этих группировок на протяжении долгих 14 месяцев стали 275 тысяч мирных жителей восточных кварталов города, который по праву очень скоро стали называть Сирийским Сталинградом. Дело в том, что даже если некоторые отряды и спонсировались арабскими государствами, то без логистической поддержки Турции они бы оказались отрезаны от основного канала поставки вооружения и не смогли бы держать город так долго. Турция чувствовала свою значимость и на международной арене с удовольствием изображала из себя «империю».

Генерал также рассказал о работе так называемых «гуманитарщиков», которая носит в Сирии, как выяснилось, скрытый от посторонних глаз характер. Британская разведка считается одной из сильнейших в мире, поэтому именно они удер-

живают за собой должность ответственного за гуманитарные вопросы при ООН. Это очень удобно, общественности предьявляются благовидные действия помощи населению, при этом скрытыми оказываются такие аспекты, как определение гуманитарных приоритетов: в чью пользу будет доставляться содействие, сбор информации «на земле», контакты с боевиками и террористами.

Ооновщики настойчиво требовали от русских добиться согласия Дамаска на ввоз в Восточное Алеппо хирургических принадлежностей. Но когда официальные лица Сирии спрашивали, как же будут проводиться операции, если по их же собственным словам, ни одной целой больницы в городе не осталось и если все медицинские учреждения якобы уничтожены силовиками армии Асада и ВКС России, — в ответ получали лишь молчание. Ложь изначально была их основным оружием. На деле все, конечно же, понимали, что медицинское оборудование им было нужно для лечения раненых джихадистов. После освобождения Восточного Алеппо сирийская армия обнаружила огромные склады с медикаментами и медицинским оборудованием, в том числе израильского производства. Запасов хватило бы на месяцы, но до местного населения ничего не доходило.

По словам генерала, террористов и членов их семей из Сирии активно лечили, да и теперь лечат четыре больницы, расположенные в северных районах Израйля: «Зиф» в Цфате, «Рам-бам» в Хайфе, в Тиверии «Пория» и больница в Нагарии. Медицинская помощь боевикам оказывается не только тут, но и в полевом госпитале на Голанах. Шин-Бет, разведка Израйля, добывает сведения от людей, бегущих из зоны боевых действий и нуждающихся в медицинской помощи, путём шантажа. С израильскими больницами в тесной связи находилась так называемая «Станция сирийской гражданской обороны», известная теперь всему миру под названием «Белые каски» — протурецкая НПО с множеством выходов, главный среди которых Израиль. Они были созданы в 2013 году и возглавлялись сотрудником британской МИ-6 Джейсоном Мезурье и сирийским оппозиционером Раед Салехом, которого, кстати, лично принимал в Париже Оланд, а в 2017 году фильм о белокасочниках получил «Оскара». Координаторами выступала некая «Сирийская компания», британская НПО, а финансирование осуществлялось на гранты США, Великобритании и Дании. По имеющимся у генерала данным, агентство США по международному развитию только за 15-й год перевело «белокасочникам» около 16 млн. долларов, что составило на тот момент половину их бюджета.

Это были профессиональные иностранные агенты, которые работали на территории Сирии в антисирийских интересах за огромные деньги. Как и положено, члены организации сначала проходили спецподготовку под руководством британских инструкторов на турецкой территории, потом направлялись в штаб-квартиру «Белых касок», расположенную в «столице» «Нусры» Идлибе, далее осуществляли координацию с боевиками и членами их семей, уже находясь на территориях Сирии, контролируемых правительственными войсками. Хаджи Хусейн уверенно утверждал, что «Белые каски» имели прямое отношение к проведению казней сторонников сирийской власти на контролируемых «Нусрой» территориях.

Кроме «белокасочников», лживые сведения «с полей» Алеппо присылали Западу сотни так называемых «статистических», «правозащитных» контор и «волонтёров», как, например, «Сирийская сеть за права человека» (Доха), «Сирийская обсерватория по правам человека» (Лондон), «Врачи за права человека» (Нью-Йорк, Вашингтон), «Сирийский комитет по правам человека» (Лондон), люди из прозападного «Медиацентра Алеппо», «Сирийско-Американского медицинского общества». В Алеппо действовали и активисты из скандально известной журналистской группы Беллингкет, прославившейся своими целиком оплаченными конспиративными теориями. Всю эту нечисть люди генерала вывозили из освобождённого города и отпускали от греха подальше в Идлиб, к их родной «Нусре»*. Сотни тысяч долларов было потрачено Западом на то, чтобы в буквальном смысле создать альтернативную реальность в Восточном Алеппо, город был подвергнут сильнейшему информационному штурму с целью создания лживой информации и формирования образа «кровавого режима Асада и поддерживающей его Москвы».

«Приведу конкретный пример, — продолжал генерал Хусейн. — В июне 2016 года большой кровью мы отвоевали дорогу жизни, трассу Кастелло, связывающую Турцию с захваченными боевиками территориями. А в сентябре 2016 года во время режима прекращения огня был совершён удар по гуманитарному конвою Сирийского Общества Красного Полумесяца в Умр аль-Кубра, юго-западной провинции Алеппо. Вы, конечно же, помните эту чудовищную провокацию. Об инциденте тогда узнал весь мир! Погибли 40 гражданских лиц, помогавших разгружать фуры и обеспечивавшие безопасность на блокпостах. Буквально на следующий день посыпались громкие обвинения от первых лиц: О'Брай-

ена, Пан Ги Муна, П.Пинейру. США стали обвинять Россию, Иран и сирийские ВВС, ссылаясь на информацию от якобы официальных лиц о том, что пара Российских военных СУ-24 сбросили бомбы на конвой. Чуть позже Керри вообще напрямую обвинил Россию в умышленном уничтожении гумконвоя.

А теперь я расскажу о том, что же было на самом деле. Ну, во-первых, это был единственный за все миссии случай, когда гуманитарщики из агентств ООН не сопровождали груз, их отозвали буквально в день отправки колонны. Кто предупредил Управление ООН о готовящейся провокации? Сразу после прохождения линии фронта колонну грузовиков стали сопровождать джихад-мобили «Нусры» с буксируемыми миномётами крупного калибра. Наши камеры всё зафиксировали. Боевики знали, что русские не станут наносить удары по колонне, которую сопровождали их офицеры. Одним словом, под прикрытием гуманитарщиков боевики подтягивали вооружение и медикаменты к юго-западному направлению, на котором на тот момент готовилось масштабное наступление. Смеркалось, началась разгрузка вооружения. Российские беспилотники, сопровождавшие все ооновские гуманитарные акции, и в этот раз производили съёмку движения поезда, но с наступлением темноты аппарат вернулся на базу и тут всё началось... Обстрелы с воздуха — подбиты десять машин поезда, работа камер, постановочные съёмки. Буквально через пару часов в интернете появился видеоролик, на котором белокасочник с места происшествия обвинял Российские ВКС в атаке на конвой. Русские направили свой беспилотник на место трагедии, но было, естественно, поздно. Однако наши люди, работавшие в тот день в указанном районе, зафиксировали, что во время атаки в воздухе работал американский разведударный БЛА «Риппер», позже вернувшийся на турецкую базу «Инжерлик» сразу после разгрома колонны.

Такими методами американцы, во-первых, отводили внимание общественности от обвинений в их адрес в связи с ударами, нанесёнными ими по мирному населению в Дейр-эз-Зоре, а, во-вторых, под липовым предлогом приостанавливали переговоры с Россией и отменяли режим перемирия, естественно уже невыгодный вооружившимся до зубов и готовым продолжить наступления террористам. И таких примеров тысячи».

Можно было долго слушать рассказы моих собеседников о событиях в Алеппо, но время безжалостно утекало, генералу было нужно уходить, как вдруг он вспомнил о сути моей «миссии»:

— Вас же интересовали христиане? Мы совсем ничего вам не сказали по этому поводу. Простите! — огорчился Хаджи Хусейн. — Ещё пять минут, иди заводи машину, — скамандовал водителю и за три минуты просто огорошил меня. Привожу слова генерала точной цитатой. — Я понимаю вашу обеспокоенность по этому вопросу. Положение христиан на Ближнем Востоке действительно очень сложное, но вы моя сестра, а поэтому я буду говорить правду до конца. Сегодня «христиане» в Сирии и на Ближнем Востоке — это наши враги. Прошу не спешить с выводами и дослушать меня до конца. Я не говорю сейчас о вас лично, вы моя сестра, я не говорю о христианах России, но о тех, которых в наших кругах называют ККК. Слышали? Ку-клукс-клан... Именно так между собой мы называем международную организованную сеть, специализирующаяся на создании христианской армии под предлогом борьбы с «Исламским государством»*. В Ираке, Ливии, Нигерии, Пакистане, Филиппинах, естественно, в Сирии, в других странах. Это отлично налаженная система подготовки разнообразных и весьма специфических кадров резидентуры. Многочисленные некоммерческие организации, заточенные под это дело, получают пожертвования из фондов, находящихся более чем в 20 странах мира, но прежде всего от протестантской общины США. Снайперы, ЧВК (частные военные компании), шпионы, провокаторы, диверсанты, заговорщики — всё что хотите и сколько хотите... Верите, но за всю свою карьеру я не встретил ни одного иностранного христианина на фронте, который не был бы ККК. Повторяю, я не говорю сейчас о русских. Кореным жителям, этническим христианам Ближнего Востока, сейчас приходится очень непросто, поскольку их репутация оказалась серьёзно подорвана ККК, имеющими, впрочем, к христианству такое же отношение, как идеология «Исламского государства» к подлинному учению Корана, так что мы с вами как никто другой можем понять положение друг друга. Не так ли? Что же, добро пожаловать в Сирию, смелая русская христианка! Да благословит Аллах вас на всех ваших путях, ну а мы в свою очередь сделаем всё от нас зависящее, чтобы максимально обезопасить ваше здесь пребывание». — Генерал откланялся и ушёл.

Христиане — не христиане, мусульмане — не мусульмане! Что вообще происходит? «Смотрите, не ужасайтесь, ибо надлежит всему тому быть, но это еще не конец...» (Мф. 24:6).

* Запрещенные в РФ организации.

Направляясь из Дамаска в Сайднаю, я невольно вспоминала отважного русского паломника XVIII века Василия Барского, восемь лет странствовавшего по Ближнему Востоку и Греции в поисках Бога. Увлекательное путешествие Василия закончилось тем, что в 1734 году в Дамаске он был пострижен Антиохийским Патриархом Сильвестром в мантию. Достоинейший из наших соотечественников оставил после себя драгоценное наследие, самое живое повествование о своём *«русском странствии между Нилом и Евфратом»*. Названием моей книги (*«Между Нилом и Евфратом»*) я обязана именно ему — страннику Василию, упрямому богоискателю и родственной душе, также как и я намертво застрявшему в этом роковом, раскалённом религиозными конфликтами между-речье. Такова уж наша русская доля — оказываться там, где нас совсем не ждут. Я не расставалась с книгой Барского в течение всей моей поездки: описанные в ней события помогали наводить мосты не только между городами и странами, но более — между временами и эпохами. Незатейливое, но вместе с тем реалистически-объёмное повествование моего полуюридического коллеги вдохновляло и утешало в редкие минуты «скучания по Родине»: с Василием я никогда не чувствовала себя одинокой.

Удивительно, но наши маршруты и обстоятельства путешествий самым неожиданным образом очень часто совпадали, вплоть до того, что, как и его, моё пребывание в Сирии могло закончиться постригом, причём также от антиохийского Патриарха... не встрянь между нашими Церквями пресловутый экуменический вопрос, уж и не знаю, где и кем бы я сейчас была.

Добираясь из Дамаска в Сайднаю пешком, с Василием случилась пренеприятнейшая история — «падёж близ к смерти». Повстречался ему на пути сидящий у дороги разбойник агарянин, «обаче Турецким языком беседоваше», а «при нём же и пистолет, наполнен прахом»: хотел было ограбить русского, да брать было нечего, тогда принялся за Христа «камями колошматить», а потом и за пистолет схватился, давай «палить огнём». «Я паки воскочих и бежах, — писал Василий, — полумёртв от страху, хваля и благодарящи Бога, избавившего мя от сицеваго злополучного падежа». Одним словом, хоть и близок был час, да мученического венца Василию Господь не благословил, велел книгу во славу Божию писать; но то, что из ходоков российских до Гроба Господня вообще-то мало кто добирался, так это несомненно, о том

особые сказания на Руси имеются. Так вот и думается мне теперь: неужели за три столетия арабский мир стал всё-таки более цивилизованным и веротерпимым, коли в главную православную обитель Востока русскую паломницу везут ну, как минимум, мусульмане, так ещё и, точно царевну персидскую, на бронированном «коне» президентского гаража спецподразделения армии Ливана. Являлся ли мой случай типичным или же это было проявление чудом уцелевшего и столь ненавистного Западу «сирийского социализма», который недруги-то и пожелали уничтожить, — об этом мне и теперь, по прошествии времени, судить трудно, а уж тогда было и вовсе не до этого, ведь пейзаж, который открывался моему взору за пуленепробиваемым стеклом автомобиля — вот что на тот момент было главным.

Вырвавшись из пыльных завалов раненого Дамаска и преодолев чреду полностью уничтоженных войной деревень, мы вплотную приблизились к горной цепи Каламун — древнему обиталищу сирийских христиан и начали медленно подниматься по серпантину. Девственные склоны этой тихой местности неожиданно оказались покрытыми ярко-красными всплесками и прожилками — сотни тысяч маковых соцветий, словно реки крови, стекали с гор и потоками устремлялись в долину. Приникающие к земле от самого ничтожного порыва ветра колеблемые цветы тревожно поблёскивали нежными лепестками в лучах солнца, создавая то самое ощущение живого алого потока, которое и повергало неподготовленного созерцателя сначала в восторг, а потом в леденящий ужас. Такое не забывается... Образ Святой земли, орошаемой мученической кровью, навсегда запечатлелся в памяти.

И Сирия в этом смысле, конечно же, особая земля. Скажем, маковые поля Тосканы — это всего лишь маковые поля, а вот в Сирии — всё иначе, здесь всякое, даже самое примитивное одномерное пространство неизбежно расширяется, до противоречий, до самоотрицания. В среде нагромождённых друг на друга разнородных контекстов, культурных слоёв и традиций, восприятие мира утончается и делается уязвимым до боли. В Сирии, точно в интеллектуальном космосе, происходит какая-то разгерметизация смыслов, и прототексты гармонично существуют в среде текстов — здесь решительно всё, словно «текст в тексте», пронизано явной или скрытой интертекстуальностью, цитатой, реминисценцией. Изобилие смыслов, относящих мирно текущего по здешнему безвременью созерцателя к разным эпохам, культурам и традициям, порождает интереснейшее, многослойное и, я бы даже

сказала, агрессивное творческое пространство. Поэтому-то и мак в Сирии лишь на последнем месте «просто мак», но прежде — реквием, распятие, вечность. На этой земле и дышитесь-то будто бы глубже, и смотрите словно бы дальше, и сам ты — совершенно неожиданно — как будто кому-то нужнее... А ведь первым мучеником земли Сирийской был никто иной, как сам праотец наш Авель. Место убийства Каином своего брата находится неподалёку от Дамаска, да и название столицы Сирии, по одной из версий, с арамейского «демшак», означает «кровь брата». Подумать только, какое страшное проклятие легло через эти печальные пределы на род иудейский, сначала призванный и избранный, а потом проклятый громогласно, ибо сказано Господом, что *«взыщется с них кровь всех пророков»* (Лк. 11:50), которая была пролита *«от крови праведного Авеля до Захарии»* (Мф. 23:35). Вот и не иссыхают на этой блаженной земле заповеданные ей Богом потоки жертвенной крови, текут и текут, и до окончания века, до самого Армагеддона здесь будут цвести эти кровавые маки, а небо сей проклятой от Нила до Ефрата земли будет вечно дышать энергиями религиозных, братоненавистнических войн...

— Тебе нравится? — спросил водитель, указывая острым подбородком на долину.

— Да, очень!

— Мне тоже! М-м-м! Опииум! Может, остановимся?

— Что-о-о? Нет... нет же! — буквально закричала я от неожиданности. Выругавшись, точно горьковский Сатин, «Эх, какую песню испортил... дурак!», мне вдруг захотелось плакать... об Армагеддоне больше не думалось, «приземление» оказалось слишком жёстким. Это сейчас мне смешно, ведь, по сути, «опииум» был тоже одним из смыслов, так сказать, одним из ликов ближневосточного Януса. Это в Тоскане маковые поля — всего лишь маковые поля, а вот в Сирии, кроме всего прочего, это ещё и «опииум», а я вот, глупая, разбилась... В моём сознании подобная «ассоциация» возникнуть ну никак не могла, и надо было признать, что в своём «контексте» я была, конечно же, совсем не сирийка. Иншаллах! Водитель, впрочем, тоже обиделся. Включив на всю мощь арабскую попсу, на самом крутом повороте он так «втопил» педаль газа в пол, что меня жёстко вплющило в мой белоснежный кожаный «трон», но, сдержавшись изо всех сил, я не произнесла ни слова — в конце концов, какой русский не любит быстрой езды...

Поднявшись на самый верх горного хребта, мы въехали в деревню с названием Телль. Это была первая увиденная мною

сирийская деревня, не тронутая войной. Из окна автомобиля я разглядывала монументальные заборы с канделябрами, живые изгороди, сады, прекрасные и аккуратные коттеджи с редкими для Сирии признаками архитектуры — типичная особенность христианских поселений, и даже бассейны... «А неплохо жили христиане в Сирии, напоминает нашу Рублёвку», — помнится, подумалось мне тогда, а позже я узнала, что до войны в этих местах селились исключительно католики и марониты, стремительно и за баснословные деньги выкупавшие у православных близлежащие земли. Вокруг Сайднай постепенно формировалось кольцо выступавших за смену режима оппозиционеров, впоследствии ставших одним из главных идеологических двигателей антиправительственных бунтов. Это были зажиточные христиане, имевшие связи с Западом. Православные, обитавшие по преимуществу в самой Сайднае, безусловно, громко возмущались фактом подобной «оккупации», но устоять перед предлагаемыми суммами никак не могли и поэтому собственноручно распродавали наследуемые из поколения в поколение уголья под постройки богатым «религиозным конкурентам».

Неожиданно водитель остановил машину и вытащил меня на дорогу. Уверенным жестом он указал на гору:

— Смотри скорее! Ты видишь Его? Видишь Иисуса? — Было похоже, что мой «кормчий» сошёл с ума, ну или же и вправду накурился этих злосчастных маков. Достав из бардачка тяжеленный полевой бинокль, он буквально приказал: «Смотри! Там Херувимы и там твой Иисус!» На вершине горы с названием Херувимы, в благословении простирая руки над многострадальной Сирией, возвышалась огромная статуя Спасителя... Перекрестившись широким крестом, я произнесла «аминь» — мы, фактически, были у цели.

Похоже на фантастику, но это так — в Сирии, арабской стране с существенным перевесом мусульманского населения, до войны насчитывалось более ста действующих христианских монастырей и церквей, треть из которых находилась именно в Сайднае (античная Данаба).

Будучи ещё в России и получив заветное приглашение от антиохийского патриарха посетить Сайднайский монастырь, я была счастлива, ибо на Ближнем Востоке испокон веков именно он являлся второй по значимости святыней после Храма Гроба Господня в Иерусалиме. Тогда же я посвятила много часов на изучение истории монастыря, так что теперь ехала к Матери Божией, живой игуменье обители, с хорошо выученным уроком. А вычитать мне удалось примерно следующее.

Начиная с 1 века усилиями первоверховных апостолов Петра и Павла в Сирии начали организовываться первые христианские общины. Новообращённые в православную веру жестоко преследовались римскими властями, а поэтому были вынуждены скрываться и селиться в естественных пещерах уже известного читателю горного хребта Каламун, где и появились первые в истории человечества христианские склепы и церкви. После того, как при Константине Великом христианство было официально разрешено, в середине IV-го века в этой же местности начали образовываться первые в мире православные монастыри. С тех пор ни политические катаклизмы, ни приход завоевателей — персов-зороастрийцев и арабов-мусульман — ничто не могло поколебать религиозного выбора местных жителей, которые уже около двух тысячелетий остаются православными.

Монастырь Рождества Пресвятой Богородицы в Сайднайе знаменит на весь православный мир в первую очередь благодаря чудотворной иконе Сайднайской Божьей Матери, написанной апостолом и евангелистом Лукой. Икона находится в небольшой, богато украшенной часовне и помещается на восточной стене в золотом киоте на мраморной доске с небольшим углублением в виде блюда для временами истекающего от иконы святого мира. День чествования Сайднайской иконы не установлен или неизвестен. Но прежде расскажу об истории самого монастыря.

Сайдная — слово сирийского происхождения, означающее «Госпожа наша», то есть Богородица. Факты об основании этой обители известны из исторических документов. Император Юстиниан в 546 году совершил путешествие в Святую Землю для поклонения христианским святыням Палестины. Везде, где останавливался император, по его указанию строились церкви и монастыри. Так остановился он и в селении Сайднайя. Во время охоты император Юстиниан был озарён необыкновенным небесным светом, исходившим с вершины горы. Увлекаемый любопытством, он подошёл ближе к тому месту и увидел величественную Деву с необычайным сиянием в лице. Она сказала ему, что по воле Божественного промысла он должен здесь устроить обитель, которой Она будет Покровительницей. Император приказал незамедлительно строить монастырь на указанном Пресвятою Богородицею месте. Основав Сайднайскую обитель, Юстиниан постоянно имел о ней отеческое попечение. Вскоре монастырь приобрёл такую известность, что в него устремились инокини со всех концов Сирии, Египта и других стран.

В конце VIII века настоятельницей Сайднайского монастыря была преподобная Марина, прославившаяся благочестием и святостью своей жизни. Именно с ней и с именем одного безвестного инока оказалась связана история обретения Сайднайской чудотворной иконы, о которой в древних книгах написано так. Случилось египетскому инок Феодору, отправлявшемуся в Иерусалим на поклонение святыням, остановиться в странноприимнице Сайднайского монастыря. По научению Святого Духа, игуменья Марина попросила его приобрести в Иерусалиме икону Божией Матери. Но в Иерусалиме инок забыл о данном ему поручении и отправился в обратный путь. Недалеко от города он был остановлен незнакомым голосом: «Не забыл ли ты чего-нибудь в Иерусалиме? Выполнил ли ты поручение игуменьи Марины?» Он тотчас вернулся в Иерусалим и приобрёл икону Божией Матери, поразившую его своим светлым лучезарным ликом. На обратном пути инок стал свидетелем чудес, совершавшихся от иконы: в первый раз она спасла его от разбойников, во второй — от дикого зверя. Явленные чудеса возбудили в нем желание завладеть драгоценною иконою. Побыв у святых мест, он пришёл в Акру, чтобы, миновав Сайднаю, морем отплыть в Египет. Но не успел войти на корабль, как поднялась такая сильная буря, что гибель казалась неизбежною. Осознав своё преступление и раскаявшись, поспешил Фёдор вручить игуменье Марине приобретённую икону, а вместе с тем рассказал о всех чудесах, совершавшихся от неё. Прославив Господа и Пречистую Его Матерь, игуменья приняла небесный дар в свою обитель. Вскоре слава о чудотворной иконе пронеслась по всему христианскому Востоку: тысячи богомольцев стали прибегать под покров Пречистой, получая исцеления, утешения, полезные и назидательные уроки благочестивой жизни.

Во время войн арабов с крестоносцами к Богородице с дарами приезжала прекрасная Рабиа — родная сестра Салах ад-Дина, грозы «спасителей Гроба Господня», и с тех самых пор икона Сайднайской Божьей Матери почитаема не только христианами, но и мусульманами.

В библиотеке монастыря хранится специальная книга, в которую монахини вот уже несколько столетий бережно записывают чудеса, сотворённые от чудотворного образа. Одно из них произошло не так давно, около тридцати лет назад.

В одной курдской мусульманской семье Дамаска родился мальчик со звериным лицом, покрытым волосами. Соседка-христианка посоветовала матери малыша отправиться в Сайднаю и попросить Богородицу избавить её дитя от напасти.

Мусульманка не решалась пойти в монастырь, но стала молиться дома, усердно взывая к Пречистой Деве о помощи. И вот к ней в дом пришла женщина в монашеском облачении и сообщила, что её молитва услышана и что мальчик её исцелится. Мать не растерялась и стала спрашивать, чем отблагодарить гостью за хорошую новость. «Отнеси в монастырь большой кувшин оливкового масла», — сказала незнакомка и исчезла. Когда же мусульманка повернулась, чтобы взглянуть на своего ребёнка, то оказалось, что на его лице уже нет прежнего уродства. Женщина догадалась, что её посетила Сама Богородица, и поспешила в монастырь, потратив последние деньги на дорогое масло. Поднимаясь по высокой лестнице, ведущей к обители, она на минуту присела, чтобы отдохнуть, и случайно пролила немного масла на мраморную плиту. Женщина хотела вытереть упавшие капли, но внезапно на ступенях заиграл яркий свет, и на месте масляной лужицы выжегся небольшой силуэт Божией Матери с нимбом. Теперь изображение обнесено оградой и, поднимаясь по лестнице, верующие прикладывают руку к нимбу Богородицы, желая получить Её благословение.

...Наши усилия вызвать монастырский лифт не могли увенчаться успехом: в Сайднайе снова не было электричества. Мы стояли у подножия монастыря, который оказался настолько огромным и непреступным, что захватывало дух. Настоящая крепость! Отвесной скалой возвышалась перед нами та самая знаменитая лестница, на одной из ступеней которой проявился лик Богородицы, и которую я уже тысячу раз видела на картинках...

«ЧЕСТНОЕ ИМЯ» ГЕНЕРАЛА

РАССКАЗ

Пресс-секретаря начальника Управления внутренних дел г. Н-ва майора милиции Андрея Кузнецова срочно вытребовал в свой кабинет заместитель начальника УВД по кадрам подполковник милиции Крикуленко.

— На, чт! — не предлагая присесть, с кислой миной сунул старший офицер в руки подчиненному ксерокопию из местной газеты «Постперестроечное время». Знакомый уже Андрею материал именовался «Подайте на светофор» и хлестко критиковал бездеятельность милиции.

— Почему сразу не доложил? Ужасающая статья! А я только через неделю... И вовсе не от тебя, лентяй, а от пресс-службы мэрии... Вот: «Доложить о соответствии публикации приведенным фактам!» В сопроводилровке! А я ни ухом ни рылом... Нагоняй от шефа! Ситуацией не владеешь!

— Зря вы так, — обидчиво возразил Кузнецов, с отвращением обозрев читанные уже строки. — Владею. Сразу по выходе внимательно ознакомился. Как и обычно, — сплошное пустобрёхство и явно доклада не стоило.

ПРОЗА

— Ты действительно тупой или прикидываешься? — взъярился Крикуленко, подпрыгнув в кресле. — Тут же еще и приписка: «Винных наказать по всей строгости». Вот первым ты и будешь! Иди! И чтоб сегодня же! Мне! По всей форме!

Пресс-секретарь вернулся в свой кабинет. Разбираться с публикацией...

Увы, анализ разгромных материалов, регулярно выдаваемых на-гора штатными журналистами «Постперестроечного времени» (свято исполнявшими редакторскую установку: на каждый положительный материал о деятельности милиции, в противовес, публиковать отрицательный), съедал немалую часть рабочего времени Кузнецова. Обидно... Корреспонденты-то чаще всё призрачные «скелеты в милицейском шкафу» откапывали...

Так, с месяц назад газета во всю мощь ударила в колокола: ах и ох, молодого человека, пришедшего на праздник города, милицейский патруль «беспричинно скрутил» и аж целых три дня «продержал в камере, даже не сподобившись предьявить каких-либо обвинений».

«Попрание всех прав!», «Куда смотрит прокуратура?» — истошно кричали набранные жирным шрифтом заключительные строки материала.

Усилиями пресс-секретаря было точно выяснено, что «потерпевшего» и вовсе никто из сотрудников милиции не задерживал. Оказывается, те трое суток парень пропьянствовал с приятелями, а затем, не решившись признаться в этом обзвонившей к тому времени все больницы и даже побывавшей в морге матери, выдумал историю с незаконным заключением. Возмущенная женщина немедленно помчалась со слезами и жалобой в редакцию...

Подготовленное Кузнецовым пространное опровержение на газетной полосе волшебным образом сжалось до нескольких строк: «УВД города не совсем согласно с ранее опубликованным, поскольку утверждает, что потерпевший виноват сам и в камере не содержался...» Вот и черта лысого пойми, где в материале была правда, а где — осталась ложь...

Хлопот невпроворот доставил пресс-секретарю и материал об одном из многочисленных дорожно-транспортных происшествий.

...В центре города настойчиво «голосовал» мужчина с форменной милицейской фуражкой в руках. Он популярно разъяснил тормознувшему юноше-водителю, что является «большим начальником» и ему срочно нужно попасть в район новостроек. Распорядился гнать «аллюр три креста», однако на полпути, недовольный «медленностью езды», нахра-

пом переместился за руль и на скорости впечатался в городской автобус. «Большого начальника», ароматизирующего сложный букетом спиртного, срочно увезли в реанимацию. В покорёженном автобусе оказалась корреспондентка «Постперестроечного времени». Итогом аварии явилась статья «Милицейский беспредел», где автор возмущенно распиналась о наглости и бессовестности сотрудников милиции, «преступивших все и всяческие границы человеческого общежития»...

С очередным опровержением, где доказывалось, что виновник ДТП никакого отношения к милиции не имеет, пресс-секретарь УВД лично ездил в газету, где встречался и с главным редактором, и с автором обеих нашумевших статей — длинноногой девушкой, явно злоупотреблявшей косметикой.

— Ну, у него же в руках фуражка была... ваша! — пыталась защищаться уличенная в непроверенных фактах корреспондентка. — Он ведь ее откуда-то взял? Она ведь так просто, где ни попадя, не валяется?

— Вы и сейчас неточны, — возразил тогда Кузнецов. — Моя — вот она, — и чуть приподнял над столом форменный головной убор, до этого лежавший на коленях. — А в отношении «откуда-то»... Поясняю: в тот день «большой начальник» — точнее, двадцатипятилетний бездельник, больше года уже не работавший, с приятелем крепко выпивал. Тот недолго патрульно-постовым пробыл и месяца три назад был уволен — за пьянство в рабочее время и систематические невыходы на службу. Когда один собутыльник уснул, второй милицейскую фуражку, видимо, с перепою, за свою кепку принял и забрал с вешалки. Дальше же, как он утверждает, вообще ничего не помнит. Вины это с него, разумеется, не снимает, а лишь усугубляет. Только причем здесь «милицейский беспредел»? Абы что из пальца высосете и, не проверяя, со скоростью света на газетную полосу...

— А как бы я чего проверила, если его из-за руля сразу в больницу? — контратаковала корреспондентка. — Откуда я могла даже подумать? Ведь фуражка-то была! И водителю начальником представился!

— Я вам сейчас представлюсь министром внутренних дел, — усмехнулся борец за справедливость. — И даже генеральскую фуражку изыщу. Как, на слово поверите? Или всё же подумаете?

Оппонентка не нашлась что ответить...

— Ну ладно, всё ясно! — подвел тогда итог дискуссии главный редактор. — Давайте опровержение: на редколлегии разберем... И с автором, — метнул царь и бог газеты колючий

взгляд из-под очков на поплывшую косметикой длинноногую критику, — тоже разберемся. Мое почтение начальнику УВД...

Увы, и это опровержение также было безбожно урезано. Редакция лишь неохотно признала, что виновник столкновения в милиции не служил...

— До чего же тупа — всё на те же грабли! — зло бормотал под нос Кузнецов, перечитывая «Подайте на светофор». — Только вот на черта бы мне это сдалось — опять отписываться за чужую глупость...

Очередная «постперестроечная нетленка» живописала так:

«Позавчера на проспекте... возле дома... автомобилем «Волга» была сбита девушка. «А недавно здесь тоже мужчину сбили! И еще бабульку! Тут вообще чуть не каждую неделю всех сбивают!» — перебивали друг друга мальчишки, которых возле места наезда собралось видимо-невидимо.

Водитель въехавшей на газон «двадцатьчетверки» свое имя мне назвать не пожелал и вообще от общения отказался (ясное дело!). А у сотрудника ГАИ я узнала, что пострадавшей (к моему приходу она уже была отправлена в больницу) двадцать один год, зовут ее Валентиной Смирновой, и у нее закрытая черепно-мозговая травма и несколько переломов.

Мимо мчались машины, а любопытствующие мальчишки, не обращая на транспорт внимания, то и дело перебежали через опасный перекресток. Того и гляди, еще один из наездов, о которых они сами только что твердили взхлеб, произойдет! Ведь «зебра» на перекрестке до того стертая... Светофора же — поразительно! — вообще нет! Но ведь, возможно, стой он на этом злополучном перекрестке, сегодняшней аварии — как и многих других — и не произошло бы! А ведь в середине этого квартала расположена школа, и с началом учебного года сотням учеников (и первоклашкам!) придется буквально уворачиваться от сплошного потока машин! Правил дорожного движения подростки чаще всего просто не знают — в школах с этим предметом всегда были и есть проблемы. Так что когда первого сентября учительница задаст своим питомцам вопрос: «Как провели лето?» — кто-то наверняка ответит: «На больничной койке». И ведь всему виной — лишь один не поставленный светофор! Да вовремя не обновленная «зебра»! Куда же смотрят работники ГАИ? Почему им не жалко нашего светлого будущего? Надеюсь, городские власти заставят истинных виновников многочисленных ДТП, наконец-то, засучить рукава...»

Кузнецов вздохнул, вооружился отточенным карандашом и вдумчиво перечитал материал вторично, испещрив его стро-

ки подчеркиваниями и знаками вопроса. Набрал телефон начальника городской ГАИ. После недолгого разговора сделал еще ряд звонков — беседовал с выезжавшими на место той аварии сотрудниками милиции, с родителями потерпевшей... С высочайшего позволения Крикуленко не поленился проехать к «перекрестку без светофора» и сам. В кабинет возвратился после обеда и, прежде чем взяться за очередное опровержение, повинувшись внезапному порыву, удачно вызвонил журналистку-любительницу косметики. Поздоровался, представился и поинтересовался:

— Скажите, вот лично вы хотя бы раз видели вкапывающего или выкапывающего светофор сотрудника ГАИ? Ну, или, может, об этом слышали?

— Ммм... Что-то не припомню...

— Так почему же вы столь безапелляционно обвиняете сотрудников милиции в чужих грехах? Установка светофоров, а тем паче принятие решения об этом — вовсе не их святая обязанность!

— А чья? — весьма искренне изумилась корреспондентка.

— Давайте разграничим. Решение принимает городская Дума. И лишь если на то действительно имеются основания. А исполняет — специализированное СМУ, подчиненное непосредственно мэрии. Оно же и разметкой улиц занимается. К слову: вы на том перекрестке-то лично были?

— С чего вдруг такие сомнения?

— А там «зеброй» вовсе и не пахнет. На нерегулируемом перекрестке наносятся так называемые «шашечки».

— Чего-чего?

— Дорожная разметка типа «шашечки». Как на дверцах такси рисунок. Плюс — установлены двусторонние знаки «Пешеходный переход». Из группы предупреждающих.

— Благодарю, что просветили. А почему это Дума такой мелочью, как светофор, вообще заниматься должна?

— Да потому, что это вовсе и не мелочь, а весьма дорогостоящее удовольствие. Кстати: на перекрестке их устанавливают сразу четыре, а главное — они же круглогодично работать будут, электричество потреблять. Представляете, сколько за свой долгий век киловатт съедят?! А эту стоимость надо ежегодно в городской бюджет закладывать. Так же, как и работ по обновлению уличной разметки, которая, увы, из-за недостатка финансирования, выполнена не в полном объеме: лишь по центру города. Впрочем... может, ваш редактор у мэра недостающую сумму выбьет? И у председателя Думы: подайте, значит, на светофоры... А если пожадничают — раскритикуйте обоих руководителей в пух и прах: куда, мол, они

смотрят и почему им не жалко нашего светлого будущего? Пора, давно пора администрации города «засучить рукава»!

— Глупая ирония... Это всё?

— Не совсем. Скажите, вот вы виновника ДТП постеснялись фамилию в материале привести, а потерпевшей — нате, пожалуйста. И имя, и возраст, и характер травм... Только задача: предварительно у нее или ее родственников разрешения не взяли. Так что теперь они на вас судебный иск готовят. За разглашение врачебной тайны и несоблюдение журналистской этики. Другой ляп: вы к фамилии потерпевшей имя ее подруги-свидетельницы прилепили.

— А-а... Мне так «гаишник» сказал!

— Ну, мало ли... И все равно одна только ваша фамилия под материалом прочитывается. С ней судья оперировать и будет...

— Вы что, издеваетесь?

— Упаси боже! Да, опять-таки к слову... Такого предмета, как «Правила дорожного движения», школьная программа никогда не включала. Не нравится — жалуйтесь в министерство просвещения, а милиция-то тут при чем? ГАИ — только «за» будет! И еще. За нынешний неполный год на том перекрестке только одно это ДТП официально и зафиксировано. За прошлый же — вообще ни единого. А по вашим напечатанным словам, они там «чуть ли не каждую неделю»... Нескладушка выходит...

— Но мальчишки говорили...

И майор милиции, про себя иронично посмеиваясь, принялся набирать на компьютере текст очередного опровержения.

И только успел поставить в нем последнюю точку, как подал голос аппарат прямой связи с подполковником Крикуленко:

— Ты куда пропал? Журналистское расследование закончил?

— Только что. Уже распечатывать собирался...

— Долго спишь! Бегом ко мне! Шеф срочно опровержение требует...

Прочтя текст подготовленного опровержения, подполковник им в целом удовлетворился. Не преминув, разумеется, и здесь кольнуть майора:

— Всегда бы так. А то вечно копаешься, любую работу на завтра переложить норовишь...

— Это когда такое было? — возмутился Кузнецов.

— Ладно-ладно... — И суетливо ухватился за телефон начальника УВД. — Товарищ полковник? Разрешите доложить:

факты, изложенные в статье про светофор, не подтвердились... Да, сам, сам, лично проверял! Да, опровержение готово! Несу, несу! — Одновременно Крикуленко дважды махнул рукой в сторону двери: свободен, значит!

Вернувшись в свой кабинет, майор милиции несколько минут посидел за столом, смежив веки: черта лысого так сразу настроишься на рабочую волну. Пора было приниматься за материал о раскрытии группы угонщиков, за два неполных года «осиротивших» более полусотни безутешных автовладельцев.

Увы, человек лишь предполагает...

Истерично зазвонил телефон городской связи.

— Слушаю, Кузнецов...

— Это Андрей Михайлович? — властно рявкнуло в трубке.

— Точно так.... А с кем имею честь?

— Референт мэра города... — Голос назвал женскую фамилию. — Это вы курируете колонку «А вчера в городе случилось...», которая в «Постперестроечном времени» печатается?

— Да я вроде бы...

— Меня «вроде» не устраивает! Конкретно аргументируйте: кто перед мэром за клевету отвечать будет?

— Какую еще клевету?..

Постоянная рубрика-колонка с короткими — на один абзац — сообщениями, которые подбирались из суточных муниципальных сводок, начала выходить еще до прихода пресс-секретаря в органы внутренних дел (год назад) и вызывала у него непрекращающуюся головную боль. Дело в том, что приезжающие в УВД с утра за выборкой из сводок журналисты неоднократно перевирали предоставляемую им информацию. В итоге... Однажды вместо похищенных у цыганской семьи трех тысяч долларов, в газетном варианте, неизвестно откуда возникла цифра «сто тринадцать «штук» «зеленых». Незамедлительно примчавшийся в управление брат пострадавшего главы семейства закатил натуральную истерику, выкрикивая, что: «Теперь к нам еще десять грабителей заявятся: мол, где сто тринадцать тысяч долларов взято, там и еще «штук» двадцать вполне можно наскрести!» Вдругорядь редакция умудрилась перепутать пансионат, в котором произошло групповое изнасилование, с одноименным рестораном. Отрицательная реклама! Натуральный был скандал! Едва до суда не дошло... А многочисленные конфликты всегда приходилось гасить именно Кузнецову, поскольку: «Это твой участок работы!» — злобно выговаривал в подобных случаях подполковник Крикуленко. Он же (поддержи-

ваемый, впрочем, начальником УВД) категорически отказывался слушать заместителя начальника по следствию, не единожды утверждавшего, что такое предание гласности материалов сводок является нарушением тайны следствия, и вредоносную колонку давно следует упразднить...

— Злостную клевету, вот какую! — меж тем, неслось из телефонной трубки. — Машина вовсе не принадлежит мэрии!

— Машина? — переспросил совсем уж сбитый с толку пресс-секретарь.

— Да вы хоть свежий номер «Постперестроечного времени» читали?

— Проглядывал...

— Поня-ятно... Так вчитайтесь, да повнимательнее... В ту самую колонку.

— Беру газету...

— Ищите абзац про угнанную в Свердловском районе иномарку...

— Так... И... что? Автомашину сразу нашли. В чем проблема-то?

— Да в том, что у нас мэр — патриот своей страны!

— Охотно верю... Но иномарка-то с какого здесь краю?..

— Да с такого, что она вообще не наша! В мэрии все исключительно на модели «ГАЗ-31» ездят! Ну? Теперь-то ясно? Машина не принадлежит мэрии!

— И только-то? Фу-у... — облегченно вздохнул Кузнецов. — Что ж, бывает... Это надо, конечно, уточнить, откуда ошибка вкралась...

— Вы мне тут под ошибку не маскируйтесь! Мэр так и сказал: кто эту злостную клевету организовал, лично погонями поплатится! Однозначно! Тридцать минут — и чтобы доложили, что в завтрашнем номере опровержение! А сами готовьтесь: «на ковер»! Записывайте мой номер...

Час от часу не легче!

Кузнецов было попытался сразу информировать о ЧП Крикуленко, но тот куда-то выехал, сотовый же начальника упорно долдонил: «Владелец мобильного телефона находится вне зоны действия».

Время поджимало, и пресс-секретарь поспешил за оригиналом сводки. Через дежурную часть УВД быстро выяснил, что в Свердловском ОВД уже возбуждено уголовное дело об угоне автотранспортного средства и к производству его приняла следователь капитан юстиции Кухонная.

Женщина-то оказалась на месте, но вот беседовать с Кузнецовым...

— Я вас не знаю, и вообще — это тайна следствия, — уперлась она, и даже ссылка на «мэровский ковер» ее вовсе не впечатлила.

Впечатлила она зато заместителя начальника ОВД по кадрам, который указал следователю «оказать полнейшее содействие нашей пресс-службе»...

— Машина и правда не принадлежит мэрии, — при втором телефонном разговоре приоткрыла завесу тайны Кухонная. — Это частная собственность помощника мэра по хозяйственному.

— Но позвольте! — изумился Кузнецов. — А как же сводка? Такой косяк!

— Отнюдь. На момент отправки информации факты были изложены верно, — возразила следователь. — В общем, записывайте. «Форд» помощник из Германии пригнал, да что-то за полгода так и не растаможил. А ездить, видно, хотелось... Особенно сынку его двадцати лет, не работает, не учится... Он-то в милицию и прибежал: мол, иномарку от супермаркета угнали, пока он внутри затаривался. И доверенность соответствующую предъявил: машина, значит, собственность мэрии, он же на ней — как понимаю, по устной договоренности — одного из заместителей главы администрации возит, которого и подпись на документе с гербовой печатью. Объявили план «Перехват», сработали удачно, угнанный транспорт через час задержали... Когда же по базе данных госномер автомобиля позднее пробили, выяснилось, что доверенность кругом липовая.

— И... что мне теперь референту мэра докладывать?

— То самое. Ошибка в тексте сводки действительно имела место — в связи со служебным подлогом, совершенным заместителем мэра, который из корыстных побуждений оформил фальшивую доверенность на не принадлежащий мэрии транспорт. Кстати, когда с ними созваниваться будете, поинтересуйтесь, не смогут ли они мне содействие оказать во встрече с этим замом. Его же по факту подлога допросить следует, а он как услышал, по какому поводу я звоню, — сразу трубку бросил и больше не берет. Секретарь же твердит: не в курсе, его нет или занят.

— А как фамилия-то... ну, кто доверенность подписывал?

— Я разве не сказала? Атанцев. Из бывших военных. Генерал в отставке.

— Вот даже как. Да уж, не завидую — будет он от вас бегать, как черт от ладана...

— Сама себе не завидую, — со вздохом закончила разговор Кухонная...

Отставного генерал-майора пресс-секретарь в лицо знал: мэрский зам присутствовал на подведении итогов работы городской милиции за год. Дородный мужчина с зачесанной назад не по возрасту густой шевелюрой с проседью тогда откровенно дремал в президиуме, среди руководства УВД. Но к концу затянувшегося мероприятия оживился, услышав знакомо-родное слово «дисциплина» («похоже, выпался всласть, на подвиги и потянуло», — шепотом пошутил тогда сосед Кузнецова), и важно взгромоздился на трибуну.

— Я вот тут сидел и удивлялся, сколько у вас еще недостатков в работе, а ведь всё так легко устранимо, — с апломбом начал Атанцев. — Слушайте меня внимательно — я вас в пять минут научу! Все недостатки, они ведь из чего коренятся? Да из недисциплинированности и несвоевременных докладов руководству! Откуда всякий начальник должен начинать свой рабочий день и все его подчиненные? Собраться, озвучить план работ на предстоящие сутки и хорошенько его обсудить! Разошлись, выполнили первый пункт — немедленно доложить по команде! Лично, подробно и каждому! А уж начальник выше доложит своему начальнику. И — новый пункт подчиненному поминутно расписать. Перед обедом опять всем собраться: ненадолго, минут на двадцать, это, кстати, весьма и весьма благотворно влияет на дальнейшее укрепление служебной дисциплины. Вечером же сам Бог велел обстоятельно подвести итоги за день и представить подробные письменные планы на последующий. Также необходимы недельные планы, месячные...

— Месячные?... — отчетливо донеслось откуда-то с галерки.

— Как-как? — сбился с умной мысли генерал. — Я не понял, — это уже адресовалось конкретно начальнику УВД.

— Вот я с завтрашнего дня как объявлю усиленный вариант несения службы! — рыкнул разом побагровевший начальник УВД. — Сидеть тихо, слушать громко! Прошу вас, продолжайте...

Но у Атанцева тогда по неизвестной причине весь запал поучений разом иссяк, и милицейские итоги наконец-то с грехом пополам, подытожили...

«Мда-а-а... Вот тебе и ревнитель дисциплины, — саркастически размышлял пресс-секретарь, набирая номер референта мэра. — Итоги дня таковы: наша совесть чиста. Рыба гниет с головы, а чистят ее — с хвоста».

Но в трубку он, разумеется, сказал иное, придав голосу виноватый тон:

— Извините, вы оказались совершенно правы. Мы действительно предоставили газете непроверенную информацию. Нет нам прощения. И я лично готов положить свои погоны мэру города на стол. Только разве я мог предвидеть, что заместитель мэра генерал-майор в отставке Атанцев...

И Кузнецов подробно поведал о подложной доверенности...

— Не извольте сомневаться, — напоследок пообещал он референту. — Сейчас закончу разговор с вами и немедленно наберу прямой телефон главного редактора «Постперестроечного времени». Будет в завтрашнем номере опровержение. И самое подробное. Вы же прекрасно понимаете, что в данном случае клеветническая ошибка настолько серьезна, что мы просто не вправе ограничиться одной фразой: «Угнанная машина не принадлежит мэрии». Читателям будет четко и ясно разъяснено, кто именно совершил служебный подлог и поставил свою подпись на официальном документе с заведомо ложными сведениями, повлекшими за собой подачу растиражированной извращенной информации. Ну, прощайте, кладу трубку...

— Нет! Пожалуйста, Андрей Михайлович, нет! — Бог мой, куда исчез надменный тон и откуда вдруг эти визгливые истерические нотки? — Я вас очень прошу: не надо пока никуда звонить! И вообще... Я немедленно бегу к мэру, а потом сразу вас перенаберу! Будьте так добры, никуда не отлучайтесь! Вы меня хорошо слышите?

— Прекрасно! Но вы же столь однозначно настаивали на оперативности опровержения? В конце концов, мне тоже не чужда патриотичность!

— Андрей Михайлович! Ну, я вас просто умоляю...

— Ладно, подожду...

Минут через десять референт вновь обозначилась на связи.

— Андрей Михайлович, мэр сказал: к милиции и к вам лично — никаких претензий! И ничего не надо — в смысле, опровержения. Все вопросы сняты!

— Ну-у, — протянул Кузнецов, — это у вас сняты. А вот у нашего следователя, в чем производстве уголовное дело об угоне, к Атанцеву серьезный разговор имеется. По поводу изготовления подложного документа. Такое деяние, знаете ли... Вот только генерал от беседы явно прячется. Прямо подетски как-то... Не будете ли столь любезны посодействовать их встрече?

— Ах, вы вон оно куда повернули!

— Но, согласитесь, подлог — это ж посерьезнее газетной клеветы... Вы уж постарайтесь, похлопочите — вам следствие отдельную благодарность...

Тут референт, не прощаясь, оборвала разговор.

Однако еще через полчаса городской телефон в кабинете пресс-секретаря вновь подал голос.

— Это Андрей Михайлович? — ласково донеслось из трубки. — С вами говорит несправедливо оклеветанный генерал Атанцев. — Тон заместителя мэра перманентно изменялся на гневный. — Мое честное имя с грязью смешали! Так вот, я со всей ответственностью заявляю: к этой афере с доверенностью лично я никакого отношения не имею! И подпись там вовсе не моя! А этих двух дураков, отца и сына, я сейчас же к вам пришлю!

— Подождите-подождите! — запротестовал Кузнецов. — Мне-то они к чему? Уголовное дело следователь Кухонная из Свердловского райотдела ведет. Как понимаю, она уже и с водителем, и с владельцем автотранспорта встречалась, беседовала... Ей бы вот еще вас увидеть!

— А это еще зачем?

— Ну... Хотя бы образец вашей подписи получить, а потом графологическую экспертизу назначить, сравнить с той, что на липовой доверенности. Вы, надеюсь, нашим графологам доверяете? Заодно бы уж и про печать гербовую выяснить — кто ставил, да когда, да при каких обстоятельствах...

— Твою мать... — отозвалась трубка, и плодотворный разговор с генералом завершился короткими гудками.

Саркастически хмыкнув — мол, хоть ты и генерал, а так просто от своей подписи не отделаешься, пресс-секретарь продолжил подготовку статьи о задержании группы угонщиков. И благополучно добрался было до середины объемного материала, но тут дверь в кабинет резко распахнулась.

На пороге стоял взбешенный, с перекошенным лицом подполковник Крикуленко.

— Идиот! В ефрейторы тебя бы разжаловать и выгнать без пенсии! — с ходу заорал он. — И это — самое малое! Бегом к шефу!

— А что случилось-то?.. — встревожился Кузнецов, поднимаясь со стула.

— Он еще спрашивает! — возмутился подполковник. И уже на лестнице присовокупил: — Сейчас тебе всё-о по полной программе разобъяснят! Во все дырки!

Начальник Управления внутренних дел города плотно восседал в своем значительном — кожа, хромированные трубки, никелированные колесики — высоченном кресле. Зам начальника по кадрам боязливо жался на краю мягкого стула. Пресс-секретарь напряженно стоял перед руководителями, руки по швам.

— Да как только можно было додуматься заместителя мэра города, и еще именно того, который всю нашу службу от мэрии курирует, в преступлении обвинять? — зло выговаривал полковник милиции. — Совсем разума лишился, что ли?! Ты хотя бы на полпроцента соображаешь, в какое положение лично меня поставил? Почему о звонке из мэрии по команде не доложил?

— Пытался. С непосредственным начальником связи не было. А референт на всё про всё полчаса дала, и опровержение ей вынь да положь...

— Ко мне надо было тогда срочно прибыть!

— Мне подполковник Крикуленко раз сто твердил, чтоб я через его голову к вам — ни под каким предлогом! — горько-иронично пояснил Кузнецов. — Требовал «трижды зарубить себе на носу!» А сунешься, мол, — сразу уволю!

— Надо уметь форс-мажорные обстоятельства от повседневности отличать! — разом вклинился в разговор главный кадровик, почувствовав, что «разбор полетов» начинает принимать нежелательный характер. — Да ты просто обязан был убедить руководство в важности возникшего насущного вопроса!

— Ага. Вас попробуй когда хоть в чем убеди.. А весь форс-мажор и важность — что целый отставной генерал, он же действующий зам мэра, закон преступил, только отвечать за то упорно не желает, — мрачно уточнил пресс-секретарь. — И вообще: не будь этой нарушающей тайну следствия пресловутой колонки в газете...

— Я сказал: будет! И не твоего ума это дело! — Начальник УВД яростно грохнул кулаком по столу, от чего на пол свалилась верхняя папка из груды сложенных на краю столешницы. Подполковник Крикуленко оперативно и с кряхтением нагнулся, бережно поднял папку и почтительно водрузил ее на прежнее место.

— Понятно... — уяснил твердость и непримиримость позиции начальника Кузнецов. — Только с уголовным делом об угоне «Форда» как же? В части поддельной доверенности?

— Ох, какой ты всё же еще... — осуждающе произнес и поморщился начальник УВД. — Доверенность, говоришь? А нет уже таковой, ясно? Нет — стало быть, и не существовала. Значит, угонщик за угон ответит, а владелец иномарки — за то, что на нерастаможенном автотранспорте ездил. Тема закрыта! А вам, товарищ подполковник, — переместил главный милиционер города взор на своего зама, от чего последний заметно сгорбился, однако при этом преданно, не моргая, вперился в шефа, — надо бы подчиненного лучше инструк-

тировать! Вдумчивее! Не ясно, что ли, что не его это ранг — генералам, пусть даже и отставным, указывать... И эта, как ее там... Ну, следователь...

— Кухонная... — услужливо подсказал Крикуленко.

— Во-во! На кухне ей и место, среди горшков! Тоже дура несусветная! И начальник ее — ведь и тот ни хрена не доложил! Ну да, конечно, — им с мэрией детей не крестить, а того не понимают... — И полковник милиции, не окончив фразы, обреченно махнул рукой. — Всё! Хотя стоп... Вам, товарищ подполковник, выговор, а тебе, майор, строгий. За... А-а, формулировку сам подберешь! — кивнул начальник УВД в сторону своего зама. — Готовь проект приказа. Со свердловчанами попозднее разберемся — потом напомним... Свободны!

— Ищи себе место! — наскочил Крикуленко на Кузнецова, едва офицеры вышли из кабинета. — Участковым! И чтоб за неделю! Не найдешь — уволю!!!

...Впрочем, тремя днями позже подполковник милиции свой ультиматум отменил — когда точно узнал, что мэр города с треском снял генерал-майора в отставке Атанцева с должности своего заместителя. Опальному генералу в итоге всё же «бросили кость» — назначив начальником какого-то второстепенного, никак не связанного с милицейским ведомством отдела городской мэрии.

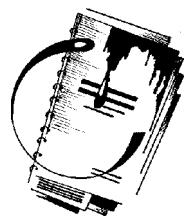
Однако строгого выговора «за халатное исполнение должностных обязанностей и серьезные упущения в вопросах связей с общественностью» пресс-секретарю не удалось избежать.

КТО НАС УЧИТ РОДИНУ ЛЮБИТЬ?

Дело было в Москве 19 ноября 2006 года на церемонии вручения премии ТЭФИ в номинации «Информационно-аналитическая программа». Ее лауреатом стал известный телеведущий телеканала «Россия 1» Сергей Брилев, который обратился к присутствующим с такой речью: «Я хотел поблагодарить руководство канала за то, что они нас прикрывают. Прикрывают за то, что мы иногда все-таки занимаемся тем хулиганством, что показываем несколько правд, которые есть. Хотя нам очень здорово достается от тех наших зрителей, которые считают, что правда какая-то одна. Делать это сложно, хотя в сегодняшней России уже и спокойствие — плюрализм».

Витиеватость телерассуждений Брилева — это его стиль. В отличие, скажем, от Владимира Соловьева, который буквально выворачивается наизнанку, чтобы доказать свою верноподданность. Он умеет играть в старую игру — «Да и нет не говорить, черное и белое не называть» и т.д. Наверное, поэтому никто из участников церемонии ТЭФИ и не подумал, что в своем выступлении Брилев намекал на нечто большее, чем на свою внутреннюю оппозицию официальной точке зрения, свою «правду», или, точнее — «одну из своих правд».

ДОСЬЕ "МГ"

Прошло почти 12 лет, прежде чем стало ясно, что же имел Брилев в виду на самом деле. Ключик к его ларчику подобрал известный оппозиционер Алексей Навальный. Брилев, как очевидно, просто достал его своей сервильностью и лакейским похихикиванием, которыми отмечены все его интервью с высокопоставленными российскими чиновниками. Вот и сообщил Навальный всему свету по секрету, что записной «патриот» Сергей Брилев скрывает правду о себе от своих телезрителей, что у него есть не какой-нибудь вид на жительство, а официальное гражданство Великобритании. И вот ведь какая странность: фамилию Брилева обнаружили в списках тех, кто может проголосовать на британских выборах. А согласно британским законам, в списки избирателей могут попасть только граждане Великобритании, граждане стран Британского содружества, постоянно проживающие в Великобритании и постоянно живущие в королевстве граждане Евросоюза. Возникает вопрос: почему британские власти, столь враждебные по отношению к России и к русским, не вычеркнули нашего известного телепропагандиста — я бы даже сказал контрпропагандиста, так как его журналистский профиль относится к сфере официальной контрпропаганды, из списков своих избирателей?

Также выяснилось, что у супруги ведущего — Ирины Брилевой — есть доля в управляющей компании многоквартирного жилого дома в лондонском районе Ноттинг-Хилл на западе Лондона, где ей — а она, как и сам Брилев, никогда не занималась бизнесом — с 2016 года принадлежит нехилая квартира стоимостью 700 тыс. фунтов (58 541 000 руб.), купленная без кредитов и займов. И никто ни на Британских островах, ни в России не заинтересовался, откуда у элитной семьи Брилевых, прочно закрепившейся в российском истеблишменте, такие средства.

Когда «бомба» Навального взорвалась в российской сети (официальные СМИ сделали вид, что этого взрыва не заметили), Брилев 27 ноября в социальной сети Facebook подтвердил, что у него есть британское гражданство и недвижимость в Лондоне, и подчеркнул, что факты получения гражданства и приобретения недвижимости в Великобритании он не скрывал и российских законов не нарушал. На втором канале, по его словам, знали, что у него есть гражданство Великобритании, и вообще в чем дело?

Скандал между тем набирал обороты, и вот 28 ноября 2018 г. пресс-секретарь Президента России Дмитрий Песков в эфире «Эха Москвы» (нашел же, где выступать!) заявил буквально следующее: «Британское гражданство популярного телеведущего, заместителя гендиректора канала «Россия 1» Сер-

гея Брилева не может являться поводом для обвинений или критики. Президент, действительно, хорошо знает Сергея Брилева уже много лет, как и других именитых журналистов, которые с ним работают... В целом, нам непонятна шумиха, которая по этому вопросу была устроена. Дело в том, что Брилев абсолютно ничего не нарушает, имея гражданство другой страны. И ничего в этом, собственно, нет предосудительного. Он не государственный служащий, и поэтому на него никакие ограничения, как и на других — не служащих, не распространяются. Поэтому никаких оснований для, скажем так, окрасивания всей этой истории в такие тона нет, мы их не видим», — сказал Песков. По его оценке, Брилев неоднократно доказывал, что «является абсолютным патриотом, и наличие другого гражданства здесь не является чем-то ушербным».

Отметим присутствие таких местоимений в выступлении Пескова, как «мы», «нам», и ссылку на президента РФ, который, по его словам, уже много лет «действительно хорошо знает Брилева». Выходит, что Кремль в лице пресс-секретаря президента выступает за право этого британского подданного работать на ответственных должностях в России, за его доступ к секретным сведениям и лицам, ими обладающим, и что самому президенту Путину «непонятна шумиха, которая по этому вопросу была устроена». Не могу не согласиться с мнением Алексея Навального, при всем моем неприятии этого деятеля, который назвал это заявление Пескова «финальной стадией лицемерия». И вот почему.

Согласно Конституции РФ «гражданин Российской Федерации может иметь гражданство иностранного государства (двойное гражданство) в соответствии с федеральным законом или международным договором Российской Федерации», что согласно той же статье «не умаляет его прав и свобод, но и не освобождает от обязанностей, вытекающих из российского гражданства». Внесение этого положения в Основной закон России обусловлено рядом причин, в том числе новыми нормами международного права, ростом контактов россиян с зарубежными странами и заботой о воссоединении семей. Воспользовались этим правом, кстати, немногие. По подсчетам бывшего УФМС, лиц с двойным гражданством в России около 6 млн. человек. Никто против этого не возражает, если деятельность таких граждан не противоречит национальным интересам и безопасности нашей державы. Поэтому формально Брилев в его случае закон не нарушал. Но дьявол, как говорили классики, скрывается в деталях. Брилев не простой телерепортер, как он пытается доказать. Он занимает весьма ответственный пост заместителя генераль-

ного директора государственного телеканала «Россия» по специальным информационным проектам, остается пока руководителем и ведущим программы «Вести в субботу». Он член президиума Совета по внешней и оборонной политике, член Общественного совета при Министерстве обороны России, а с 2006 года — член Академии российского телевидения. Брилев не может не знать, что есть закон и есть подзаконные нормативные акты, имеющие такую же силу. И утверждать, что при всех этих своих должностях он не государственный служащий, — верх цинизма.

Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27.07.2004 № 79-ФЗ (статья 16. Ограничения, связанные с гражданской службой) гласит:

«1. Гражданин не может быть принят на гражданскую службу, а гражданский служащий не может находиться на гражданской службе в случае <...>

7) наличия гражданства другого государства (других государств), если иное не предусмотрено международным договором Российской Федерации».

Согласно российскому законодательству не только членам Совета Федерации и депутатам Государственной Думы «запрещено иметь двойное гражданство или вид на жительство, или иной документ, дающий право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства», но и госслужащим.

«Запреты на профессии» для лиц с двойным гражданством в России, понятно, не рекламируются. Но в Сети можно легко найти перечень тех, кому согласно различным нормативным актам в России его иметь не положено:

«Строго запрещено иметь двойное гражданство:

- учредителям или участникам СМИ;
- сотрудникам редакций СМИ;
- учредителям и владельцам более 20% акций СМИ;
- сотрудникам прочих организаций, осуществляющих вещание;
- членам Общественной палаты РФ;
- членам избирательных комиссий с решающим правом голоса.

Помимо этого, Государственной думой рассматривается «Законопроект о запрете наличия разрешения на проживание за границей или прочего аналогичного документа у граждан РФ, занимающих посты государственной службы, и их детей, и супругов».

Законодательством РФ установлено, что лица с иностранным и двойным гражданством не могут быть членами обще-

ственных советов при МВД и Министерстве обороны. Эти ограничения вытекают из п. 5 Указа президента РФ от 4 августа 2006 года № 842. Данное ограничение дополнительно введено с 4 августа 2013 года Федеральным законом от 23 июля 2013 года № 235-ФЗ. А Брилев как раз входит в Общественный совет при Минобороны, что, в частности, позволяет ему посещать учения и обращаться с запросами в воинские части.

В свете всех этих фактов в Администрации президента, как очевидно, решили, что интервью Пескова «Эху Москвы» — это и есть тот самый случай, когда пресс-секретарь президента РФ, по характеристике самого Путина, «несет пургу». И Песков тут же вынужден был признать, что придется подумать о выводе Брилева из Общественного совета при Минобороны. И это только начало. Не исключено, что от оскандалившегося телеведущего постараются и вовсе потихоньку избавиться.

«Дело Брилева», как очевидно, показало только верхушку того айсберга, который грозит погубить российское государство. Это — разложение значительной части правящей элиты, погрязшей волжи, лицемерии и коррупции, той самой «офшорной аристократии», которая для вида клянется в своем патриотизме и в любви к России, а на деле сориентирована на Запад, приняла вместе с иностранными гражданствами те торгашеские идеалы, которые абсолютно не совместимы с духовными ценностями русского народа и русской цивилизации.

Совершенно неожиданно в ходе скандала с Брилевым, отразившегося аж на звездах Кремля, на него «наехал» — да простят меня за этот сленг «новых русских» — его конкурент с первого канала Владимир Познер, ведущий программы для полуночников, названной его именем. Для этого «наезда» он пригласил на интервью в свой ресторан-бассери «Жеральдин» на Остоженке, который основал вместе со своим братом, Евгению Альбац, главного редактора интернет-журнала The New Times, ведущую программы «Полный Альбац» на радиостанции «Эхо Москвы».

Познер чрезвычайно серьезно к себе относится и выстраивает свой имидж самым тщательным образом. Он выбрал «Жеральдин» как место встречи и Альбац в качестве рупора своего мнения о «деле Брилева» далеко не случайно. Познер подчеркнул тем самым, что у него, помимо американского и российского гражданств, есть еще и основное — французское, чем он, как убежденный «гражданин мира», не перестает бравировать. Что же касается Альбац, то она известный авторитет не столько в журналистике, сколько в либерально-сионистских кругах. Дед Евгении, Эфраим Михайлович Альбац, был членом Бунда и в 1915 году возвратился из

Швейцарии делать «еврейскую революцию» в России. Сама Альбац известна в России и в США, где она получила степень доктора философии по специальности «политические науки», как одна из предводителей российской либеральной оппозиции (в 2010 году она подписала обращение «Путин должен уйти») и как функционер филиала международного сионизма в России. Альбац — член Общественного Совета Российского еврейского конгресса, филиала Всемирного еврейского конгресса, одной из основных структур международного сионизма. Для Познера, автора телесериала «Еврейское счастье», — это все родное. С Альбац они полные единомышленники, истовые либералы. Как и она, Познер не поддерживает противников пропаганды гомосексуализма и выступает сторонником легализации однополых браков. Он атеист и не скрывает этого. Но главное в случае с Брилевым — одинаковые взгляды Альбац и Познера на патриотизм. Речь, замечу, идет не о естественной аллергии на дежурные «патриотические» мероприятия эдросов, которых привозят туда на автобусах в организованном порядке, и не о нахрапистых телеведущих, бьющих себя в грудь в прямом эфире, выдавая такие перформансы за истинную любовь к Отечеству. Речь идет о неприятии патриотизма вообще.

«Вы никогда не замечали, — пишет Познер на своем официальном сайте, — что патриотическое воспитание, как правило, строится на прямом или косвенном утверждении превосходства вашей страны, вашего народа, вашей нации над всеми прочими? Разве потому нас учат любить Россию (США, Францию, Китай, Гватемалу и т.д.), что мы родились там? Разве это патриотизм? По мне, все это никакой не патриотизм, а нечто другое. Об этом поразительно точно написал еще в XVIII веке выдающийся английский очеркист и языковед доктор Сэмюэл Джонсон: «Патриотизм — это последнее прибежище подлеца». Познер не оригинален, цитируя С.Джонсона. Его коллега и единомышленник, экс-министр культуры РФ Михаил Швыдкой уже использовал этот афоризм в серии своих откровенно антипатриотических передач «Культурная революция». И неудивительно, что они утоляют свою жажду самоутверждения из одного источника. Господа-либералы по своей бездуховной сущности — апатриды. Какими бы загранпаспортами они ни обзавелись, служат они только одному отечеству и одному богу — золотому тельцу, богу практической потребности.

Приведу отрывок из интервью Познера госпоже Альбац: «Брилев — это, конечно, любопытный такой факт. Я не злой человек, но я получил удовольствие. Он достоин. Он, действительно, учит нас, как надо любить родину и какая родина — родина, а какая родина — уродина... Я бы на месте Брилева

сдал свое британское гражданство. Или российское. Зависит от позиции. Потому что примирить и то и другое довольно сложно». Кстати, неслучайно в том же интервью Познер недвусмысленно посоветовал Брилеву предпочесть английское подданство и имущество в Великобритании государственной службе на «России-1». Познер тут на сто процентов прав — не придерешься. Неудивительно, что даже в либеральных кругах оценили это интервью Познера как действительно «полный Альбац». Конечно, он мог и промолчать. Но решил раньше других всадить ему словесный нож в спину, видимо, опасаясь, что и другие из-за его «дела» засветятся, включая самого Познера с его тремя гражданствами, которыми он так бравирует.

Впрочем, это не единственная причина, по которой Познер не поддержал Брилева ни в официальных СМИ, ни в прямом эфире. Причины его и Альбац злорадства по поводу фиаско Брилева те же, что у Навального. Видимо, российские либералы решили примерно и публично наказать этого незадачливо-го пропагандиста официального патриотизма и штатного интервьюера высокопоставленных лиц, обнаружив в Англии, чтобы другим «элитариям» неповадно было выступать в поддержку Путина и его политики. Дуэт либералов сработал в унисон, дав предупреждение, что они могут в любой момент доказать: и у других записных патриотов во власти рыльце в заграничном пушку. И, надо признать, материал для этого у них есть.

Легко понять, почему пресс-секретарь Путина, один из самых доверенных и приближенных, бросился всячески защищать Брилева. У Пескова пятеро детей от трех жен. Как и подобает «элитариям» путинской эпохи, дети Дмитрия Пескова проживают преимущественно за границей — в Великобритании и Франции. Первая жена Пескова — Анастасия Буденная, внучка советского полководца Семена Буденного, в 1990 году подарила ему сына Николая. Он вырос с фамилией Чоулз в Лондоне, куда эмигрировала его мать, а в Россию переехал пять лет назад.

В 1994 году Песков женился на 18-летней Екатерине Солоцинской. Этот брак длился до 2012 года. Супруги развелись, по словам Екатерины, из-за измены мужа. Бывшая жена пресс-секретаря президента России вскоре после развода тоже уехала за границу и поселилась на авеню Виктора Гюго, в самом дорогом районе Парижа. В декабре прошлого года Солоцинская выложила в Инстаграм свое фото у мраморного камина, подписав его «К Новому году — новая квартира». В этой квартире площадью 180 квадратных метров и стоимостью 1,7 млн. евро — четыре спальни, гостиная, три

ванные комнаты и прачечная (данные Фонда борьбы с коррупцией А.Навального). Навальный утверждает, что покупку квартиры спонсировал Песков. В России вторая жена Пескова владеет большой квартирой в Москве и домом на Рублевке. В Париже сотрудничает с Фондом «Франко-русский диалог». От второго брака у Дмитрия Пескова есть дочь Елизавета (род. в 1998 г.) и два сына — Мик и Дени. Елизавета Пескова часто выступает во французских и российских СМИ. Английская газета The Times назвала ее «гламурным союзником Путина». Лиза называет себя «человеком мира, космополитом» и говорит: «Мне смешны вечные обвинения в том, что я должна жить в России». И напоминает, что еще Петр Первый отправлял сыновей дворян и бояр учиться за границу. Это верно. И Сталин тоже отправлял советских инженеров и техников учиться на заводах Форда и «Дженерал моторс», что принесло нашему Отечеству немалую пользу. И сегодня никто не посягает на право российских граждан, причем без парткомиссий и филътра КГБ, получать образование там, где они посчитают нужным. Были бы деньги. Одну только деталь упустила далеко не бедная Лиза: ни при Петре Первом, а тем более при Сталине никто из командированных ими на учебу за границу не принял, в отличие от детей многих наших «элитариев», иностранного подданства и двойного гражданства.

В 2010 году Песков познакомился и увлекся фигуристкой Татьяной Навкой. Она долгое время жила в США, где приобрела две квартиры в 2000 году — в Нью-Йорке и во Флориде. В браке с фигуристом Жулиным у нее родилась в США дочь Александра, которая в качестве певицы выступает там под псевдонимом Алексия и, по свидетельству Навки, имеет американское гражданство. Так, в семье пресс-секретаря президента появился еще один член семьи с иностранным гражданством. В 2015 году у Пескова и Навки родилась дочь. Свои отношения они оформили в том же году. Свадьба, как утверждают очевидцы, была королевская.

Все эти новости светской хроники, конечно, не могли не вызвать в России малоприятные для пресс-секретаря дискуссии. Так, один из учредителей благотворительного фонда «Уральский витязь» Михаил Кайгородов предложил Пескову «выполнить прямое поручение президента и вернуть всех членов семьи на родину». И он не один обращался к Пескову с таким призывом. Но у того ничего, кроме раздражения, это не вызвало.

Еще в конце 2016 г. Администрация президента России рекомендовала российским чиновникам, депутатам и сотрудникам госкорпораций вернуть на родину родственников, которые живут за рубежом. Об этом рассказал журнал «Сноб».

Выяснилось, что не только у Пескова дети живут и учатся за границей. И далеко не все они последовали президентской рекомендации.

Дочь экс-спикера ГД, одного из основателей партии «Единая Россия», а ныне члена Совбеза Бориса Грызлова, Евгения, живет в Таллине. И даже недавно получила эстонское гражданство.

Алексей Никонов, сын В.Никонова, внука Молотова, депутата Госдумы и по совместительству телеведущего и президента Фонда «Политика», — гражданин США.

Николай Мизулин, сын сенатора от Омской области Елены Мизулиной, главного борца за «традиционные православные ценности», известной своими ура-патриотическими выступлениями в российском парламенте и СМИ, учился в Бернском университете (Швейцария), а затем и в Оксфордском (Англия). Женится на гражданке Испании Патрисии Гонсалес и живет с ней и двумя детьми в Брюсселе, столице толерантной Бельгии, где разрешены однополые браки. Николай — партнер юридической фирмы «Майер Браун», защищающей права ЛГБТ-сообщества.

Сын бывшего главы Минобрнауки, а ныне помощника президента России Андрея Фурсенко, Александр, получил образование за рубежом: степень бакалавра в Университете Нью-Йорка в 2001 году и второе высшее в юридической школе Стэнфорда в 2005 году. С тех пор работает по адвокатской лицензии в штатах Калифорния, Иллинойс и Нью-Йорк. Выходит, бывший министр образования РФ, упорно разваливавший сложившуюся в СССР систему образования, признанную в мире одной из лучших, на примере своего отпрыска показал всем гражданам России, что теперь лучше всего своих детей обучать не на Родине, а за границей, и предпочтительно в США, если у них на это есть средства, конечно, а у г-на Фурсенко они, очевидно, есть, и немалые. Известно, сколько десятков тысяч долларов стоит обучение в таких университетах, в которых получил дипломы его сын.

В 2012 году в российских СМИ появилось сообщение Фонда Навального о том, что у непримиримого патриота, депутата Госдумы Сергея Железняк («Единая Россия»), какое-то время вице-спикера Госдумы, активного участника всех теледебатов с приглашенными бандеровцами и доморощенной оппозицией в прямом эфире, все три дочери учатся за границей. Так, Екатерина, одна из дочерей депутата, на тот момент училась в американской школе в Швейцарии вместе с внуками лидера ЛДПР Жириновского (ее образование, по подсчетам Навального, обошлось Железняку в 21,8 млн. руб.), а другая — Анастасия — в университете Queen

Магу в Лондоне (за 3 года Железняки заплатили за нее 1,9 млн. рублей). Их сестра, Елизавета, тоже училась в Лондоне.

Старший сын вице-премьера Дмитрия Козака, Алексей, уже как минимум лет шесть живет за границей и занимается строительным бизнесом. Он совладелец нескольких иностранных фирм: «Рэд», «Макбрайт» и «Юна». Одновременно он работает и в государственной Группе ВТБ. Младший брат Алексея Козака, Александр, работает в швейцарском банке Credit Suisse.

Старший сын депутата Госдумы А.Ремезкова от фракции «Единая Россия», Степан, окончил («не упадите», — как говорил Задорнов) военный колледж Вэлли Фордж в штате Пенсильвания. Сын депутата обучался по программе для офицеров армии США. Затем Степа поступил в частный университет Хофстра в Хемпстеде (штат Нью-Йорк). Средний сын депутата, Николай, с 2008 г. учится в Великобритании в частной школе Малверн Колледж. А младшая дочь живет в Вене, где занимается гимнастикой.

Старший сын экс-уполномоченного по правам ребенка Павла Астахова, Антон, учился в Оксфорде и в Нью-Йоркской экономической школе. А младший ребенок и вовсе родился в Каннах.

Глава Солнечногорского района Александр Якунин, ставший депутатом Госдумы от КПРФ, в предвыборных листовках так рассказывал о своей семье: «Дочка учится в школе, жена — успешный экономист, сын — студент института физкультуры. Любим собираться вместе на чаепитие...» В буклетах, однако, не указано, где проживает семья Якуниных и где она собирается «попить чайку». Между тем в соцсетях супруга чиновника Юлия своим местом жительства назвала Ниццу. Сын Михаил пишет, что живет в Онтарио. Дочка живет с мамой и указывает своим основным языком английский.

Дочь депутата Госдумы от КПРФ А. Воронцова, Анна, проживает в Италии. Туда она переехала из Германии, где училась. Затем продолжила обучение в Миланском университете.

У единоросса Елены Раховой, прославившейся тем, что она ленинградцев, проживших менее 120 дней в блокаде, назвала «недоблокадниками», дочь живет в США.

И список этот далеко не полный.

Российская «офшорная аристократия», пустившая корни за границей, до поры до времени удачно избегала попадания в лучи юпитеров докучливых телерепортеров и на страницы газет. А тут совпало: и в России приступили, наконец, к более активной борьбе с коррупцией, и на Западе принялись за российских олигархов и «элитариев» калибром помельче, но успевших обзавестись на государственной службе, как в пес-

не Слепакова, «своими самолетами, яхтами, виллами и островами», а также иностранным гражданством. Как только копнули поглубже, выяснилось, что источники их богатств — это коррупция, грабеж государственных средств, финансовые аферы, мошенничество и банальное воровство. Это ворье переправило из России за границу с 1991 г. по сей день не менее одного триллиона долларов.

В апреле 2016 г. в распоряжении Международного консорциума журналистов-расследователей (ICIJ) и Центра по исследованию коррупции и организованной преступности (OCCRP) оказалось «Панамское досье» — документы из офшорного регистратора Mossack Fonseca. Журналисты из разных стран и изданий изучили более 11,5 млн. документов. Выяснилось, что офшорными компаниями владели семьи 12 российских высокопоставленных чиновников, в том числе семья героя скандала с Брилевым пресс-секретаря президента Дмитрия Пескова, а также короля парковок, вице-мэра Москвы Максима Ликсутова, секретаря генсовета «Единой России» Андрея Турчака (на тот момент губернатора Псковской области) и замминистра внутренних дел Игоря Зубова.

Также в «Панамском досье» фигурировали виолончелист Сергей Ролдугин, которого сам Владимир Путин называл своим другом, и 16 из 77 российских долларовых миллиардеров, депутаты и сенаторы, которым по закону запрещено заниматься предпринимательской деятельностью.

Росфинмониторинг при проверке «Панамского досье» нашел 4197 офшорных компаний, подконтрольных гражданам России. Эти компании совершили финансовые операции на общую сумму свыше 5 млрд. рублей. Многие из них связаны с «губернаторским, депутатским и министерским корпусом», рассказал Виталий Андреев, начальник управления Росфинмониторинга по противодействию отмывания доходов на конференции «Приоритетные направления антикоррупционной политики в России и мире». Для сравнения, граждане США контролируют 3066 компаний из «Панамского досье». Самая популярная юрисдикция для регистрации офшорных компаний среди граждан России, а также США — Британские Виргинские острова: на них приходится более 50% юрлиц. За ними следуют Панама и Багамы.

И еще один факт, вскрывшийся в ходе подготовки выборов депутатов Государственной думы VII созыва, которые состоялись 18 сентября 2016 года. «ЦИК России в ходе проверки сведений кандидатов в депутаты Госдумы, — заявила председатель Центризбиркома Элла Памфилова, — выявил двойное гражданство почти у 80 человек» (РИА Новости).

Как и пресс-секретарь президента Песков, так и другие высокопоставленные российские «элитарии» не спешат выполнять вполне конституционное требование президента РФ вернуть своих ближайших родственников на Родину, а Брилев и ему подобные чиновники от журналистики с двойным, а то и тройным гражданством не намерены пока добровольно расставаться ни со своими иностранными паспортами, ни с должностями, которые они занимают в России.

Не спешат вернуть капиталы в Россию и олигархи, которые только треть своих «заработанных непосильным трудом» средств держат в России, а две трети — за рубежом. И неслучайно русофоб №1, покойный Збигнев Бжезинский, сказал по данному поводу: «Это еще вопрос, чьи это олигархи — ваши или наши».

Следуя его логике, зададим вопрос: а кто эти «элитарии» из числа госчиновников и членов их семей, засветившиеся с двойным гражданством и со своими офшорками в «Панамском досье», а то и осевшие за границей, неужели все еще наши или уже давно защитники интересов Запада, а не России? Вопрос приходится ставить ребром, потому что враги России, объявившие нам новую холодную войну и войну «санкций», делают ставку на потенциальных либо уже состоявшихся предателей, рассчитывают на них в своей подрывной деятельности как на свою «пятую колонну». Перед ними, как и перед теперь уже «их олигархами», поставлена конкретная задача — нейтрализовать истинно патриотические силы в нашей стране.

Особое внимание в американских планах по развалу СССР было уделено действиям их агентуры в странах социализма и «агентов влияния», проникших в высшие эшелоны власти этих стран, «пятой колонне» Запада. Известно, чем все это закончилось: наша держава была взорвана изнутри и перестала существовать. Россия была отброшена к границам времен Петра Первого. 25 миллионов русских людей оказались за границей на положении граждан второго сорта либо, как в Прибалтике, — «не граждан». Уроки истории нельзя забывать, а такие тем более, особенно сейчас, когда обстановка в мире все больше напоминает противостояние с Россией накануне Второй мировой войны.

Необходимо извлечь горькие уроки и из опыта нашего постсоветского периода. Он показывает, что рассчитывать на неких мифических «здравомыслящих» деятелей на Западе, готовых с нами дружить и помогать развиваться — это непростительная глупость. Западным миром правит тот самый 0,001% населения Земли, та самая вовсе не мифическая «ми-

ровая закулиса», которая сосредоточила в своих руках 90% мирового богатства. Это реальные данные, озвученные на одном из давосских форумов. Сей ничтожный процент не успокоится до тех пор, пока не овладеет всем миром. Как сказал Горький: «Воровать будут до тех пор, пока не найдется кто-то один, кто украдет всё». Россия для «мировой закулисы» — самый лакомый кусок. Ей отведена роль сырьевой базы, политического и экономического вассала США и других стран «золотого миллиарда», а русскому народу, как и всем другим народам, кроме «избранного», — роль рядовых всемирной трудовой армии, создание которой уже началось за счет миллионов мигрантов, оторванных от своих корней агрессиями НАТО и «цветными» революциями. Это надо раз и навсегда понять и идти своим путем, как это делает Китай, совершивший невиданный прорыв в своем развитии.

Путин едва ли не в каждом своем выступлении призывает к такому прорыву, предупреждает, что без этого мы безнадежно отстанем. А отстанем — погибнем. Но есть ли у президента РФ реальные единомышленники и соратники в российских властных структурах? Наверное, есть, но правят бал, увы, всё те же господа-либералы, «элитарии» еще ельцинского призыва. При той стратегии интеграции в мировую экономику на вторых-третьих ролях в качестве поставщиков сырья либо вооружений, которую навязали России эти апологеты либеральной экономики, такой прорыв, увы, невозможен.

Господа «элитарии» пытаются убедить нас, что отказ от этой парализующей страну стратегии приведет к разрушению в России политической, экономической и финансовой систем. Но это ложь, которую прозападное лобби, активно действующее в России, пытается возвести в непреложную истину. Только перестав угождать Западу, встав на путь самостоятельного развития, а для этого у нас сейчас есть все возможности, избавившись от прозападной «пятой колонны», Россия сумеет отстоять свои национальные интересы и совершить тот самый прорыв, о котором все говорят с высоких трибун, но пока практически ничего для этого не делают.

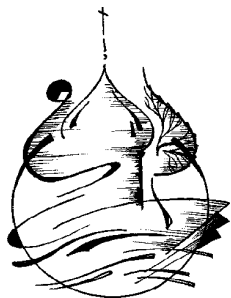
«Дело Брилева» заставило многих здравомыслящих людей обо всем этом всерьез задуматься.

ТОМОС ПРЕДАТЕЛЯ

В субботу 5 января 2019 г. вассал США и Ватикана еретик Варфоломей, именуемый «Константинопольским патриархом», да еще и «Вселенским» (у него в родной Турции 2 тысячи прихожан) подписал Томос об автокефалии новорожденной «церкви» Украины.

Трансляцию из Стамбула вели украинские телеканалы. Перед революционной церемонией состоялся молебен в храме Святого Георгия. Молились глава киевской хунты шоколадный король президент Порошенко с супругой, министр обороны Степан Полторак, бывший президент Украины и вдохновитель первого майдана Ющенко (у него советником был бандерофил Немцов) и, естественно, глава новоиспеченной «Православной церкви Украины» 39-летний миллионер и настоятель Выдубицкого монастыря плюс правая рука знаменитого Филарета Денисенки — Епифаний Думенко (в миру Сергей Петрович).

15 декабря 2018 г. на т.н. «Объединительном соборе» Сергей Петрович Думенко получил титул «Митрополит Ки-

СИМВОЛ ВЕРЫ

евский и вся Украины». Гурманы любят его шикарный ресторан в Выдубицком монастыре. Прогресс и глобализация.

Тщеславный Филарет переиграл Порошенко, который предлагал предателя из канонической УПЦ МП (на «соборе» 15 декабря было только два отступника от законной Церкви) митрополита Винницкого Симеона, но опытный интриган Филарет добился утверждения своего ставленника Епифания Думенко. Ведь перебежчик Симеон был все-таки каноничен, никуда не денешься, Порошенко это соображал. Но в итоге предстоятелем «ПЦУ» стал человек из абсолютно незаконной безблагодатной структуры — «Киевского патриархата» расстриги Филарета.

Две соперничающих между собой структуры — Киевский патриархат и УАПЦ с петлюровской родословной с грехом пополам помирили и «объединили» пан Порошенко и стамбульский патриарх Варфоломей. «Объединенная» ими псевдоцерковь и получила автокефалию. Хотя эмигрантская УАПЦ с канадскими корнями сама изначально именovala себя «автокефальной»: «Украинская автокефальная православная церковь». Теперь эта субстанция стала ДВАЖДЫ автокефальной, хоть и была изначально безблагодатной — при полном отсутствии апостольского преемства. Все их называли «самосвятами», они с национал-революционной решимостью сами себе давали сан епископа, а уж тем более клирика.

В состав украинской делегации в Стамбул вошел и уголовный авторитет из Днепропетровска (ныне — город Днепр) Александр Петровский по кличке «Нарик». Его лицо узнали на церемонии презентации вновь созданной ПЦУ в Днепре. Как сообщает UAPortal, Петровский (1972 г.р.) орудовал в Днепропетровской области, совершая преступления экономической направленности, и вел бандитско-рэкетирскую деятельность. Впрочем, его адвокаты уверяют, что всё это в прошлом, парень давно «завязал» и теперь он меценат и видный бизнесмен. Возможно. Просто изюминка для автокефалии.

В отличие от УАПЦ у Филарета другая история. Когда-то он числился вторым человеком в РПЦ, был Экзархом Украины и в то время — пламенным советским патриотом. Но когда подул ветер перестройки, а его, Филарета, не избрали Патриархом Московским и всея Руси, Филарет перестроился в пользу распада СССР, возлюбил идеологию Степана Бандеры. За бурную раскольническую деятельность Архирейский собор РПЦ 11 июня 1992 г. извергнул митрополита Филарета из сана, лишив его всех степеней священства, а 21

февраля 1997 г. решением другого Архиерейского собора монах Филарет (Денисенко) был отлучен от Церкви и **предан анафеме**.

Решения Архиерейских соборов РПЦ в отношении Филарета были признаны **всеми** Поместными Православными Церквями, включая Константинопольскую Церковь. Тогда патриарх Варфоломей даже направил письмо нашему Патриарху Алексию Второму о полном согласии с анафемой раскольника. Прошло 20 лет, и взгляды патриарха Варфоломея изменились на 180 градусов. Хорошо известна особая заинтересованность Вашингтона и госдепа в натравливании Киева на Москву. Государственный переворот 21 февраля 2014 г., смещение законного президента Януковича и приход к власти откровенных нацистов сразу же ознаменовались запретом русского языка и т.н. «дерусификацией» Украины (дабы не воскрес гетман Богдан Хмельницкий и не воскресло новое воссоединение Украины с Россией).

Сам переворот был инициирован ястребами Запада под эгидой США, включая Ватикан, и был актом «гибридной войны» против России. Поэтому провозглашение нацистской «автокефалии» с целью бесповоротного разрыва Украины с Россией стало стратегической целью США и папы римского. Варфоломей, слуга двух господ, лауреат Золотой медали американского Конгресса, взял под козырек. Расстрига Филарет был «восстановлен» турецким гражданином Варфоломеем в церковном общении, а его раскольническая псевдоцерковь была признана лакомым куском для вождельенной масонам автокефалии. Филарет награжден киевской хунтой Крестом Ивана Мазепы. Он специально ездил в США на «молитвенный завтрак» с президентом Бараком Обамой и всячески натравливал американское руководство на борьбу с Россией, просил оружия для войны с «москалями». А киевскую власть расстрига Филарет призывал усилить борьбу с ДНР и ЛНР и «ликвидировать всех террористов». Но в итоге госдепартамент США и их клевет Варфоломей почему-то постеснялись ставить прожженного лицедея-хамелеона во главе «автокефальной церкви». Поставили, правда, его молодого сподвижника. Но 8 января Порошенко присвоил Филарету звание «героя Украины».

Наша братская каноническая УПЦ МП, возглавляемая Его Блаженством митрополитом Онуфрием, стойко выдержала все атаки официального Киева против нее. А ведь было захвачено еще до операции «автокефалия» свыше 50 храмов законной благодатной Украинской Православной Церкви

Московского Патриархата. Да ведь по существу УПЦ МП уже имеет такую автономию, которая, по сути, ничем не отличается от автокефалии. Только 2 факта «зависимости от Москвы»: получение от Патриарха Московского святого мира, необходимого для богослужбных таинств, и формальное утверждение предстоятеля УПЦ МП московским Синодом.

Однако так велика ненависть бандеровцев Киева к России и к Русскому миру, что даже такая практически символическая «зависимость» от Москвы нацистов-русофобов не устраивала.

По моему мнению, наше Священноначалие занимает слишком сдержанную, чересчур деликатную позицию в отношении предателя Святого Православия еретика Варфоломея. Не следовало, на мой взгляд, митрополиту Илариону Алфееву мчаться в Рим и 19 октября 2018 г., в самый напряженный момент конфликта с Варфоломеем, встречаться с куратором и вдохновителем нацистской «автокефалии» папой римским Франциском. Тот еще не отмыл руки от бензина, которым он поливал Евромайдан в Киеве, надзирал сверху и, по сути, командовал подготовкой и проведением пресловутого Критского собора с его сомнительными и даже еретическими документами по эрозии Православия. Мы что, просим лису позаботиться о курятнике?

Пора, давно пора провозгласить анафему погрязшему в ересях Константинопольскому предстоятелю Варфоломею. Ведь есть за что — целый пакет его отступлений и ересей. Как справедливо считает диакон Илья Маслов, мы имеем «полное отпадение бывшего Константинополя от Православия». Диакон пишет: «Войдя в общение с раскольниками, подверженными «анафеме», Варфоломеем и его Синод сами стали раскольниками (10,11 Апостольские правила, 5 правило 1-го Вселенского собора, 2-е правило Антиохийского собора и т.д.). С этого дня кафедра «Нового Рима» перестала существовать. Как перестала существовать православная кафедра Римского первосвященника после 1054 года».

С 20-х годов XX века с патриарха Мелетия, активного члена масонских лож, начинается омасонивание константинопольского патриархата. Проходимец Мелетий расставил всюду свои христорборческие кадры. Его ставленники отказались от православного канонического юлианского календаря — хронологической иконы православного Предания. Константинопольские патриархи вошли в сговор с ВЧУ-ОГПУ в Советском Союзе и финансировали пробольшеvistский обновленческий раскол. А Святого Патриарха Тихона клеймили как врага трудящихся и «контрреволюционера».

Позднее янки поставили константинопольским патриархом Афинагора, который в 1965 г. самовольно, без согласия других Поместных Православных Церквей «снял анафемы» 1054 г. с Римской курии, с непокаявшегося папы Павла 6-го. Наш тогдашний Патриарх Алексей Первый осудил это бесчинство в телеграмме главе Элладской Церкви. И сегодня патриарх Варфоломей (кстати, ревностный воспитанник папских вузов) продолжает дружить с главным еретиком планеты.

Второй Ватиканский собор 1962—1965 гг. — это уже полное и окончательное отречение от христианства католической церкви вплоть до введения цензуры на Новый Завет и слова Спасителя об иудеях. Грех распятия Христа с синедриона был снят Римской курией, как будто Спасителя распяли монголы или скифы. Едва папа Франциск побратался с нашим предстоятелем в Гаване, как, возвращаясь из Армении, он громогласно извинился и покаялся перед гомосексуалистами мира за принесение им в прежние века неприятностей. Т.е. папа Франциск вновь отрекся от Священного Писания, безоговорочно осудившего Содом и Гоморру. И с таким Иудой нам надо садиться отстаивать традиционные ценности? Варфоломей даже пригласил еретиков-папистов и протестантов в качестве гостей на т.н. Критский собор.

Замечательный русский мыслитель Татьяна Грачева пишет: «Речь идет, в конечном счете, об уничтожении через вирус католицизма всей христианской государственности в мире... Носителями бомб, начинённых зарядом дехристианизации, стало руководство католической церкви. Это подтверждает тот факт, что важнейшим результатом Второго Ватиканского собора стала стремительная дехристианизация западных государств». И далее: «Союз и сотрудничество с Ватиканом означает союз и сотрудничество с Ротшильдами, являющимися функциями антихриста. Союз с Ватиканом будет для нашей Церкви означать не что иное, как союз с антихристом со всеми вытекающими отсюда последствиями для нашей веры, народа и государства».

Константинопольский патриарх Варфоломей повинен также в легализации, вопреки каноническим постановлениям, **второбрачия для духовенства**. И, конечно, повинен в созыве незаконного Критского собора, на котором, как пишет диакон Илья Маслов, «в качестве православного вероучения принимались сотериологические, экклезиологические и эсхатологические идеи, чуждые Священному Писанию и Священному Преданию Православной Церкви». И, конечно, Варфоломей виновен «во вторжении (и неоднократно за

прошедшее столетие) на каноническую территорию другой Поместной Церкви и вхождении в евхаристическое общение с раскольниками и «анафемами» на Украине.

Ни одна Поместная Православная Церковь не поздравила после «Объединительного съезда» 15 декабря 2018 г. «митрополита» «православной церкви Украины» Епифания Думенко. Его поздравили только Госдепартамент США (второстепенный клерк) и посол США на Украине госпожа Мари Йованович. Дипломат не ведает, видимо, что сама т.н. «независимость» Украины **незаконна**. 17 марта 1991 г. в СССР состоялся всесоюзный референдум, на котором 70 % населения Украины проголосовало за сохранение обновленного СССР. Это был первый и последний референдум при Советской власти.

Население не только Украины, но и ряда других союзных республик высказались за сохранение Советского Союза (т.е. исторической России). Но 24 августа 1991 г. депутаты-коммунисты Верховного Совета УССР подняли руки за независимость Украины. Не берусь оценивать совесть пламенных большевиков, до того — горячих сторонников нерушимого Союза. Но главное: мнение народа на референдуме важнее и выше, чем мнение прикормленной номенклатуры, мечтающей о ненаказуемой коррупции.

Киевская хунта сама говорит по-русски, не знает украинского, у нее глобалистическое, проамериканское, космополитическое самосознание. А идейные бандеровцы — этажом ниже — у них на поводке, они проводят свои факельные шествия в честь Степана Бандеры, организатора Волынской резни поляков (и других неукраинцев) в 1943 г., и пугают мир новым Гитлером. Их не так много, как рекламирует телевидение. Народ Украины их не поддерживает. Но они у власти. И их достаточно, чтобы учинить новый террор против несогласных, теперь, в первую очередь, против канонической Украинской Православной Церкви митрополита Онуфрия. Террор с благословения США. «Автокефалия» и понадобилась Порошенке для сатанинской атаки против Святого Православия и русскости.

«И БЫЛ УВЕНЧАН Я...»

1

«Девятого ноября, в далекой дали, в старинном провинциальном городе, в бедном деревенском доме телефон известил меня о решении Шведской академии...» — так начал свою Нобелевскую речь 10 декабря 1933 года Иван Алексеевич Бунин. И далее, подчеркивая свое особое положение изгнанника среди лауреатов, как бы взвешивая жизнь вдали от Родины, говорит о том, что известие о присуждении Нобелевской премии дало ему «как писателю, наиболее полное удовлетворение. Литературная премия, учрежденная вашим великим соотечественником Альфредом Нобелем, есть высшее увенчание писательского труда!»

Спустя десятилетия авторитет международной литературной премии формально остается. Но, к сожалению, с тех далеких лет вес ее неуклонно снижался — в силу постоянно растущей политизированности системы отбора лауреатов.

Известно, что Нобелевские премии Бориса Пастернака (номинировался шесть раз!) и Александра Солженицына присуждались при энергичной под-

ДОРОГИ И СУДЬБЫ

держке ЦРУ. Творения множества лауреатов, получивших ее после Бунина, просто неизвестны миру, а огромную долю их составляют «нобелиаты» еврейского происхождения. Недавнее во времени лауреатство Светланы Алексеевич (2016 год) фактически стало очередной дискредитацией международной награды.

Другими словами, престиж премии, врученной Бунину, несопоставим с премиями вышеназванных лиц, как и творческие достоинства увенчанных трудов. Бунин — классик мировой литературы, одна из ее вершин и таким останется навсегда, чего не скажешь о сонме «лауреатов», стоящих в ряду «небожителей».

Путь к заслуженной славе был для Бунина, однако, не прост. Восхождение на литературный Олимп для него, академика Российской академии наук с 1909 года, началось в труднейшие начальные годы эмиграции. Впервые на премию его выдвигал в 1923 году Ромен Роллан, направив в Нобелевский Комитет рекомендацию на трех соискателей — Бунина, Бальмонта и Горького. Но предстояло прожить еще десять сложнейших лет, наполненных трудами, чтобы достигнуть цели. Еще не был написан роман «Жизнь Арсеньева», за который, как считал и сам писатель, присуждена награда, вышедший в печать лишь в 1930 году.

2

В 1897 году, с трудом пережив мучительную трагедию первой любви к Варваре Пашенко, Бунин знакомится в Москве с писательницей Екатериной Лопатиной. Завязывается дружба, Иван Алексеевич даже предлагал ей руку. Позже, уже будучи во Франции — а Лопатина жила неподалеку от Буниных и часто бывала в их доме, — они вспомнили о событиях давних лет. И вот замечательная деталь в перерассказе Екатерины Михайловны: «Когда он делал мне предложение, я очень смеялась... Потом мы ездили в Царицыно дачу снимать... И он тут сказал между прочим: «Я буду знаменит не только на всю Россию, а и на всю Европу». А мне было его жаль. Я, конечно, не верила...»

В один из вечеров, на прогулке, Иван Алексеевич подробно рассказал жене и Галине Кузнецовой о давнем увлечении Лопатиной. Вера Николаевна напомнила о разговоре с Екатериной Михайловной, о его заявлении, что будет знаменит. И добавила: мол, это от тогдашнего молодого задора. На что Бунин ответил: «Нет, совершенно спокойно, я был уверен».

Эта уверенность и вела его к высокой цели, несмотря на жизненные трудности, бедность, положение эмигранта. При-

шлось пережить и новую любовную драму — уже с Галиной Кузнецовой.

Званием академика Бунин гордился, злые языки в эмиграции даже утверждали, что будто бы он заказал себе визитки с надписью на французском: «Иван Бунин, бессмертный» («Immortal»). Визиток, конечно, не было, но вот переехав в Париж из Чехословакии, он счел необходимым, как академик, нанести визит президенту страны Мильерану.

В беседе Бунина с Ириной Одоевцевой — по её воспоминаниям — примечательна важная фраза, сказанная им. На вопрос, испытывал ли он чувство счастья, получив Нобелевскую премию, он ответил: «Ах, нет! Совсем нет! Секунду одну. Когда в кинематографе, в темноте вспыхнул свет, и я услышал: «Звонили из Стокгольма!» Ведь столько мучительного, с ума сводящие ожидания, столько бессонных ночей!.. А когда я понял, поверил, осознал, сразу будто пусто внутри стало...»

И еще один фрагмент из воспоминаний Одоевцевой о днях совместного их проживания в 1947 году в отеле «Русский дом» в Жуан-ле-Пэн, когда Бунин, размышляя о качестве русского характера, припомнил свою молодость: «О будущем я совсем не думал, ни на какую работу способен не был. Верил, слепо верил в свой талант, в свою звезду и что когда-нибудь прославлюсь на весь мир.

— Но ведь вы и прославились, — прервала я его. — На весь мир прославились.

Он разводит руками.

— Ну и что из того? Если бы в своей стране... Что мне эта Нобелевская премия — а сколько я о ней мечтал, — принесла?»

В этих словах писателя — горькая правда о его эмигрантской славе, как бы ни восторженно принятой и высоко оцененной изгнанниками.

Из воспоминаний Зинаиды Шаховской: «Самое же главное и неизлечимое — была рана, нанесенная ему судьбой, историей, революцией: изгнание. Типично русский человек в своем неистовстве, вне России... себя не мыслящий, писавший для русского народа, Бунин был оторван и от России, и от читателей, для которых писал. Он ненавидел коммунизм за его хамскую тупоголовость, за разрушение прошлого, без которого нет и будущего, за погашение духа и творчества, за убийство России, потому что без преемственности нет и культуры, — а цель культуры была прервана насилием и, может быть, навсегда...»

Русская эмигрантская колония во Франции была неоднородна. Роднила лишь боль об утраченной Родине и ощущение бездомности. Мало кто имел средства на жизнь. Во взглядах на будущее единства не было. Мечталось — иным еще очень долго — о скором падении большевиков, у других, напротив, росло скептическое отношение к переменам на лучшую долю. Но в первые годы, что естественно, всех объединяло чувство праведного гнева против тех, кто захватил власть в стране, посеял хаос и разруху, лишил будущего миллионы людей.

Георгий Адамович в статье «Русская литература в эмиграции» писал так: «Россию мы... терять не хотим, какая бы она ни была, — и именно поэтому положение здешних русских людей (и русской литературы, конечно) трагично...»

Было некое, отчасти, быть может, иррациональное представление и об изгнанничестве, о всех скитальцах, унесших в эмиграцию свою Россию и, волею рока, должных на чужбине стать хранителями обесчещенной Родины, ее культуры, красоты, неповторимости. Ярче всего это глубинное чувство отразилось в программной речи Ивана Алексеевича Бунина, которую он произнес в Париже 16 февраля 1924 года на вечере, тема которого говорила сама за себя — «Миссия русской эмиграции».

«Что произошло? — спрашивал Бунин. — Произошло великое падение России, а вместе с тем и вообще падение человека...» И далее: *«В прошлом году, читая лекцию в Сорбонне, я приводил слова великого русского историка Ключевского: «Конец русскому государству будет тогда, когда разрушатся наши нравственные основы, когда погаснут лампы над гробницей Сергия Преподобного и закроются врата его Лавры». Великие слова, ныне ставшие ужасными! Основы разрушены, врата закрыты, и лампы погашены. Но без этих лампад не бывает русской земле — и нельзя, преступно служить ее тьме...»*

В дикой и ныне мертвой русской степи, где почиёт белый ратник, тьма и пустота. Но знает Господь, что творит. Где те врата, где то пламя, что были бы достойны этой могилы. Ибо там гроб Христовой России. И только ей одной поклонюсь я в день, когда Ангел отвалит камень от гроба ее...»

В этих горьких и негодующих словах — заповедь Бунина, данная, прежде всего, самому себе. Всю оставшуюся жизнь он творил, запечатлевая в своем прекрасном Слове Христову Россию, ту, что сохранил в сердце до могилы. В этом, может быть, сакральный смысл его творчества.

То, что великий творческий подвиг увенчан Нобелевской премией, — лишь одно из проявлений Божьей воли. Как и последующих страданий, искушений, испытаний.

(Зинаида Гиппиус, уже в эмиграции, познакомившись с Буниным в Висбадене, пишет: «...он был человек особого склада, ранее нами близко не виданного — среди писателей петербургских и наших кругов вообще, — а потому особенно меня заинтересовал... Кроме того, и в литературе он, при большом его таланте, имеет какую-то границу пониманья. Он слишком в прошлом...»)

Многие эмигранты речь Бунина восприняли как манифест. Внутренний посыл её был, конечно, велик. Но как пронести эту миссию, эту гордую принадлежность к России, будучи изгнанником в чужой стране, в нужде, житейских бедах? Ведь даже нансеновские паспорта имели не все эмигранты.

Здесь уместно привести отклик Михаила Осоргина, также писателя-эмигранта, на страстный призыв Бунина. Осоргин пишет: «Конечно, эмиграции легче жить, думая, что у нее есть высокая миссия. Но долго такой самообман тянуться не может...»

Что касается самого Бунина, то Осоргин решительно отделяет Бунина-художника от Бунина-политика. И даже выражает надежду, что писатель возвратится в Россию: «Как писатель — а ими Россия скудна — он там положительно необходим; как «политик» он там — слава Богу — совершенно неведом и никому не интересен... Литература выиграет — политика ничего не проиграет».

При всей категоричности такого взгляда Осоргин всё же преувеличивает «политическую миссию» Бунина: его выступление, честное, негодующее, эмоционально окрашенное, — прежде всего, речь художника слова, страстного и бескомпромиссного. Да ведь любой честный писатель — всегда политик, независимо от желания быть или не быть им. Бунин не исключение. Как личность цельная, он оставался писателем: «Миссия русской эмиграции» тому яркое свидетельство!

(Тут, кстати, следует вспомнить об отношении литературной общественности Петербурга к знаменитой поэме Александра Блока «Двенадцать», опубликованной в 1918 году. Та же негативная общественная оценка, тот же упрек его в кроне «в политику», «измене» поэзии...)

В публицистике, в статьях первых лет эмиграции Бунин словно изживал боль от увиденного в России большевистской — в родных краях, в Москве, в Одессе. Тяготила бытовая неустроенность.

Наконец, измученный скитаниями, он выбрал для жительства городок Грасс на юге Франции: Грасс хоть немного согрел душу, напоминая о родине — неспешным провинциальным бытом, роскошью природы, звоном колоколов. Ис головой ушел в литературный труд. Мысль о Нобелевской премии не покидала, закаленный испытаниями, утратив Россию, он не был духовно сломлен, ощущал свои силы, возможность достичь широкого признания здесь, в Европе.

В 1925 году он создает повесть «Митина любовь» — отражение трепетных юношеских чувств первой любви. А в 1927 году приступает к роману «Жизнь Арсеньева» — широкому полотну о погибшей России и возвышенной песне собственной судьбе: роман наполнен пережитыми чувствами и мыслями писателя.

Наверное, шедевр вышел бы из-под пера мастера несколько иным, если бы не нахлынувшая, роковая любовь к Галине Кузнецовой.

...Познакомились они в Грассе, на пляже. Вернее, Галину представил Бунину поэт Модест Гофман. Потом долго беседовали, гуляя по берегу, а при расставании она, робея, призналась: «Вы — мой кумир!» Тогда-то и случился для обоих ослепительный «солнечный удар». Несмотря на разницу в возрасте в тридцать лет. Галина решительно разрывает с мужем и входит в семью Буниных...

«Тяжела, темна стезя земная, и зачтется в небе каждый вздох», — так писал Бунин в одном из своих стихотворений. Любовь Галины обострила чувства, жизнь обрела полноту, творчество — радостное вдохновение. Думается, этим объяснима необычайно яркая, божественная ткань повествования романа «Жизнь Арсеньева». Он словно вновь остро пережил всё то молодое, сложное, родное и... неповторимое. И силой любви, силой своего дара он «останавливал» в романе время, наполнял страницы «любовью и радостью бытия»...

Чувства к Галине наложили свой благотворный свет на бунинский «мудрый художественный метод... Этот метод можно представить двумя простейшими словами: смотрите и переживайте. Бунин обогащает нас опытом — не «идеями». Это и есть единственный законный путь художества, неизменно имеющийся в наличности везде, где есть подлинное искусство», — так оценивал его творчество Владислав Ходасевич.

Он вглядывался в прошлое и переживал его вновь — в преобразующем свете творческого воображения. Взаимные чувства окрыляли их, Галину и Ивана Алексеевича. Молодая писательница в те годы признается: «Радуюсь, что пишется

легче и свободнее, чем прежде, что, кажется, можно взять любой кусок жизни и писать — всё должно удаваться. Это как бы медовый месяц творчества...»

Упорно работая над своими произведениями, Галина много времени и сил уделяла Ивану Алексеевичу: «Я слишком много сил отдаю роману И.А., о котором мы говорим чуть не ежедневно, обсуждая каждую главу, а иногда и некоторые слова и фразы...»

Вера Николаевна тоже в трудах — печатает на машинке главы, перепечатывает страницы после правок. Но, конечно, жизнь не сосредотачивалась только на этом: Галина публикует свои произведения, готовит книгу стихов Ивана Алексеевича, ведется обширная переписка. А еще поездки, встречи, дальние прогулки...

Огромная, не прекращающаяся ни на миг, внутренняя работа Бунина над «Жизнью Арсеньева» в семейном окружении, присутствии рядом Галины одухотворяли его художественный дар. Сестра Зинаида Гиппиус, по словам Екатерины Лопатиной, отзывалась о его творчестве необычайно образно: «Он пишет так, точно Христос и не родился!»

4

А между тем борьба за Нобелевскую премию продолжалась. Приведем здесь хронологические этапы «нобелевского марафона», в котором участвовали русские писатели-эмигранты и... советский Горький. Основным конкурентом Бунина в тридцатые годы был Дмитрий Мережковский. На «Нобеля» он номинировался десять раз, первая попытка была в 1914 году после выхода собрания сочинений. В 1918 году безуспешную попытку сделал Максим Горький, а всего таких попыток у него было шесть.

В 1923 году (как уже сказано выше, с подачи Ромена Роллана, предложившего три кандидатуры — Бунина, Бальмонта и Горького) лаврами увенчали ирландца Вильяма Гейтса. В 1926 году номинировался казачий генерал Петр Краснов, автор многих романов. В 1931—1932 годах — вновь Мережковский, Бунин и Иван Шмелев. И наконец, год 1933-й, когда цель, к которой так долго шел Бунин, была достигнута.

Чаша весов колебалась все эти годы между тремя русскими писателями — Буниным, Куприным, Мережковским. Андре Лихтенберже, литератор из Франции, писал: «Трудно найти иную форму следования благородной цели создателя премии Нобеля, как это присуждение ее русским писателям. Это воздаяние по заслугам людям, поддерживающим на по-

добаюшем месте свою национальную культуру в момент, когда на родине изнемогают от разлива варварства...»

Немало хлопотал за писателя друг Марк Алданов, которого благодарный Бунин, в свою очередь, представлял на премию в 1947 году.

Но, конечно, были и противники русских писателей, было давление на Комитет и со стороны советской дипломатии, отстаивавшей кандидатуру Горького.

В 1929 году профессор славянской литературы в Копенгагене А. Карлгрэн вновь выдвигает Бунина. Одновременно с ним славист, профессор Лундского университета С. Агрелл предлагает Бунина и Мережковского. Нобелевский Комитет присуждает премию американцу Синклеру Льюису.

В следующем году появляется статья журналиста И. Троцкого, в которой он ставит вопрос прямо — неужели у русских писателей-эмигрантов не найдется друзей, чтобы поддержать их? По словам Бунина, «после корреспонденции И. Троцкого чуть ли не все кинулись выставлять свои кандидатуры и при посредстве своих почитателей выставили их».

Рискнул сделать этот шаг в 1930 году Иван Шмелев, писатель особого дара, творчество которого буквально пропитано русским духом, старомосковским колоритом, усиленными ностальгией по родине. Зная, что вновь номинируются Мережковский и Бунин, Шмелев так пишет о своем решении: «Горе русским, что нет в Комитете никого, кто читает по-русски, но есть «представляющие»... И вот — предвидя провал — я все же хочу рискнуть...»

Известно несколько имен европейских писателей и ученых, с которыми Шмелев вел переписку с просьбой поддержать его кандидатуру. Поддерживали его Константин Бальмонт и настойчиво — философ Иван Ильин, дружба с которым была особенно близкой и многолетней. Он также решил обратиться за помощью к славистам европейских стран.

О Бунине и Мережковском Ильин отозвался, словно возражая на требования Нобеля увенчивать тех писателей, чье творчество «проникнуто человеческим идеалом»: «Мережковский есть одно дутое недоразумение. Но я не понимаю, какой «человеческий идеал» или «идеализм» можно находить у Бунина. Мрачнейший из эпикурейцев; из всех прозрителей в человеческую бестиальность (зверство, скотство. — В.П.) — нещаднейший; великий микроскопист элементарно-родового инстинкта. Его учитель — Лев Толстой в «Смерти Ивана Ильича»...

Известна переписка этих двух выдающихся личностей — Шмелева и Ильина: три огромных тома под общим названи-

ем «Переписка двух Иванов», охватывающая период с 1927 по 1950 год. Документ эпохи, потрясающий по изображению духовных изломов эмиграции, страстных надежд, несбывшихся желаний и, конечно, надлома, падения нравов в литературно-газетной среде.

Выпукло и ярко в переписке изображается атмосфера соперничества, затаенной озлобленности, насмешек и клеветнических наветов, которая складывалась в эмигрантской среде в период «схватки» за перо «жар-птицы» — до и после получения ее Буниным.

В хронической бытовой нужде и бесперспективности Нобелевская премия виделась как, пусть иллюзорно, но спасение, дававшая обеспеченность на какой-то период жизни. «Но в нашем понимании теперь получить премию, — писал Шмелев, — обеспечить себя для большой литературной работы. Это — соблазн...» А потому страсти разгорались нешуточные, подогреваемые «акулами пера» изданий самых разных политических оттенков.

В 31-м году премия вновь обошла русских эмигрантов. Иван Шмелев пишет Ильину: «Бунин был уверен, что присудят ему... были подняты все силы, из 7 государств. И — Эм. Нобель. Но он заболел и не мог приехать...»

А вот запись Галины Кузнецовой этого года: «...вчера известие. У Эм. Нобеля кровоизлияние в мозг... И. А. читал письмо за завтраком. С первых же строк весь покраснел и ударил кулаком по столу:

— Нет! Вот моя жизнь! Всегда так!»

Бунин, как видим, надеялся на поддержку сына Нобеля, но...

Известие о том, что на премию выставлялась и кандидатура Шмелева, как пишет Кузнецова, почти оскорбило его: «Кем? Да ведь это смехотворно!» Тут, безусловно, сказалась горячность Бунина, ведь Шмелев тогда тоже не был увенчан лаврами.

Шмелев в письме к Ильину отнесся к поражению не так резко: «Нобелевское улыбнулось русским! Бунин — да, за него я, как русский, не постыдился бы. Но получи Мережковский — позор!»

Но очередная неудача не сломила. Бунин продолжал работать, искать поддержку у влиятельных литераторов и журналистов. Хотя, порой, сомневался в успехе, заявляя в домашних беседах: «Нет, именно оттого, что мы так бедны и что эти деньги нас спасли бы, этого не может быть. Так не бывает».

В этом самоуверении, покорности судьбе в Бунине говорило глубоко русское мироощущение, прорывался голос страдающей души...

Подогрел страсти Мережковский: у последнего созрел план одолеть нобелевскую вершину вдвоем с Буниным: кто бы ни стал лауреатом — премию пополам! Разумеется, предложение было неприемлемо для Ивана Алексеевича.

В 1933 году перевод «Жизни Арсеньева» вышел на английском. Роман был опубликован в Норвегии, Швеции, Италии, шли переговоры о французском издании. И отовсюду блестящие отзывы, похвалы.хлопоты о премии сосредоточились на том, чтобы, прежде всего, дать соответствующую информацию Шведской Академии наук, Нобелевскому Комитету — авторитет номинанта был высок.

И вот, наконец, известие пришло: «Решением Шведской Академии от 9 ноября 1933 года Нобелевская премия по литературе за этот год присуждена Ивану Бунину за правдивый артистический талант, с которым он воссоздал в художественной прозе типично русский характер...»

Русская эмиграция известие о присуждении престижной премии встретила ликованием — это была радость изгнанников, потерявших родину, гордость, и в некотором роде утверждение: «Мы есть! Жива Россия, жива великая русская литература!»

Появилась, пусть временная, политическая реабилитация в атмосфере отчужденного отношения европейцев к эмигрантам: «Мы не пыль Истории, мы — русские!»

Но из «Переписки двух Иванов» можно видеть, что были и потаенные оценки — невысказанный упрек лауреату за то, что в Нобелевской речи он не сказал (не нашел) весомых слов о России, о русской литературе, более сосредоточив внимание на собственной изгнаннической судьбе.

Ильин пишет Шмелеву: «Бунин не сказал ни словечка и о русской литературе. Его «поправил» (да!) сам Король: «Радуясь за вашу литературу!» И далее: «Я люблю Бунина за чистоту слова, за труд, за вкус, за русскую природу. Много сохранил нам, собрал. Большой талант. Но как же так... не сказать pro Russia? Всё свести — к себе...»

В этом высказывании — отголоски тревожных мыслей философа, его раздражение состоянием эмигрантского сообщества, где шло естественное угасание духовной стойкости, надежд, утрата гордой силы русского духа, русского самостояния — несмотря ни на что!

Между тем и на другой стороне, в большевистской России, пристально и с неприязнью наблюдали за творчеством писателей-изгнанников. Но тут уж всем сестрам по серьгам раздавалось с плеча — как врагам.

После знакомства с «Миссией русской эмиграции» злобно огрызнулся на бывшего друга Горький. В письме Роллану 21 марта 1925 года он пишет: «А если б вы знали, в какой изумительно вульгарной форме ведется полемика с большевиками. Иван Бунин на одном из эмигрантских диспутов в Париже ругался «матерной» русской руганью, гнуснее которой я ничего не знаю!»

Однако об околотературной своре «русскоязычных», упоенной свалившейся на них властью, и говорить было нечего: в гнусностях и «р-революционных» ярлыках не стеснялись. Куда там до них «брани» Бунина! Еще в 1925 году, читая советские газеты и журналы, Иван Алексеевич отозвался на критику в статье «Российская человечина». В частности, о статье в «Известиях» с оценкой повести «Митина любовь» и статьях А.Воронского. Пафос всей откровенно политизированной большевистской «критики» был в одном — находясь в эмиграции, русские писатели мельчают, теряют дар, а психика их «опустошена, выпотрошена, протитуирована». Доставалось всем — Бунину, Куприну, Шмелеву, Мережковскому.

На фальшивый совет «общаться с Россией», чтобы спастись от эмигрантского «окостенения», Бунин напомнил о рве, могиле, «где лежат десятки тысяч тех, с кем я был и есмь» и памяти которых никогда не изменит. Эта могила «вечно будет отделять меня вовсе не от России. Из-за России-то и вся мука, вся ненависть моя...»

5

В моем собрании материалов о Бунине есть редкая статья литературного пасквилянта и злобного русофоба Ильи Марковича Василевского, в советских энциклопедиях проходившего под псевдонимом Не-Буква. Этот Не-Буква был столь же злобен, сколь и плодовит. Известны его шутовские стихотворения-«перепевы» произведений Лермонтова, таких как «Спор», «В деревне», Фета «Шепот, робкое дыханье» и других авторов. Им написано множество пародий, статей и рецензий, критических разборов, карикатур. Навалил он и пасквильные романы о царской династии — «Романовы», «Николай II».

В 1925 году издал книгу «Что они пишут? Мемуары бывших людей» — о литературных произведениях русских писателей-эмигрантов, где Ивану Алексеевичу Бунину посвящена статья «Дворянская гордость». К ней стоит присмотреться. Это образчик психологической патологии в отношении ко всему русскому — к стране, народу, культуре, литературе.

«Ничего святого!» — лейтмотив местечкового сознания, доминирующего в те «революционные» годы в большевистско-еврейской среде.

«И.А. Бунин, бесспорно, является одним из наиболее крупных и талантливых представителей белой психологии», — запевает Не-Буква свою оценку «бывшего человека». — Мы видели уже, какой роковой печатью бесплодия отмечен и этот писатель вместе со всеми, кто очутился в «тупике» неприятия России и революции. Подлинного писательского голоса он так и не подает. О психологии И.А. Бунина в наши дни приходится судить не по его творчеству (об этом и помина нет), а только по случайным выступлениям.

В последнее время (это 1923 год, когда номинировались Бунин, Бальмонт и Горький. — В.П.) выяснилось, что очередная Нобелевская премия будет, по всей видимости, присуждена России. Наиболее вероятным лауреатом, в качестве представителя русской литературы, влиятельные французские круги называют Максима Горького. И маститый Анатоль Франс, и Ромен Роллан, и другие полагают, что именно Горький — и в своем творчестве, и в своей личной жизни — наиболее ярко и исчерпывающе отразил Россию и ее бескрайнюю, безграничную живую душу...» (обратим внимание на стиль этого знатока русской литературы и русского языка!).

А далее Не-Буква прибегает к излюбленному приему поучающего ерничества. Объектом насмешек выбрана опубликованная автобиография Бунина. *«И.А. Бунину в области писем конкуренции с Д.С. Мережковским никак не выдержать. Он избрал иной путь саморекламы — путем распространения автобиографии воистину американского образца...» (снова обратим внимание, каков стиль!).*

Разбор автобиографии пристальный, построчный. Ни один факт ее не остается не осмеянным. Припоминает «р-революционный» критик всё — и литературную деятельность в Одессе, и серию политических статей «талантливого, но именно в области политики хромающего на обе ноги писателя».

«Еще в Одессе, — ставит диагноз Не-Буква, — в период черносотенного <?!> бунинского «Южного Слова», началась у писателя та роковая полоса художественного бесплодия, какая получилась в результате его увлечения злобной денкинской публицистикой...» И вывод: «Но И.А. Бунину умиленный и торжественный тон его густо-рекламной и самохвальной автобиографии пользы не принесет. Для этого она слишком комична и смехотворна...»

Тут, кстати, следует напомнить о другой «биографии», насквозь выдуманной, пафосно-лживой — сочиненной о себе

Максимом Горьким. Но это, понятно, дело другое — Горький ведь в стане большевиков!

Но биография биографией, а что же пишет Бунин? — задается вопросом политкритик. И формулирует ответ: «Увы, иных, подлинно писательских проявлений <?!> — в течение целого ряда лет — нет. Молчит задушенная злобой и ненавистью муза...»

Вывод этот — единственно возможный для «нового русского человека» Не-Буквы: у «победителей» одна магистраль, одна цель — лгать безоглядно. Что этому литературному пакостнику судьба тех, кто остался без родины, без дома, без прошлого и будущего? Они «бывшие», а значит, для них только одно — помойное словоблудие!

(...Сам Не-Буква 1917 год, однако, не принял, бежал во Францию, пытался организовать издательство, но, очевидно, поразмыслив, что среди «своих» ему будет в России выгодней заниматься очернением её истории, литературы и, конечно, «бывших», вернулся назад и занялся привычным делом, пока не получил заслуженного воздаяния в 1938 году. Господь долго терпит, да больно бьет!)

И еще одну знаковую оценку получил Бунин из покинутой, чужой и чуждой теперь страны: со страниц «Литературной газеты», назвавшей классика «матерым волком контрреволюции»...

6

На Нобелевскую премию в 1933 году номинировались двадцать семь авторов, в числе которых Бунин, Горький, Мережковский, испанец Ортега-и-Гассет, чех Карел Чапек и француз Поль Валери. Лауреатом стал Иван Бунин.

Как уже сказано, решение Нобелевского Комитета в эмигрантской среде восприняли восторженно. Но вот, например, Марина Цветаева написала накануне чествования лауреата в Париже: «...буду сидеть на эстраде и чествовать Бунина. Уклониться — проявить протест. Я не протестую, я только не согласна, ибо несравненно больше Бунина — и больше, и человечнее, и своеобразнее, и нужнее — Горький. Горький — эпоха, и Бунин — конец эпохи».

Столь категоричная оценка Цветаевой прошла проверку временем. А мы лишь напомним об оценке Горького известным критиком того времени Юлием Айхенвальдом: «...Горький и не начинался» (Б.Зайцев, «Москва»).

По воспоминаниям Нины Берберовой в ее знаменитой книге «Курсив мой» можно судить — Мережковские поражение перенесли внешне достойно. Когда Бунин появился с

визитом в их доме, «все, за исключением одной Зинаиды Николаевны, встали и почтительно замерли на своих местах. Мережковский, побледнев до пепельной серости, вскопчил и еще больше сгорбившись, суетливо, почти вприпрыжку, бросился встречать... Зинаида Гиппиус одна среди этого моря почтительного волнения сохраняла спокойствие и хладнокровие... Грациозно подавая руку Бунину, она протянула лениво: — Поздравляю, — и добавила после короткой паузы: — И завидую».

Нужда для Бунина, казалось, ушла в прошлое: чек на 715 тысяч швейцарских франков сумма хоть и невеликая, но при умелом распоряжении могла бы поддерживать семью долгие годы. Даже при том, что часть ее, около 120 тысяч франков, Бунин раздал нуждающимся, ведь за помощью к нему уже в первые месяцы обратилось более двух тысяч человек.

Вернемся вновь к воспоминаниям Зинаиды Шаховской в ее книге «Отражения»:

«Бедность Буниных была удивительна. При умении и малой доле практичности денег Нобелевской премии должно было хватить им до конца. Но во времена «жирных коров» Бунины не купили ни квартиры, ни виллы, а советники по денежным делам, видимо, позаботились больше о себе, чем о них...»

Красноречивы и записи Бунина в дневнике от 10 мая 1936 года: «Да, что я наделал за эти два года... Агенты, которые вечно будут получать с меня проценты, отдача Собрании сочинений бесплатно — был вполне сумасшедший. С денег ни копейки доходу... И впереди старость. Выход в тираж».

Зинаида Шаховская конкретизирует: «В денежных делах Бунины были беззащитны, а опекуны — легкомысленны или вероломны. Как-то, вопреки своей воле, И.А. в ту пору, в тридцатых годах, деньги все-таки тратил: одной из молодых писательниц вставил зубы, другой купил платье, еще кого-то чем-то одарил... — и дом Буниных остался пустодомом...»

Но, думается, причина обнищания Буниных была не только в житейской непрактичности его и Веры Николаевны. Надо помнить — «на шее» у Бунина были еще три великовозрастных «нахлебника». Нельзя забывать и о Галине Кузнецовой — ученице и последней любви Бунина.

В своих прежних работах я уже касался темы их непростых взаимоотношений. Бунин многому научил ее в искусстве литературного творчества, да и сама она была человеком одаренным, наблюдательным, тонко и глубоко чувствующим. Но... был в ее психике, очевидно, природный надлом. Он-то и определил ее дальнейшие — после получения Буниным премии — жизненные изгибы. И то, что она ушла именно к жен-

шине, сестре друга Бунина, философа Федора Степуна, не прихоть страсти, а закономерность: дегенеративность Марги Степун — черта, похоже, тоже родовая. Подобное тянется к подобному...

Вот две записи из дневника Бунина — до премии и после: «18 мая 1932 года. Лежал в саду на скамье на коленях у Г., смотрел на вершину дерева в небе — чувство восторга жизни...»

7 апреля 1936 года, Грасс: «Главное — чувство обиды, подлого оскорбления — и собственного постыдного поведения. Собственно, уже два года болен душевно — душевно больной...»

В августе вновь укоряет себя: «Иногда страшно ясно сознание: до чего я пал! Чуть не каждый шаг был глупостью, унижением! И все время полное безделье, безволие — чудовищно бездарное существование!»

Между этими записями — мрачная, темная пропасть, лишь на мгновение озаренная ослепительным светом славы и признания. Но душа, оказывается, живет по своим законам — что ей слава, что деньги, если нет любви, нет любимой женщины рядом...

Можно только воображать, что творилось в его измученной душе, каких сил стоило вновь принять в семью теперь уже «сладкую пару», одна из которых — его бывшая, чужая, отчужденная любовь...

С годами боль хоть и утихала, но не покидало прошлое — с ней, с Галиной, с которой, однозначно, хотелось умереть вместе!

Бунин чувство любви воспринимал как чувство глубоко трагическое, даже в мгновенья высочайшего слияния. Трагедия любви в том, что она — концентрированное выражение трагичности людской жизни вообще: от рождения — к уходу в мир иной. А он ощущал мир и венец его — Женщину — очень остро, порой мучительно...

Уход Галины во многом определил и судьбу нобелевских денег, и отношение к дальнейшей жизни — уже в годы угасания. В трудной жизненной драме классик нашел силы написать то, что было дано написать только ему — цикл рассказов «Темные аллеи», гимн земной человеческой любви, святой и, в сущности, обманчивой, словно волшебный мираж в пустыне жизни.

Но, как думается, писатель судьбой и творчеством утверждал — ради любви и стоит жить! Об этом его книги, его нежнейшая по чувствам любовная поэзия. А слава, награды — всё тлен, как и всё земное!

В 1952 году в тесной парижской квартирке на улице Жака Оффенбаха больной, угасающий Бунин напишет одно из последних своих стихотворений, навеянное воспоминаниями о кратких счастливых днях нобелевского торжества: «Два венка». Вчитаемся, вдумаемся в эти краткие прощальные строки:

*Был праздник в честь мою, и был увенчан я
Венком лавровым, изумрудным:
Он мне студил чело, холодный, как змея,
В чертоге пирном, знойном, людном.
Жду нового венка — и помню, что сплетен
Из мирта темного он будет:
В чертоге гробовом, где вечный мрак и сон,
Он навсегда чело мое остудит.*

На этом можно было бы поставить и точку. Но не отпускает Иван Алексеевич, напоминает — не о смерти, а о жизни, о Боге:

*Очарованием, молчаньем —
Как, Господи, благодарить
Тебя за все, что в мире этом
Ты дал мне видеть и любить...*

СЛОВО О РУССКОМ СЛОВЕ

Очерк о любомудрии и краснобайстве

Хочешь погубить народ, истреби его язык.
А.С. Шишков, министр просвещения в начале XIX в.

Величайший художник всех времён и народов напишет гениальный пейзаж — река, приречная поляна в разноцветье-разнотравье, а за рекой в сизой дымке таежные хребты, увенчанные облаками, а выше — синь небесная; запечатлеет се живописец, но лишь робко коснётся душой и живописным даром таинства природы; природа же — Творение Божие, будучи во сто крат гениальнее самого гениального рукотворного пейзажа, останется не вмещающей в земную душу, неизъяснимой тайной. Вот и двухтысячелетняя русская народная, крестьянская языковая стихия, воплощённая в устном поэтическом, прозаическом слове — в эпосе, в былине и песне, в житейном мифе и заговорной молитовке, причитании и сказке, бывальщине и быличке, в кружевном речении, в

НАЦИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

пословице и поговорке, — всегда будет неизмеримо гениальнее самой гениальной стилистики самого великого книжного поэта. Как беспомощны краски перед природой — бедные и бледные, так и бессильно книжное слово перед исконным крестьянским — серое и квелое. Недаром чародей поэтической речи, сплётший устное и письменное слово, выдающийся русский писатель Борис Шергин с грустью вздохнул: «Русское слово в книге молчит... Напоминают ли нам о цветущих лугах засушенные меж бумажных листов цветы?...»

У Пушкина, гения всех времён и народов, руки опускались перед народным словом, воплощённом в былинах, песнях, сказках, пословицах и поговорках, из чего следует, что народное поэтическое слово, в гениальности превосходя не только Пушкина, но и всю классическую прозу и поэзию, — суть произведения, созданные всем русским народом соборно, и доводились до ума и божественного духа долгими веками.

Сквозь блудливый романтический туман салонной поэзии — по-британски студёной, по-французски панталонно-розовой, по-германски грузной и обильной, сквозь книжно-библейский лиризм славянофильской поэзии писатель Фёдор Достоевский высматривал в российской будущности эпоху крестьянской книжной поэзии и великого поэта от сохи и бороны. Слушая деревенскую песню, Фёдор Михайлович — в отличие от иных дворянских писателей вернее разглядевший русскую душу в ее небесных взлетах и сумрачных падениях, хотя и живший вне народно-обрядовой жизни, вне народной языковой стихии, — вдруг удивлённо, озарённо промолвил: «Ах вы сени, мои сени... Поэт не ниже Пушкина...»

И это решил Достоевский, в Пушкине души не чаявший, и в речи, звучащей на заседании Общества любителей российской словесности, вдруг воскликнувший: «Никогда ещё ни один русский писатель, ни прежде, ни после его, не соединялся так задушевно и родственно с народом своим, как Пушкин». И вот на тебе: «Поэт не ниже Пушкина...» А, может, и выше Пушкина, если припомнить, что и «Сени...» — песня не самая великая в русской народной поэзии, коя необозрима, непостижима, будучи подобна Природе — Творению Божию с ее земными и небесными стихиями.

А Пушкин на склоне короткого века признался Владимиру Далю, обреченно склонив голову пред неодолимой мощью тысячелетнего народного слова: «Сказка сказкой, — говорил он, — а язык наш сам по себе, и ему-то нигде нельзя дать этого русского раздолья, как в сказке. А как это сделать, — надо бы сделать, чтобы выучиться говорить по-русски и не в сказке... Да нет, трудно, нельзя еще! А что за роскошь, что за

смысл, какой толк в каждой поговорке нашей! Что за золото! А не дается в руки, нет!»

Как писал я некогда в очерке о Сергее Есенине: «...тускнеет книжная поэзия, даже пушкинская, пред мудрым крестьянским словом, кружевным, резным, молвленным ли былинщиком у русской печи при лучинушке, вопленным ли плачией на свадьбе, похоронах или проводах рекрутов, спетом ли в застолье, в хороводе. Не все они — сказители, певни, плакательщицы-вопленицы — были ровни по духовной силе и красе слова, но и великих рожала земля русская. Вспомним и Киришу Данилова, и сказителей Рябининых, и плачею Арину Федосову, и сказочницу-былинщицу Марию Кривополенову, за малый рост прозванную Махоней, и даже нашего присаянского земляка Сороковикова-Магая. Их поэзию не вместить в книги, сколько бы их не издавалось на Руси, как сроду не вместить в альбомы все красоты русские. Но вот, скажем, «Причитания северного края» Ирины Федосовой, напечатанные в трех томах (1872—1875 годы), получили всесветную славу. Об этой книге писали статьи знаменитые ученые академики Л.Н.Майков и А.Н.Веселовский. Её поэмы-плачи звучали на больших заседаниях в Российской академии Наук, в Русском географическом обществе, в Археологическом институте, на вечерах у графа Шереметьева и Победоносцева. Ирину Андреевну слушали, читали, с восторженным удивлением писали о её поэмах-плачах и Некрасов, и Римский-Корсаков, и Балакирев, и Шеляпин, и Пришвин, и Твардовский, и даже Горький, не привечавший русского крестьянства; мало того, они и в своём творчестве вдохновлялись поэзией деревенской бабы, которая... не знала книжной грамоты и долго бродила по родимой земле с нищенской котомкой и певучей причетью. Некрасов один из плачей Ирины Федосовой ввёл в поэму «Кому на Руси жить хорошо». Это она, Арина Федосова, деревенщина простая и вещая, увидела ещё задолго до кровавого переворота: «Хоть повыстанем по утрышку ранешенько, / Не о добрых делах мы думу думаем, / **Мы на сонмище бесовско собираемся, / Мы во тяжких грехах да не прощаемся!** / Знать, за наше за велико беззаконие / Допустил Господь ловцов да на киян-море; / Изловили они рыбоньку незнамую, / Повыняли ключи да подземельные, / Повыпустили горюшко великое! / Зло несносное велико это горюшко / По Россиюшке летает ясным соколом, / Над крестьянамы, злодийно, чёрным вороном. (...) Послушайте словеса наши старинные, / Заприметьте того, малы недоросточки! / Уж как это сине морюшко сбущуется, / **Все изме-**

нятся пустыни богомольные, / Разорятся все часовенки спасенные» (выделено мной. — А.Б.). Устное поэтическое слово — вот семенное зерно, из коего взошла, заколосилась русская лирика, и не увяла даже при духовной засухе.

Отчаянным босяком и шатуном забрёл в русскую литературу Алеша Пешков, воспел безродного бродягу Челкаша, зло посмеявшись над мужиком Гаврилой; потом до интеллигентской одури начитался мировой литературы и философии, вдосталь нахлебался европейского искусства и вырос в большого советского писателя Максима Горького. С богоборческой яростью ненавидел сочинения Достоевского, воспевшего любовь ко Христу Богу и русскому простолудью; не любил испоконного раба Божиего, русского крестьянина (девяносто процентов российского народа) с его боголюбием, царелюбием, смирением и терпением, с его замшелым домостроем, но даже он, Максим Горький, буревестник кровавого бунта, измаянный противоречиями, настойчиво советовал начинающим сочинителям: «Я очень рекомендую для знакомства с русским языком читать сказки русские, былины, сборники песен, Библию, классиков. Читайте Афанасьева, Киреевского, Рыбникова, Данилова, Аксакова (...). Кое-что покажется вам скучновато — читайте! Вникайте в прелесть простонародной речи, в строение фразы в песне, сказке, в Псалтыре, в Песне песней Соломона. Вы увидите тут поразительное богатство образов, меткость сравнений, простоту, чарующую силой, изумительную красоту определений. Вникайте в творчество народное — это здорово, как свежая вода ключей горных, подземных, сладких струй. Держитесь ближе к народному языку, ищите простоты, краткости, здоровой силы, которая создаёт образ двумя-тремя словами».

Фреска в храме может жить немеркнуше до скончания света, если храм любовно обихаживать, не давать воли гибельному запустению, а тем паче разрушению и переделу-новоделу; так и слово народное не запустошивать бы, не уничтожать заёмными речениями, но чередой из уст в уста бережно передавать. Вот о какой родной речи порадеть бы государевым людям и смердам, не токмо лишь в Год русского языка, а отныне и довеку, покуда русские во житье и здравии.

«Выскажу убеждение своё прямо: словесная речь человека — это дар Божий, откровение: доколе человек живёт в простоте душевной, доколе у него ум за разум не зашёл, она проста, пряма и СИЛЬНА; по мере раздора сердца и думки, когда человек заумничается, речь эта принимает более искусственную

*постройку, в общежитии пошлет, а в научном круге получает особое, условное значение», — так полагал великий труженик русской речи Владимир Даль. Продолжая выстраданную мысль, можно сказать, что дворянство, — перчаточное словие, по едкому определению Даля, — потом интеллигенция разучились или не научились беседовать с простым народом, красно и мудро вести речь на исконном русском наречии, похожем на летний луг в чудных цветах пословиц, поговорок, присловий, прибауток. Мы, — как испокон века морщатся деревенские, гнилая интеллигенция, — отвадились *красно баить*... балагурить, судачить, и простонародье перестало нас понимать и привечать. А если *деревенские* сочинители начинают живописать, щедро сея в сказовую ниву народные говоры, наша *просвещённая* критика, язвительно скривив рот, усмехается, ухмыляется в нафабранные и надушенные усы: мол, — *щедровитый, красовитый*, — так болтает лишь выжившее из ума, замшелое деревенское старичье на завалинке, а сельский молодняк давно уже говорит, как в городе.*

Мне повезло: долго обитал я в старом селе, бродил по деревням, дивился любомудрию и красе простолюдной речи, что в учёных книгах именовалась *сниженной, просторечной*; позже, перелопатив словари сибирских говоров, составил свои памяти народного красноречия, кои подсобляли мне в создании правдивой языковой картины Забайкалья. И уж могу верно сказать, говорят ли нынче в деревне *«щедровитый, красовитый»*...

Помню, лет десять назад занесло меня бродячим ветром в забайкальское село; оглядываюсь подле сельповской лавки, а тут машина с будкой подворачивает, и высыпали на магазинское крыльцо смешливые доярки и, по-сорочьи треща, залетели в лавку. А как выпорхнули и снова забрались в будку, шофёр (учительский сын, недавно из армии пришёл) высунулся из кабины и кричит смехом: «Но чо, деуки, пристягнулись?..» «Пристягну-улись!.. Но ты шибко-то коня не понужай — чай, не дрова везешь...» «Но тогда полятели, сорочки-вороны...» Вот вам и *«красовитость»*...

Или, помню, удили по тонкому льду на забайкальском озерыще — окуня, сорогу добывали; лунки выдолбили, забормашили — кинули по горстке бормаша, и решили перекурить. А теплыню повеяло, снег влажно и ослепительно искрился, лед на проплешинах синевато, зеленовато, радужно переливался... Здешний рыбак Илья Парфёнович Скоырский хлебнул из фляжки за компанию с приезжими городскими рыбаками и начал было потешные байки заливать

про старопрежнюю рыбалку. А тут городской мужик возьми да и брякни: «Ни-ичего не пойму, о чём ты, старик, базаришь». Обиделся Илья Парфёнович, усмехнулся в заиндевелые усы: «У меня поговор такой, а как уж там по-городски, не знаю. Мы же все чем, чо городские бают, а вы пошто наш поговор не чуετε?.. Али мы не русские, али уж вы отучились по-русски говорить...» А позже с глазу на глаз Илья Парфёнович поведал мне: «Шибко долгую жизнь я живу. Чево токма в жизни не понаслушался, а вот нет ничо лучче, ковда на своем поговоре сказку слушать или другой какой рассказ про старое или новое. Вот ковда от дома далеко, да земляка встренишь, да как услышишь от него два-три слова, которы в твоей деревне слышал с детства, но адали домой, на побывку съездил. Вот чо значит родное слово услыхать...»

Я заматерел среди редких мужиков, которые не анекдоты травили, а любили сказывать побывальщины и байки; я вырос в мудром и украсном языке, а посему согласен с книжными русофилами: приторно читать иногo «русопята», когда тот, словно измываясь над русским словом, за признак или призрак народной, суть крестьянской речи выдает; «чо» и «почо» да «знаш, понимаш», ибо не ведает, что сила и краса народной речи таится в природном, цветастом образе, в притчевом и пословичном любомудрии. Вышезапечатлённые сельские жители — люди простые, речью скудные, вроде моей тётки Нюры, которая, помню, говаривала, глядя в окошко: «Глянь, Дуся-то с хахалем пошли ползунику собирать... От ить, прости Господи, не баба, куль с костями бренчит, а хахаля отхватила — таракан запечный, с усами. Свой-то мужик под святыми лежит, помират, а блудня хвост задрала, по рукам пошла...» Это ходовая деревенская речь, а послушай-ка сельских балагуров, краснобаев да краснопевцев — писатели «деревенщики» смеркнут; они лишь прикоснулись к стихии народной речи и вышли в писатели, возлюбленные простолюдьем.

Теснимая, угнетённая хамом технократии речь краснопевная и по сей день не увяла в северных и сибирских деревнях. Хотя образованщина, властвующая в литературе со второй половины прошлого века и поныне, насаждая русскоязычную речь, сокрушала любомудрый и украсный просторечный язык, обзывая его «*сниженным*», давая в языке поблажку лишь всесветно славленным «деревенщикам»: Астафьеву, Белову, Распутину, Личутину... Русскоязычное безродство, царящее в нынешней литературе, премиально обласкало сих писателей, но, разумеется, не из любви к их просторечной

прозе: чужд безродству и безпамятству крестьянский мир... но лишь из любви к их былым орденам и медалям, лишь для украшения своих жирных премий, для прославления своих безродных сочинителей-обличителей, коих силком впахивали в один наградной ряд с писателями, коих прославила Красная Империя. Но про себя сокрушители народного языка, похоже, зареклись: уйдут последние именитые «деревенщики», и больше к премиальному корыту не подпустят уже ни одного крестьянского писателя с его сельской речью. Жаль, что сокрушителям подсобляли и русские влиятельные писатели, издатели и редактора, возвращённые на разночинной речи, исподволь отвергающие в отечественной словесности простонародный дух, простонародную плоть, навязывая усреднённый, выхолощенный либо искусственно метафорический книжный язык.

В исходе народной, природной речи есть и неизбежность, вытекающая из технократической *апокалиптической* цивилизации: со дня на день канет в вечность древний крестьянский мир и примыкающий к нему ремесленный, порвутся нити, связывающие сии миры с природой, и вместе с душами почивших отичей и дедичей покинет родимую землю притчевое, природно-образное слово. В русской литературной среде, не говоря о русскоязычной, лишь дюжина писателей на всю Россию-матушку с горем пополам владеет русским пословичным говором, прочие — искусственно метафорическим, по скудости ли, по лукавости ума величая своё *что-во* русской литературой, да ещё и бахвально прибавляя: «художественная», хотя художник в их опусах сроду не ночевал.

Измыслили скудоумцы да лукавцы, что *художественная* проза может быть и *языковая*, а может быть и *безъязыкой*, где якобы верховодит процветающая мысль. Я уже писал в литературных заметках, что не может быть *неязыковым* произведение художественной прозы, как не может быть живописи без *живописности*. БезОбразное сочинение — безобразно, скудоумно, ибо если слово благолепно и украсно, то и произведение любомудро.

Русские крестьяне, мистически исходя *от креста* и *Христа*, выражали земные и небесные мысли не мертвецки условным, научным языком, но образным и притчевым, а образы, как Иисус Христос в поучениях и заповедях, брали из крестьянской и природной жизни. Вспомним глаголы вечной жизни: «*Уже бо и секира при корени древа лежит: всяко древо, еже не творит плода добра, посекаемо бывает, и в огонь вметаемо*»; или: «*Его же Лопата в руке Его, и отеребит гумно*

Свое, и соберет пшеницу Свою в житницу, плевелы же сожжет огнем неугасающим». Удивительно, что Сын Божий говорит не *научнообразно* в отличие от книжников и фарисеев, но беседует с народом на языке крестьян и рыбаков, щедро расцветчивая речь пословицами и поговорками; по воле Божией сей горний, благолепный речевой лад обретали апостолы, святые отцы, старцы-наставники, древнерусские летописцы, православные писатели, особо средневековые, изредка и мирские, и даже современные.

Итак, евангельская образно-языковая система — из природно крестьянской жизни, а Творец — Поэт; в «Символе веры» слова «Творца неба и земли» звучат по-гречески так: «Поэта неба и земли». Поэт Христос, как Бог слитый в Святой Троице, сотворил небо и землю; Поэт Христос, как Сын Человеческий, в земном обитании любовался и дивился природе — Творению Божию и поэтически воспевал её в притчах. «Посмотрите, — говорит Поэт Христос, — на лилии полевые, которые не трудятся не прядут, на которых Бог одевает лучше, чем Соломона во славе его. Посмотрите на птицы небесныя, на рыбы морския, на семена, падающие на землю из руки сеятеля — за земной красотой открывается высшая красота и мудрость. Природа говорит о Царстве Божием и своей красотой она дает нам желание жизни, превосходящей земную. Все поэты непрестанно утверждают это». (Протоиерей Александр Шаргунов)

Но образный, пословично-поговорочный, прибауточный язык былого русского крестьянства, воплощённый в обыденной речи, в устной, а, случалось, и книжной прозе и поэзии, бытовал не ради самоценности языка, не ради пустомельного краснобайства, но из русского любомудрия да ради зримого и впечатляющего выражения народной жизни. Ведь и Сын Божий, и святые отцы поучали притчевым, по-крестьянски пословичным, природно образным языком лишь ради благолепного и украсного воплощения в слове любви к Царю Небесному, к брату и сестре во Христе.

Образная речь — мудра, во всякой фразе мыслёмка: вот немудрящая пословица: «Не отвалится голова, так вырастут волосы». Не для красного же словца эдак речено, а чтобы в одну образную фразу вместить горную мудрость смиренного и безунывного земного жития. В «тёмном, забитом» деревенском народе говаривали: «Своя воля страшнее неволи» — здесь в четырёх словах великий богословский трактат о языческой воле, что по грани вседозволенности, и христианской воле, где даже раб галерный в душе волен, ибо он лишь раб Божий... Пословица сия — воистину проповедь, достойная

боговдохновенного священника... В народе так же говорили: «вольный» про скверное, непослушное чадо; «за волю взялась или взялся» — про девку либо парня, кои сломя голову кинулись во все тяжкие... Воля мирская — великий искус лукавого...

Пав ниц перед величием народной речи, большой знаток русских календарных обрядов и обычаев Иван Сахаров возмутился: «Было время, когда я слышал, как в городах и сёлах русские, наученные заморскими бродягами, с презрением говорили, что русский язык есть язык холопский, что образованному человеку совестно читать и писать по-русски, что наши песни, сказки и предания глупы, пошлы и суть достояние подлого простого народа, деревенских мужиков и баб, что наша народная одёжа (повязка, кокошник, сарафан и кафтан) заклеимены презрением, осуждены Европой на изгнание и носят на себе отпечаток холопства, вынесенного из Азии». Воистину, не понимали народную речь, а с речью и народную душу, очень многие дворяне с различинцами, как и нынешняя *образованщина*, даже в классических университетах изучавшая русский язык и стилистику. В словарях, и учебниках, по которым они *проходили* или *пробежали* русский язык, мудрая, звучная и живописная простонародная речь именовалась грубо-просторечной, лексически сниженной.

На закате девятнадцатого и на кровавом восходе двадцатого века свирепо порадели на ниве русского книжного языка местечковые литераторы и прочие шелкопёры, о чем писал опять же Куприн в мужественном и откровенном письме Ф.Д. Батюшкову: «...Но есть одна — только одна область, в которой простителен самый узкий национализм. Это область родного языка и литературы. А именно к ней евреи — вообще легко ко всему приспособливающиеся — относятся с величайшей небрежностью. Ведь никто, как они, внесли и вносят в прелестный русский язык сотни немецких, французских, польских, торгово-условных, телеграфно-сокращённых, нелепых и противных слов. Они создали теперешнюю ужасную по языку нелегальную литературу и социал-демократическую брошюратину. Они внесли припадочную истеричность и пристрастность в критику и рецензию. Они же, начиная от «свистуна» (словечко Л.Толстого) М.Нордау и кончая Оскаром Норвежским, полезли в постель, в нужник, в столовую и в ванную к писателям. Ради Бога!.. идите в генералы, инженеры, учёные, доктора, адвокаты — куда хотите! Но не трогайте нашего языка, который вам чужд и который даже от нас, вскормленных им, требует теперь самого нежного, самого бережного и любовного отношения».

Разумеется, в сравнении со стародворянской, все же хоть и нерусской по духу и узору, но по-французски утончённой, в сравнении с книжно-разночинной, нынешняя ходовая устная и письменная русскоязычная речь похожа на серый железобетонный дом с крикливыми щитами рекламы на *ломанном* английском языке. Это язык не русской, не английской — серой расы... А как сказал некогда евразийский поэт: «Серая раса — сволочи...» Неживая, пластмассовая речь была прозвана учёными мужами *макаронической*, ибо жутко замусорена иноземными варваризмами, о которые язык сломаешь, мозги свернёшь, которые, как мужики смеются, без бутылки и не вышепчешь. Все эти *приватизации, номинации, презентации, рокеры, брокеры, ракеты, дилеры, мэры, пэры, клипы, шопы, шоу*... — обрыдли здоровому русскому уху; это — иноземная технократическая свалка в оскудевшей ныне, но некогда щедрой и вольной, красивой природе народного языка; и как бы нам избавиться от языковой помойки, поскольку многим иноземным речениями есть заменители в родном наречии?!

Мы вроде стесняемся перед Европой и Америкой своего родного языка, как и народной культуры, пялим на широкую русскую кость аглицкие панталоны, а штаны заморские трещат по швам. (Даже наши сельские специалисты, коим сам Бог ссудил легко и вольно владеть народным говором, поскольку общаются с деревенским человеком, и те сплошь и рядом не умеют говорить с простонародьем на их исконном наречии; и себя, и крестьян величают аграриями; и так это звучит смешно да грешно, когда агрономы возглашают: *в поля аграрии навоз вывозили*...) Помню, некий образованец принародно вещал про форсистого артиста: мол, у него харизма своеобразная, на что простоватый мужичок пожал плечами: дескать, харя как харя, ничего особого. Пристрастие русской поросли к английскому языку и англоязычной культуре — признак яремного, колониального, холопского сознания.

В конце восемнадцатого века поэт Александр Сумароков упреждал русаков: «Вовек отеческим языком не гнушайся, / И не вводи в него чужого ничего, / Но собственной своей красою украшайся...» Даже Иван Тургенев, несмотря на свои поздние либерально-западнические, германофильские воззрения, невзирая на резкое неприятие русской народности (роман «Дым»), слёзно умолял: «Берегите чистоту языка, как святыню! Никогда не употребляйте иностранных слов. **Русский язык так богат, что нам нечего брать у тех, кто беднее нас**».

А уж как страдал и печалился о русской речи, засорённой чужеземной тарбарщиной, Владимир Даль, великий знаток

народной языковой Вселенной: «Смесь нижегородского с французским (ныне, английским. — А.Б.) была мне ненавистна по природе...»

И чего уж нам пресмыкаться, выстилаться перед тем же английским языком, если, как поведал Гавриил Державин: «*Славяно-российский язык, по свидетельству самих иностранных эстетиков, не уступает ни в мужестве латинскому, ни в плавности греческому, превосходя все европейские...*» Пристрастие к чужеземной речи, французской, потом английской — беда холопского сознания и оторванного от народной мудрости западноевропейского безбожного просвещения. Александр Пушкин с горькой иронией писал в стародавние времена, а вроде нынче:

*Ты просвещением свой разум осветил,
Ты правды лик увидел,
И нежно чуждые народы возлюбил,
И мудро свой возненавидел.*

В нынешнем веке к чужебесному просвещению добавилась ещё и голубоэкранный порча.

Говоря о засорении русского языка чрезмерными иноземными заимствованиями, я не навязываю так называемого *пуризма*, в чем многоученные русисты — особо либерально-демократического толка — некогда обвиняли министра просвещения, президента императорской Академии наук, вице-адмирала Александра Семёновича Шишкова мелкими придириками вроде *мокроступов*, пытаясь сжить со света его великие письменные труды о русской речи, как языке самом древнем, являющем собой корни и ствол, от коих ветвями в незапамятные времена выросли европейские языки. «Наш язык — древо, породившее отрасли наречий иных... Да умножится, да возрастет усердие к русскому слову и в делателях, и в слушателях!.. Я почитаю язык наш столь древним, что источники его теряются во мраке времён; столь в звуках своих верным подражателем природы, что, кажется, она сама его составляла; столь изобильным в раздроблении мыслей на множество самых тонких отличий, и вместе столь важным и простым, что каждое говорящее им лицо может особыми, приличными званию своему словами объясняться...» — писал он.

Великий радетель испоконной русской речи Александр Семёнович Шишков ратовал за изыскание в многовековой истории родного языка истинно русских слов взамен чужезанных, и само это желание похвально для русского госу-

дарственника. А уж о мере эдакого желания судить трудно. Мало того, министр просвещения, ополчившись даже на святителя Филарета, митрополита Московского, был рьяным противником перевода Священного Писания с церковнославянского на светский язык, впрочем, как и иные члены патриотического общества «Беседа любителей русского слова», которое и возглавлял вождь консервативной русской мысли в России.

«Сей «муж отечестволюбивый», бесспорно, является одним из столпов русской культуры XIX века, — соглашается Александр Сегень, посвятивший великому консерватору немало страниц в романе о святителе Филарете. — В молодости браваый моряк, с ранних лет одновременно начавший увлекаться филологией и переводить на русский язык иностранные книги, он был стойким противником засорения русского языка иностранщиной и успешно боролся за сохранение самобытности нашей речи. (...) В 1803 году Шишков опубликовал свой важнейший труд «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка». В 1805 году вышел в свет его перевод «Слова о полку Игореве». В 1810 он создал общество «Беседа любителей русского слова». Все мы помним, как озорники, дурачась над стремлением Шишкова находить русскую замену иностранным словам, придумали такую дразнилку: «Хорошилище идёт по гульбищу из позорища на ристалище», что в переводе на иностранные заимствованные слова означало: «Франт идёт по бульвару из театра в цирк». Помним и злые эпиграммы Пушкина на Шишкова. Но если внимательно прочитать шишковское «Рассуждение о старом и новом слоге», содержащее обширный словарь русских слов, которые Александр Семёнович предлагал воскресить, заменяя ими заморские, нетрудно увидеть, как много этих слов Пушкин использовал в своих произведениях, тем самым, проведя в жизнь мечты Шишкова! Так что и Александр Семёнович приложил руку к созданию русского литературного языка. Когда в 1817 году родилось министерство духовных дел и народного просвещения, которое возглавил ненавистный Голицын, Шишков, конечно же, сразу стал яростным врагом этого учреждения. Не переставал он бороться и с библейским обществом, открыто называя его членов пособниками мирового протестантизма. Голицына он обвинял в упадке нравственности, в разгуле свободомыслия и антиправославного мистицизма. Шишков говорил: «Кажется, как будто все училища превратились в школы разврата, и кто оттуда ни выйдет, тотчас покажет, что он совращён с истинного пути и голова у него набита пустотой, а сердце самолюбием, пер-

вым врагом благоразумия». А о переводах Библии на новый язык Александр Семёнович отзывался так: «Это переводы с языка Церкви на язык театра». Семидесятилетний президент Российской академии наук адмирал Шишков стал министром народного просвещения.

В 1815 году Пушкин писал свою известную эпиграмму «Угрюмых тройка есть певцов — Шихматов, Шаховской, Шишков»; а во «Втором послании к цензору» Александр Сергеевич иначе написал об Александре Семёновиче и его новом назначении: «Обдумав, наконец, намеренья благие, / Министра честного наш добрый царь избрал, / Шишков наук уже правленье восприял. / Сей старец дорог нам: друг чести, друг народа, / Он славен славою двенадцатого года; / Один в толпе вельмож он русских муз любил, / Их, незамеченных, созвал, соединил...»

Одновременно Шишкова назначили главноуправляющим делами иностранных вероисповеданий. Наконец-то в России началась борьба с иностранным засильем, с раболепным почитанием всего европейского и презрением всего русского. Во главе этой борьбы встал тот, кто ещё тринадцать лет назад в своём «Рассуждении о любви к Отечеству» писал: «Воспитание должно быть отечественное, а не чужеземное. Учёный чужестранец может преподавать нам, когда нужно, некоторые знания свои в науках, но не может вложить в душу нашу огня народной гордости, огня любви к отечеству, точно так же, как я не могу вложить в него чувствований моих к моей матери... Народное воспитание есть весьма важное дело, требующее великой прозорливости и предусмотрения. Оно не действует в настоящее время, но приготовляет счастье или несчастье предбудущих времён, и призывает на главу нашу или благословение, или клятву потомков».

А ещё раньше, в своём знаменитом «Рассуждении о старом и новом слоге русского языка»: «Какое знание можем мы иметь в природном языке своём, когда дети знатнейших бояр и дворян наших от самых юных ногтей своих находятя на руках у французов, прилепляются к их нравам, научаются презирать свои обычаи, нечувствительно получают весь образ мыслей их и понятий, говорят языком их свободнее, нежели своим, и даже до того заражаются к ним пристрастием, что не токмо в языке своём никогда не упражняются, не токмо не стыдятся не знать оногo, но ещё многие из них с им постыднейшим из всех невежеством, как бы некоторым украшающим их достоинством хвастают и величаются. Будучи таким образом воспитываемы, едва силой необходимой наслышки научаются они объясняться тем всена-

родным языком, который в общих разговорах употребителен; но каким образом могут они почерпнуть искусство и сведение в книжном или учёном языке, столь далеко отстоящем от сего простого мыслей своих сообщения? Для познания богатства, обилия, силы и красоты языка своего нужно читать изданные на оные книги, а наипаче превосходными писателями сочинённые».

Но он же был не только ненавистником Голицына, но и противником святителя Филарета. Удивительно, как порой бывают врагами люди, коих потомки почитают с одинаковым благоговением! Шишков яростно выступал против перевода Священного Писания и филаретовских катехизисов. (...) Новый министр просвещения добился запрета на печатание как большого, так и малого катехизисов, а также потребовал остановки перевода Библии на современный язык и получил одобрение» (Александр Сегень. «Филарет Московский». Молодая гвардия, 2011 г.).

При использовании заёмной речи, как справедливо заметил Белинский, необходимо здравомыслие и здравкусие, дающее русскому человеку чувство языковой меры.

Но самая страшная напасть в нынешнем *русском* языке — натиск хамского тюремного жаргона, а то и просто подзаборной брани в разговорную, да и книжную речь, отчего похожа на свалки в дачных березняках нынешняя речь. Опять на Руси воцарился местечковый хам с жаргоном. Уйму слов испохабила нынешняя нерусская — русскоязычная речь; воскликнешь: «голубое небо» — похабно ухмыльнутся, пропойшь: «голубой вагон бежит, качается...» — похабно рассмеются, помянешь иркутский полустанок Голубые ели — ёрники добавят: и пили. Вот дожили: уже и эпитеты голубой, красный, коричневый, красно-коричневый, оранжевый... в песенную строку грешно лепить, двусмысленно выходит.

Да, в старорусской деревне обитали мужики, а ино и бабы, одержимые бесом сквернословия, и старухи, отмахиваясь, боязливо крестясь, плевали под ноги матюжникам, а старики сокрушенно качали головами: «И как ты сим поганым ртом хлеб ешь?! как отца и мать поминаешь?! не говоря уж о Боге...» В начале прошлого века, когда ещё девяносто процентов крестьянского населения, слава Богу, владело величавым пословично-поговорочным, природно-образным, божественным языком, жаргон ядовито расцветал лишь в либерально-демократической, газетной и литературной местечковой, одесской «малине». А теперь русскоязычному жаргону полная воля, родному языку — скорбная неволя. Это как

российские правители презирают свой народ, свою отеческую речь, чтобы позволить такое, когда по радио и телевидению, в поездках, самолётах, автобусах денно и ночью звучат уголовно-жаргонные, богомерзкие «песенки» — вроде: «Я беременна, беременна, беременна, но это временно, временно, временно...», когда жаргон и мат, словно ядовитые помои из взорванной канализации, захлестнули нынешнее кино и, к великой скорби, даже и российскую литературу. Невольно помянешь, опять же, Александра Шишкова: «Хочешь погубить народ, истреби его язык».

Краса и сила речи в умении мастерски расцветить её метким образным словом, народным речением, кое шлифовалось веками. Народная мудрость своё высшее и поэтическое воплощение нашла в пословицах и поговорках и даже в загадках. Народ осознавал особенное, заглавное положение пословиц и поговорок в родном языке, что и выразил устно: *«Красна речь с притчею; пословица ведётся, как изба венуком метётся; пословица недаром молвится; на твою спесь пословица есть; белый свет не околица, а пустая речь не пословица».*

Не все пословицы и поговорки, разумеется, являют собой образцы высокой христианской духовности, но они запечатали живую и верную, яркую картину народной психологии, отобразили и противоречивость русского характера, вмещающего в себя непостижимую миру самоотрешённую любовь к Богу и ближнему, но и отчаянные, безрассудные языческие страсти. Есть там и Христова Церковь, и бесовский кабак... Пословицы и поговорки разом выказали эти порой взаимоисключающие стороны русского характера, противостоящие народные типы: *«Без Бога ни до порога; Бог не захочет и прыщ не вскочит»*, и в то же время: *«На Бога надейся, да сам не плошай; Гром не грянет, мужик не перекрестится»*, а то и похлеще: *«Украл да продал — Бог подал; Господи, прости, в чужую клеть пусти; подсоби нагрести и вынести; Не убьёшь, не украдёшь — не будешь богат, а будешь горбат».*

Русские пословицы и поговорки собирали, записывали Ломоносов, Пушкин, Добролюбов, А.Кольцов, Гоголь, А.Островский, Салтыков-Щедрин, Л.Толстой, М.Горький. Но ничто не сравнится с великим трудом, народным подвигом, что совершил учёный диалектолог, этнограф и писатель Владимир Даль (Казак Луганский), за несколько десятилетий собравший более 30 тысяч пословиц и поговорок, метких слов и присловий, расписавший их в строгую тематическую систему. Нельзя забывать, что народовед одновременно трудился и над многотомным «Словарём живого русского языка».

Благословил и вдохновил Владимира Даля на создание сборника «Пословиц русского народа» (да и «Толкового словаря живого великорусского языка») Александр Пушкин, любивший русскую пословицу не менее сказки. Владимир Даль вспоминал: «А как Пушкин ценил народную речь нашу, с каким жаром и усладой он к ней прислушивался, как одно только кипучее нетерпение заставляло его в то же время прерывать созерцания свои шумным взрывом одобрений и острых замечаний и сравнений».

П.И. Бартенева в «Рассказах о Пушкине» писал: «За словарь свой Даль принялся по настоянию Пушкина». А в статье посвящённой памяти Даля, Бартенева подтвердил: «Сближение с Жуковским, а через него с Пушкиным утвердило Даля в мысли собрать словарь живого народного русского языка. В особенности Пушкин деятельно ободрял его, перечитывал вместе с ним его собрание и пополнял своими сообщениями». Во время одной из последних встреч с Владимиром Далем Александр Пушкин воскликнул с восторгом и горечью: «Сказка сказкой, а язык наш сам по себе; и ему-то нигде нельзя дать этого русского раздолья, как в сказке. А как это сделать?.. Надо бы сделать, чтоб выучиться говорить по-русски и не в сказке... Да нет, трудно, нельзя еще! А что за роскошь, что за смысл, какой толк в каждой поговорке нашей! Что за золото! А не даётся в руки, нет». Пушкин не скромничал, исповедально и поклонно опустив голову перед величием народной поэзии, хотя и гений-то пушкинский, чудо его поэтическое, первоначально в том, что он, дворянин, казалось бы взросший на английских и французских романах, сумел (поклон Арине Родионовне) пробиться к народно-православному духу и крестьянскому слову и тем самым воспарил над поэтами «золотого века», коих Господь тоже не обделил талантами.

Нелёгкой была судьба «Пословиц русского народа», собранных, обработанных и тематически обустроенных Владимиром Далем. С добрым вниманием, глубоким интересом следили за его титаническим трудом писатели, критики славянофильского крыла русской общественной мысли. «Греч и Пушкин горячо поддерживали это направление моё, — вспоминал учёный, — также Гоголь, Хомяков, Киреевские, Погодин; Жуковский был как бы равнодушнее к этому и боялся мужичества». Сложнее было отношение к сборнику Даля со стороны *многоученого сословия* — чопорных академиков и самого императорского двора, испугавшегося «деревенской теме и мужичества», не воспринявших правду о народе русском, пусть даже в его мучительном противоречии христианского и языческого.

Если академик Востоков, в целом одобрив сборник, сомневался в необходимости включать в него пословицы и поговорки на религиозные темы, то протоирей-академик Кочетов резко осудил труд Даля и выступил против его публикации. Кочетов считал, что «памятник мудрости народной» должен явиться драгоценным подарком русскому народу, преподнесённым человеком, «обращающимся в лучшем обществе», «знающим светские приличия», а сборник Даля «чуждый отбора и порядка; в нем есть места, способные оскорбить религиозные чувства читателей; есть изречения, опасные для нравственности народной». Это «бочка меду да ложка дёгтю», «куль муки да шепотка мышьяку» — вздыхал академик Кочетов и пояснял свою скорбь: «Нет сомнения, что все эти выражения употреблялись в народе, но народ глуп и болтает всякий вздор».

И хотя Даль был человеком завершённых православно-монархических убеждений, что, кстати, выразилось и в подборе пословиц, император Николай I высказался против публикации сборника. У императора Николая I, как и у академика Кочетова, была своя правота — забота о православной духовности и нравственности вверенного ему Богом народа (он бы и хотел, чтобы сборник пословиц, очистившись от языческих суеверий, был духовно-нравственным поучением), Даль же в «Пословицах русского народа» показал полную, неискажённую картину народного мировоззрения в противоречии христианского и суеверно-языческого, духовного и хозяйственно-материалистического. Он в «Напутном слове» и укоряет, обращаясь к себе: «Кто дал тебе право выбирать и браковать? Где предел этой разборчивости? Ведь ты набираешь не *цветник*, а *сборник*...» Хотя, тем не менее, подчеркивая, что набожность — православность — основная черта русского человека (суть, крестьянина, который составлял в далевскую пору более девяноста процентов населения России), да порой доходящая до юродивости, но ласковая, теплая набожность, какая и не снилась европейским народам, а суеверно-языческое — есть лишь побочное и грешное в русском характере. Но ведь один Бог без греха...

Российские деятели из просвещённого общества пытались загнать русское простонародье в ложе своих идеологий: правящей православно-монархической верхушке хотелось видеть его лишь в смиренных крестьянских трудах от темна до темна, в домостроительстве и молитвах, либералам же потребен был народ безбожный и бунтующий; но русскому простонародью и то и другое идеологическое ложе оказалось узким, — народ был сложнее, загадочнее, и, к сожалению, духовно противоре-

чивее. Отчего и рождались в нашем отечестве великие и кровавые смуты и духовные трагедии. И это правда, от которой не откреститься крестом, не отбиться пестом.

Русская народная культура и мудрость, — это крестьянская культура и крестьянская мудрость. С такой любовью сказал об этом Александр Куприн в своём поклонном слове русскому крестьянину. «Когда, говорят «русский народ», я всегда думаю — «русский крестьянин». Да и как же иначе думать, если мужик всегда составлял 80% российского народонаселения. Я, право, не знаю, кто он, богоносец ли, по Достоевскому, или свинья, по Горькому. Я знаю только, что я ему бесконечно много должен, ел его хлеб, писал и думал на его чудесном языке, и за всё это не дал ему ни соринки. Сказал бы, что люблю его, но какая же это любовь без всякой надежды на взаимность».

Словом, народная мудрость, выраженная, в том числе, и в пословице, — это крестьянская мудрость, и уж никак не дворянская или интеллигентская. Об этом писал Владимир Даль в «Напутном слове» к своему сборнику «Пословицы русского народа»: «Что за пословицами и поговорками надо идти в народ, в этом никто спорить не станет; **в образованном и просвещённом обществе пословицы нет**; попадают слабые, искалеченные отголоски их, переложённые на наши нравы или испошленные нерусским языком, да плохие переводы с чужих языков. Готовых пословиц высшее общество не принимает, потому что это картины чуждого ему быта, да и не его язык; а своих не слагает, может быть, из вежливости и светского приличия: пословица колет не в бровь, а прямо в глаз. И кто же станет поминать в хорошем обществе борону, соху, ступу, лапти, а тем паче рубаху и подоплёку? А если заменить все выражения эти речениями нашего быта, то как-то не выходит пословицы, а сочиняется пошлость, в которой намёк весь выходит наружу.

(...) У нас же, более чем где-нибудь, просвещение — такое, какое есть, — сделалось гонителем всего родного и народного. (...) Только в самое последнее время стали догадываться, что нас леший обошёл, что мы кружим и плутаем, сбившись с пути, и зайдём неведомо куда. С одной стороны, ревнители готового чужого, не считая нужным изучить сперва своё, насильственно переносили к нам всё в том виде, в каком оно попадалось и на чужой почве, где оно было выстрадано и выработано, тогда как тут могло приняться только заплатами и лоском; с другой — бездарность опошшила то, что, усердствуя, старалась внести из родного быта в перчаточное со-

словие. (...) Как бы то ни было, но из всего этого следует, что если не собрать и не сберечь народных пословиц вовремя, то они, вытесняемые уровнем безличности и бесцветности, стрижко под гребёнку, то есть общенародным просвещением, изникнут, как родники в засуху.

Простой народ упорнее хранит и сберегает исконный быт свой, и в косности его есть и дурная и хорошая сторона. Отцы и деды — для него великое дело; не раз ожёгшись на молоке, он дуёт и на воду, недоверчиво принимает новизну, говоря: «Всё по-новому да по-новому, а когда же будет по-доброму?» Он неохотно отступает от того, что безотчётно всосал с матерним молоком и что звучит в мало натруженной голове его складную речь. Ни чужие языки, ни грамматические умствования не сбивают его с толку, и он говорит верно, правильно, метко и красно, сам того не зная. Пословицы и поговорки слагаются только в пору первобытной простоты речи, и, как отрасли, близкие к корню, стоят нашего изучения и памяти» (выделено мной. — А.Б.).

Я сожалею, что нынешние сельские жители, сплошь и рядом погрязшие в мрачной и безысходной гульбе, в нищете и лени, забыли, что они соль земли, что они не серая тупая масса, что они народ — народ великий, что вся культура и русская мудрость искони от деревни. Но, тем не менее, видя, что даже на фоне сельской порухи крепнут трезвенные, азартно работающие, сноровистые мужики, я верю, что тяжёлые испытания пройдут по русскому крестьянству очистительным огнём, и сильные не только выживут, но снова, — лишь в деревнях зазвонят православные колокола — станут духовным, нравственным, культурным ядром нашей измученной, оживающей из пепла, нации. А потом и заговорят *по-русски...*

Не забудем же вещее слово Василия Шукшина: «Русский народ за свою историю отобрал, сохранил, возвёл в степень уважения такие человеческие качества, которые не подлежат пересмотру: честность, трудолюбие, совестливость, доброту... Мы из всех исторических катастроф вынесли и сохранили в чистоте великий русский язык, он передан нам нашими дедами и отцами... Уверуй, что всё было не зря, наши песни, наши сказки, наши неимоверной трудности победы, наше страдание — не отдавай всего этого за понюх табаку. Мы умели жить. Помни это. Будь человеком».

г. Иркутск

Николай ТРЯПКИН

Николай Иванович Тряпкин родился 19 декабря 1918 года в деревне Саблино Тверской губернии в семье крестьянина-столыра. В 1930 году семья переехала в подмосковное село Лотошино, где Николай Иванович в 1939 году окончил школу, а затем поступил в Московский историко-архивный институт. Начавшаяся война резко изменила ход жизни. На фронт не взяли, и в числе эвакуированных Тряпкин оказался в деревне под Сольвычегодском, где впервые обратился к поэзии. С тех пор в его поэзии господствовали деревенский уклад и деревенская мистика. И даже переезд в Москву лишь укрепили ее.

Осенью 1943 года Тряпкин возвращается домой к родителям. В 1945 году показывает свои стихи Павлу Антокольскому, который не только одобрил их, но и содействовал публикации в журнале «Октябрь». Почти до конца жизни поэт продолжает жить в Подмосковье, лишь незадолго до смерти получает московскую квартиру. Его любят, ценят и... не замечают. Выходят книги, о них пишут, но в целом его поэтическая философия «общего дела», проистекающая из нравственных исканий русского народа, далека от господствующей лирики. Он, может быть, оказался последним поэтом русской глубинки, русского лада. Он не был чисто крестьянским поэтом, но всё пропускал через свой крестьянский мир. Он был вольным хранителем русского слова. Не боялся и затронуть трагические темы раскулачивания, коллективизации, тяжелой жизни крестьянства. В последний период своего творчества резко выступал против перестройки и разрушения России. За книгу стихов «Разговор по душам» первым из русских поэтов получил Государственную премию России (1992). Один из последних классических поэтов XX в. Умер в Москве 20 февраля 1999 года.

МАТЬ

Когда Он был, распятый и оплётанный,
Уже воздет,
И над крестом горел исполосованный
Закатный свет, —
Народ притих и шёл к воим привалищам —
За клином клин,

ЛАРЕЦ

А Он кричал с высоко распялища —
Почти один.
Никто не знал, что у того Подножия,
В грязи, в пыли,
Склонилась Мать, родительница Божия —
Свеча земли.
Кому повем тот полустон таинственный,
Кому повем?
«Прощаю всем, о Сыне мой единственный,
Прощаю всем».
А Он кричал, взывая к небу звездному —
К судьбе Своей.
И только Мать глотала кровь железную
С Его гвоздей...
Промчались дни, прошли тысячелетия,
В грязи, в пыли...
О Русь моя! Нетленное соцветие!
Свеча земли!
И тот же крест — поруганный, оплётанный.
И столько лет!
А над крестом горит исполосованный
Закатный свет.
Всё тот же крест... А ветерок порхающий —
Сюда, ко мне:
«Прости же всем, о сыне мой страдающий:
Они во тьме!»
Гляжу на крест... Да сгинь ты, тьма проклятая!
Умри, змея!..
О Русь моя! Не ты ли там — распятая?
О Русь моя!..
Она молчит, воззревши к небу звездному
В страде своей.
И только сын глотает кровь железную
С её гвоздей.

1993

* * *

Среди лихой всемирной склоки,
Среди пожаров и смертей
Все реки наши и потоки
Для нас всё ближе и святей,

И каждый цвет, и прозябанье,
И солнца вешнего набат..

Земля моя! Мое сказанье!
Мой неизбывный Вертоград!

Но как страшны твои дороги
Среди людских кровавых смут!
Какие дьявольские роги
Из каждой пропасти ревут!

И рвутся взрывы огневые,
Живую плоть твою губя.
И не хотят сыны мирские
Прожить достойными тебя.

И кто решит: какую участь
Готовит нам железный хай?
И я молю твою живучесть
И вновь кричу: не иссякай!

Увы! Не древние Титаны
Из бездны дыбом поднялись,
А племена твои и страны
В звериной ярости сплелись.

И расщепляются стихии,
И рвутся тверди под Ядром.
И снова ты, моя Россия,
Встаёшь смиренным щитом.

Прости, великая Отчизна!
Не утомлю тебя хвалой.
Но не справляй последней тризны
Над этим прахом и золой.

Не допусти такого срока!
Да сгинет в прорву сатана!
И подвиг святости высокой
Зачтут Иные времена.

И повторят твоё названье
И всякий зверь, и всякий гад...
Земля моя! Моё сказанье!
Мой неизбывный Вертоград!

1982

* * *

Не алтари и не пророчества,
Не брага Звёздного Ковша —
Меня хранит от одиночества
Моя крестьянская душа.

И всеми стужами вселенскими
Не заглушить моих углей.
Горю дровами деревенскими,
Дышу от дедовских печей.

И суть моя такого качества —
За звёздный короб не дрожу.
И к пряслу сельского землячества
Пегаса крепче привяжу.

Тому ль святителю извозному
Служи, мой конь, по мере сил.
Из деревенской нашей роздыми
Ты никогда не выходил.

Не постесняйся, будь товарищем,
Люби оглобли и супонь.
И пусть про Вязьму и про Старицу
Опять звенит моя гармонь.

И снова сочными отавами
Дохнут поляны в сентябре.
И вновь за теми переправами
Запахнет гарью на заре.

И никакого там пророчества,
И никаких других святынь...
А если жить уж так расхочется —
Да примет отчая польнь!

1981

РОМАНС

Эта поздняя грусть с переборами!
Этот горестный женский уют!
Ах, закроется бедными шторами
И примолкнем на десять минут.

Уж давно отцвели одуванчики
И развеялись пухом с полей.
И поблекли твои сарафанчики,
И повыщвели стрелки бровей.

Угости же орехами грецкими,
Для меня ведь до слез хороши
И твои сундучки городецкие,
И твои чухломские ковши.

Пронесутся года недалёкие,
И не век уже нам вековать.
Разойдёмся с тобой одинокие,
Будем в разных концах помирать.

И все грустные наши свидания,
И все речи твои и мои
Зацветут в наших снах, как предания,
Запоют, как весной соловьи.

И твои сарафанчики блёклые,
И твоё немудрое жильё
За моими закатными стёклами
В божество превратятся моё,

Зазвучат стиховыми повторами,
Семицветной дугой зацветут..
Ах, закроемся бедными шторами
И примолкнем на десять минут.

1981

* * *

Не бездарна та природа,
Не погиб ещё тот край.
Н.А. Некрасов

Не бездарна та планета,
Не погиб ещё тот край.
Если сделался поэтом
Даже Тряпкин Николай.

Даже Тряпкин Николай
Ходит прямо к Богу в рай.
И Господь ему за это
Отпускает каравай.

Отпускает каравай
И кричит: «Стихи давай!
А врагов твоих несчастных
Я упрячу в гроб-сарай.

И в твоём родном районе
Я скажу в любом доме:
Дескать, Тряпкин — в пантеоне,
Ставьте памятник ему.

Заявляю, дескать, прямо —
И с того, мол, и с сего:
Для таких не жалко храма,
Пойте песенки его.

Ты же, Тряпкин Николай,
Заходи почаще в рай.
Только песенки плохие
Ты смотри не издавай.

А не сделаешь такого,
Я скажу, мол: «Ах ты, вошь!»
И к Сергею Михалкову
В домработники пойдёшь.

1973

СТАРИННЫЕ ПЕСНИ

Что мне шумит, что мне звенит
Далече рано пред зарями?
Слово о полку Игореве

Старинные песни, забытые руны!
Степные курганы, гуслирные струны!
Далёкая быль!
Давно пронеслись те года и походы,
И всё принакрыли извечные воды,
Ивняк да ковыль.

И только лишь кто-то кричит и взывает:
«По Дону гуляет, по Дону гуляет
Казак молодой».

И снова поёт пролетевшее Время —
И светится Время, как лунное стремя,
Над вечной Водой.

И снятся мне травы, давно прожитые,
И наши предтечи, совсем молодые,
А Время поёт.

И рвутся над нами забытые страсти,
И гром раздирает вселенские снасти,
А колокол бьёт!

По Дону гуляет!.. По Дону гуляет!..
А лунное Стремя звенит и сияет,
А звёзды горят...

Старинные песни! Забытые руны!
Над кем же рокочит гуслирные струны?
О чём говорят?

Давно пронеслись те года и походы,
И всё принакрыли извечные воды,
Извечный Покой.

А звёздное Время звенит и сияет
И снова над нами, свистя, пролетает
И прыщет стрелой.

1973

* * *

А ты проснись на рубеже какой-то смутной веры,
А ты стряхни с себя всю пыль, осевшую вчера.
Пускай на полке у тебя — Вольтеры и Гомеры,
А ты впервые видишь дым пастушьего костра.
А ты впервые услышал: звенят под влагой косы,
А ты впервые уловил: остёр на вкус щавель.
Земля извечно молода и зори вечно босы,
И вечно пляшут мотыльки под детскую свирель.
Пускай тут были до тебя касоги и шумеры,
Пускай ложатся пред тобой смирившиеся львы.
А ты проснись на рубеже какой-то смутной веры,
А ты услышь подземный рост корней и травы.

1970

* * *

И снова тянется дорога
Через те пригорки и мосты.
И вновь присяду — то у стога,
А то у памятной версты.
Иду знакомой стороною,
Овеян пухом лозняка.
И вновь проходят надо мною
Великим ходом облака.
И не смолкает шум проточный,
Великий шум поры такой,
Когда о жизни сей непрочной
Лопочет сухой зверобой.
И ты пред Космосом безликим
Невольно сердцем предстаёшь,
И за стручком созревшей вики
О чём-то милым запоёшь.
И вспомнишь давние метели
И ту весеннюю траву.
И скрип забытой колыбели
Услышишь прямо наяву.

1970

ЗНАКОМОЕ ПОЛЕ...

Знакомое поле, а в поле — траншеи да рвы,
Засохшая глина да куст полумёртвой травы.
Разбросаны трубы. Да вышки. Да снова — быльё.
Знакомое поле — моё — и совсем не моё.
Усни, моя горечь, и память мою не тревожь.
Пускай тут склонялась, как лебедь, высокая рожь.
Пускай тут звенели овсы и гуляли стада.
Усни, моя горечь. Пусть вечная льётся вода.
Железное поле. Железный и праведный час.
Железные травы звенят под ногами у нас.
Железные своды над нами гудят на весу.
Железное поле. А поле — в железном лесу.
Засохшая глина. Смола. Да забытый бурав.
Огромные трубы лежат у глубоких канав.
Знакомые травы куда-то ушли в никуда.
А сверху над нами густые гудят провода.
Проснись, моё сердце, и слушай великий хорал.
Пусть вечное Время гудит у безвестных начал.

Пускай пролетает Другое вослед за Другим,
А мы с тобой — только травинки под ветром таким.
А мы с тобой только поверим в Рождение и Рост
И руки свои приготовим для новых борозд.
И пусть залепечет над нами другая лоза,
А мы только вечному Солнцу посмотрим в глаза.
Знакомое поле, а в поле — траншеи да рвы.
Железные сосны — вершиной во мгле синевы.
Железные своды над нами гудят на весу...
И песня моя не пропала в железном лесу.

1970

* * *

Я не был славой затуманен
И не искал себе венца.
Я был всегда и есть крестьянин —
И не исправлюсь до конца.
И вот опять свой стих подъямлю
Пред ликом внуков и сынов:
Любите землю, знайте землю,
Храните землю до основ.
Не будьте легче мысли птичьей —
Врастайте в землю, как гранит.
Она всему даёт обличье
И всё навеки утвердит:
И нашу суть, и нашу славу,
И запах лучшего плода, —
И нашу русскую державу
Оставит русской навсегда.
И потому-то землю надо
Особой меркой измерять:
Она не только хлеб и стадо,
Она ещё — сестра и мать.
И потому-то в поле вешнем
Сними-ка, братец, сапоги,
И постарайся быть безгрешным,
И никогда земле не лги.
И я не с тем ли, не затем ли
Даю стихам высокий лад
И вот кричу: не грабьте землю,
Не будьте прокляты стократ!
Она не только хмель и сыта,
Она ещё — сундук и клеть,

И нашей речи знаменитой
При ней вовек не оскудеть.
И нашу суть, и нашу славу
Она не спустит без следа
И нашу русскую державу
Оставит русской навсегда.

1969

* * *

А жизнь прошла. Закончены ристанья.
Исправим печь. И встретим холода.
И только смутный гул воспоминанья
Проходит вдруг по жилам иногда.

Он пронесётся там, как в шахтах воды.
Промчится гул — и снова забытьё.
И перед древним сумраком природы
Горит свеча — окошечко моё.

1966

* * *

Где-то есть космодромы,
Где-то есть космодромы.
И над миром проходят всесветные громы.
И, внезапно издав ураганные гаммы,
Улетают с земли эти странные храмы,
Эти грозные стрелы из дыма и звука,
Что спускаются кем-то с какого-то лука,
И вонзаются прямо в колпак мироздания,
И рождаются в сердце иные сказанья.
А всё это Земля, мол, великая Гея
Посылает на небо огонь Прометей,
Ибо жизнь там темней забайкальского леса:
Даже в грамоте школьной никто ни бельмеса.

А в печах в это время у нас в деревнюшке
Завывают, как ведьмы, чугунные вьюшки,
И в ночи, преисполненной странного света,
Загорается печь, как живое магнето.

И гашу я невольно огонь папироски,
И какие-то в сердце ловлю отголоски,
И скорее иду за прогон, к раздорожью,
Где какие-то спектры играют над рожью,
А вокруг силовые грохочут органы...
И стою за бугром, у знакомой поляны,
А в душе, уловляющей что-то и где-то,
Голубым огоньком зацветает магнето...

И, внезапно издав ураганные гаммы,
Вдруг шибается небо в оконные рамы,
И летят кувырком с косяками и цвелью
Эти все пошехонские наши изделия.
А вокруг, испуская всё то же свечение,
Как штывки, стояком замирают растенья.
И дрожат, как в ознобе, подъёмные краны,
А в полях силовые грохочут органы.
И старушки в очках, те, что учат по книжкам,
Говорят из-за парты вскочившим детишкам:
А всё это Земля, мол, великая Гея
Посылает на небо огонь Прометея —
Эти грозные стрелы из грома и света...
Успокойтесь, родные.
И помните это.

1966

Я ВЫШЕЛ ОТТУДА...

Я вышел оттуда, где знают простейшие вещи,
Где любят стамеску, топор, и лопату, и клещи,
Где плёсы не плещут без вёсел, мостков и причалов,
Я вышел оттуда, где всё можно делать сначала.

Я там проживаю, где зреют поля и покосы,
Где воды в сады подают ветряные насосы,
Где с красной зарёй через поле ползут агрегаты
И следом ложатся весны голубые квадраты.

Я песни пою и ночью в пастушьей палатке,
И к небу летят мои думы, и сны, и загадки.
И кажутся звёзды пылающим пультом Вселенной,
И чую зарниц пробегающий ток переменный...

Горячее время. Покосы, покосы, покосы.
Жужжит самолёт, опыляя, как шмель, медоносы,
И в мареве трав задремали поречные скаты...
Я вышел отсюда. И начал — ты помнишь? — с лопаты.

За годами годы — и Русь моя вся под антенной.
Горят на экране, звенят позывные Вселенной.
Готовь же свой парус туда — к запредельным причалам,
Чтоб выйти, коль надо, опять с топором и кресалом!

1962

* * *

К востоку, всё к востоку
Стремление земли.
В.А. Жуковский

Бабочка белая! Бабочка белая!
В травах горячих земля.
Там, за притихшей лесною капеллою,
Слышится всхлип журавля.

Речка бежит, загибая за просеку,
Жёлтый погнавши листок.
Бабочка белая с чёрненьким носиком!
Лето пошло на восток.

Чуешь, как мир убегает в ту сторону —
Горы, леса, облака?
Сосны гудят — и старинному ворону
Прошлые снятся века.

Сколько жилось ему смолоду, смолоду
В гулкой лесной глубине?!
Ты же погибнешь по первому холоду.
Много ль держаться и мне...

Думы наплыли, а сосны качаются,
Жёлтый кружится листок.
Речка бормочет. Глаза закрываются.
Время бежит на восток...

Пусть же послышится песня знакомая
Там, за Вечерней Звездой.

Может, и мы здесь июльскими дрёмами
Завтра проведем с тобой.

Годы промчатся, как соколы смелые,
Мир не устанет сиять...
Бабочка белая! Бабочка белая!
Кто бы родил нас опять!

1960

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

Когда промыли стол, окончив тихий ужин,
И мать-свекровь легла за тёплый камелёк,
Жена взяла письмо, с позиции от мужа,
Рукой погладила по мелким кудрям строк.

И, ярче вывернув язык настольной лампы,
Простынкой («Спи, сынок») завесив колыбель,
Разглядывает вновь конверт с военным штампом
И лист, унявший боль почти восьми недель.

И всё с того, что — жив и ждали, зря тревожась,
За шторкой веселей в окне роится мгла.
И, вея щелоком и высушенной рожью,
Притихла горенка, улыбочиво-тепла.

Сквозь чтение слышится о стёкла шарк снежинок
И как журчит на шестке домолюбец-кот...
Присвистнула свекровь, заснувши под овчиной
Впервые после слёз, и вздохов, и хлопот...

Но вот окошком звякнул снеговой-крутельник,
Заплакал в люльке сын, пугливо звук лоя.
И мать, качая, вместо песни колыбельной
Поёт ему письма заветные слова.

И будто наяву теплом отцовской ласки
Рёбенка обдало. Он перестал кричать.
И продолжает кот свои ночные сказки,
И тихо дремлет над колыбкой мать.

1945

ИСТОРИЯ ГРАНИЦЫ С КИТАЕМ

Осенью 2018 года Китай принял участие в совместных военных учениях с РФ «Восток-2018» — самых масштабных для России с 1981 года. Подразделения Народно-освободительной армии Китая были задействованы в части учений, инсценирующих оборонительные и контратакующие операции на полигоне Цугол Забайкальского края. Одни эксперты видят в этом свидетельство политического сближения РФ и КНР на фоне нарастающего антагонизма с Западом, другие — усматривают и попутное желание продемонстрировать друг другу силу, в частности, желание Китая показать результаты совершенствования своей армии, а России — готовность защищать свои дальневосточные рубежи.

Не все готовы воспринять в позитивном ключе то, что китайские военные набираются опыта сухопутных операций среди российских равнин и сопок, тем более зная, что КНР уже давно проводит крупномасштабные зимние учения с проверкой эффективности личного состава и боевой техники в условиях сильного мороза. Ранее Москва спокойно восприняла размещение Пекином бригады межконтинентальных баллисти-

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

ческих ракет «Дунфэн-41» в провинции Хэйлунцзян — недалеко от российской границы, поскольку не видит для себя угроз в активности Китая. В то же время выход США из Договора по ракетам средней и меньшей дальности (ДРСМД) обусловлен не только формальными обвинениями в адрес России, но и тем, что Вашингтон обеспокоен наращиванием ядерной мощи КНР. Американская сторона уже заявляла, что новые переговоры о судьбе ДРСМД целесообразнее проводить с участием Китая. Однако едва ли следовало ожидать заинтересованности в этом Пекина, который обретает все большую силу. Для России предпочтительно и далее сохранять КНР в ранге ценного стратегического партнера, не забывая, что тот имеет свои приоритетные цели и ценности.

330 лет назад возле города Нерчинска, в Забайкалье, между Русским царством и китайской Империей Великая Цин был заключен мирный договор, по которому Россия утрачивала Приамурье и крепость Албазин, пережившую нападения маньчжурской армии в 1685—1686 годах. Сам договор, устанавливавший российско-китайскую границу по реке Горбице — притоку Шилки, заключался в момент, когда Нерчинск уже находился в осадном положении и многотысячные цинские войска нависали над малочисленным русским гарнизоном. В прошлом году отмечалось 160-летие Айгунского договора, согласно которому Российская империя закрепляет за собой левый берег Амура от Аргуни до устья, а Уссурийский край находился в общем владении вплоть до определения границ. Пекинский договор 1860 года подтвердил принадлежность Амура и Усури России. Как известно, в современном коммунистическом Китае последние два договора, ознаменовавшие успех российской дипломатии, считаются неравноправными, и КНР как преемник государства Цин также тяготеет к Нерчинскому трактату 1698 года.

Как и столетия назад, идеология династии Цин провозглашала своими владениями даже те далекие земли на севере, о которых сами китайцы имели посредственное представление, так и сейчас в сознании китайских граждан распространяется мнение о значительной части российского Дальнего Востока как об отторгнутых у Китая территориях. Недаром в исторический музей города Айгунь русских пускать не принято, зато политики КНР высшего ранга посещают его обязательно, ведь центральная экспозиция посвящена знаменитому договору 1858 года, где тенденциозно преподносятся действия русских, рассказывается о зверствах русских в отношении китайского мирного населения и коварстве царских дипломатов.

На этом фоне примечательно, что в минувшем году пост заместителя председателя КНР занял бывший глава Центральной комиссии КПК по проверке дисциплины Ван Цишань, известный своей жесткостью и принципиальностью, а также глубокой симпатией к ценностям династии Цин. Как это отразится на внешней политике Китая, покажет время, но России не следует откладывать вопросы безопасности своих восточных рубежей, принадлежность которых кто-то пытается оспорить.

О правомерности договоров вхождения Приамурья и Приморья в состав России с точки зрения международного права рассказал доктор исторических и филологических наук, член Научного совета РАН «История международных отношений и внешней политики России», академик РАЕН Кирилл Евгеньевич Черевко.

— Мы не первый год слышим о китайских картах с государственной границей, проходящей выше, чем должно быть. Находятся даже отечественные историки, заявляющие о несправедливости Айгунского договора, якобы достигнутого благодаря истощению Китая после Опиумных войн и англо-французского давления в целом. Что можно объективно противопоставить доводам сторонников цинских притязаний?

— Некоторые историки и политические деятели Китая утверждают, что несколько тысяч квадратных километров Российской Федерации, включая Приморье и Приамурье, относятся к его «утраченным территориям», приобретенным нашей страной по договорам XVII—XIX веков. В действительности большая часть этих территорий была присоединена к России на основе права первого открытия и первоначально хозяйственного освоения еще в XVII веке. Однако в результате агрессивной политики цинского государства эти земли были фактически отторгнуты по Нерчинскому договору 1689 года, который не соответствует принципам международного права. В частности, на местности отсутствуют географические ориентиры границ Китая с Россией, обозначенные в текстах этого договора как горный хребет Хинган, якобы «протягнутый» к тому же от истоков реки Горбица прямо на восток до самого моря. Этот факт привел к абсурду и сделал Нерчинский договор недействительным с точки зрения международного права. Это позволяло России в 1858 году в Айгуне провести с Китаем новые переговоры о государственной границе и восстановить свои исконные права в этом регионе. В отличие от Китая Россия применила на практике принцип эффективной оккупации и в итоге добилась совместного владения Приморьем по Айгунскому договору, а по

Пекинскому договору 1860 года — включения его в состав Российской империи. Оба решения соответствуют международному праву.

— В чём состоят нарушения Нерчинского трактата? Мы знаем, что в русской делегации не было переводчиков с маньчжурского языка и переговоры проходили с помощью прибывших с цинскими послами иезуитов...

— И результатом стало несовпадение русского и латинского текстов Нерчинского трактата, что является нарушением международного права.

По Нерчинскому договору граница была согласована по «первому камню» к северу от Амура по вершинам гор от истока Горбицы, «даже до моря протягненных», при оставлении неразграниченным пространства между рекой Удой и непоименованными ограниченными горами, которые до границы надлежат с добавлением в русском тексте слов о горах «до моря протягнение [имеющих]» и «чтобы быть границе от реки Горбицы с вершины прямо камнем до самого моря, который лежит подле реки Амур», что не вызвало на переговорах возражения цинских послов. Включение этих слов имело большое значение для определения южной черты неразграниченного Удского пространства, как достигающего гор на левом берегу Амура, в отличие от маньчжурского варианта, вплоть до устья этой реки при ее впадении в море. Такой подход подтверждает использование в качестве географических ориентиров государственной границы XVII—XVIII веков вершин гор, образующих в их западной части — Хинган-шань — цепь или хребет. Однако данные объекты с определенными собственными названиями вообще отсутствовали на местности!

В маньчжурском тексте Нерчинского договора, в его официальном русском переводе, государственной границей назван Большой Хинган, в котором находятся истоки Горбицы и который достигает моря. В латинском варианте китайской стороны указаны вершины гор над устьем Горбицы, тянущиеся до моря, но мы не знаем — Охотского или Восточного, известного сегодня как Японское море. С позиций международного права такие географические ориентиры должны быть указаны точно, иначе неизбежны принципиальные расхождения, как и случилось с Нерчинским договором. Цинский Китай вообще не имел соответствующего действительности представления об обозначенных пограничных горах и фактически превратил их в неразграниченное пространство.

Топоним «Большой Хинган», являющийся неправильным переводом с маньчжурского нарицательных слов «Большие

каменные горы», некоторые ученые попытались связать в русском варианте с конкретным названием «Каменные горы», хотя в оригинальном русском варианте договора все имена записывались с прописной буквы. Кроме того, это не «первый камень» от левого берега Амура, по которому предполагалось провести границу в августе 1689 года. Как позднее выяснилось, эта линия должна была проходить по цепи гор: Олекминский становик, Тукурингра, Соктахан, Джагды, Селемджинский хребет. На карте 1684 года казачьего воеводы А.И. Бейтона, руководившего героической обороной Албазина, как раз изображены тянущиеся на восток к морю горы.

Еще в 1849 году Петербург принял решение организовать экспедицию во главе с подполковником Н.Г. Агте для точного установления направления горного хребта, идущего от Горбицы к востоку, и изучить пространство за Удой, и к 1853 году удалось собрать ценные сведения об этом участке. На составленной Агте этнографической карте изображен Становой хребет от устья Горбицы, который идет на восток до истоков реки Буреи, а затем резко поворачивает на юг вдоль Буреинского хребта (Хинган-алинь), причем территория от этого хребта вплоть до реки Амур и моря обозначена как неразграниченное пространство, исходя из Нерчинского трактата, а большинство обитающих на левобережье Амура подвластных империи Цин племен между реками Ольдой и Бурея, за незначительным исключением, названы независимыми от обоих государств. При этом народности, живущие южнее реки Тугур и по притокам Амгуни, относили себя к российским подданным. Член этой экспедиции Л.Е. Шварц проанализировал памятные знаки на деревьях Удского пространства и выявил, что фактически оно занято «большой частью русскими тунгусами», то есть эвенкийским этносом, а «другие кочующие там племена тунгусов платят больше подати Китаю».

Кроме того, по сведениям штурмана Д.И. Орлова, который в 1851—1852 годах опросил местных жителей, вопреки мнению о пограничных пирамидах между Становым хребтом и левобережьем Амура, инспекционные поездки маньчжуров ограничивались побережьем этой реки.

— Зато русскими это неизведанное пространство естественным образом осваивалось.

— В апреле 1853 года генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев-Амурский доложил императору Николаю I об экспедиции капитана II ранга Г.И. Невельского, доказавшего мореходность входа в устье Амура и основав-

шего ряд постов в Приморье. Выдающийся исследователь Дальнего Востока отстаивал несомненность наших прав на Амур и просил дозволения сплава российских судов по Амуру с целью переброски в дальнейшем подкреплений порту Петропавловску-Камчатскому, которому угрожало вторжение Англии и Франции. Император согласился и велел направить в Пекин послание о необходимости разграничения указанного пространства. Невельской был убежден, что район к востоку от реки Усури и до побережья Японского моря по новому договору должен остаться за Россией. Свою аргументацию он выстраивал на основе карты бельгийского китаеведа Дюгальда, использованной в китайских атласах XVIII века, и позиции академика А.Ф. Миддендорфа, который установил, что пограничная цепь гор, ограничивающая площадь от Станового хребта до «первого камня» на левобережье Амура, по Нерчинскому договору оставлена за Россией. Базируясь на этом, Г.И. Невельской сделал вывод, что эта цепь гор не достигает Охотского моря, намного расширяя неразграниченное пространство. К середине XIX столетия левобережье Амура и Приморье перешли в зону эффективной оккупации Российской империи при отсутствии ее со стороны цинского государства после сплава русских военных судов по Амуру и учреждения в его низовьях и на морском побережье Усурийского края военно-морских постов России.

— Значит, Николай I успел принять аргументы Муравьева и Невельского, чтобы подкорректировать позицию России в отношении линии государственной границы, но китайцам потребовалось несколько лет, чтобы согласиться с этим?

— Уже 14 мая 1858 года Н.Н. Муравьев на переговорах с амурским князем И Шанем предложил подписать новый трактат на упомянутых условиях, подчеркивая опасность оккупации устья Амура и морского побережья к востоку от Усури противниками России и Китая — Британией и Францией. Он отметил, что «ни по Амуру от Хингана до моря, ни по Усури, ни на побережье этой страны никогда китайских караулов не было, что местное население никогда Пекину дань не платило, что в конце XVII века Россия приобрела право на нее и что, как доказано точными нашими исследованиями в 1850—1853 годах, имеет на нее полное право по смыслу первого пункта Нерчинского трактата». Это означало, что Амурский край после его открытия, и первоначального хозяйственно-культурного освоения Россией и заселения русскими вошел в ее состав на начальных, действующих и в данном случае принципах международного права. Необходи-

димось владения Россией этим краем, вплоть до низовьев Амура, и Приуссурийским краем Н.Н. Муравьев объяснял блокадой побережья «англо-французами, бывшими в дружбе с Китаем, а с нами — в войне», что «ясно доказывает, что эти нации признавали этот край не китайским, а русским». 16 мая цинские уполномоченные подписали Айгунский трактат.

С международно-правовой точки зрения важно, что Г.И. Невельской рассматривал пограничный Селемджинский хребет как хребет Хинган-алинь, переходящий в Буреинский. Он считал эти горы поворачивающимися в месте Химкон-Тугурик на юг, а не продолжающимися к морю на северо-восток. Однако во второй половине XVIII — первой половине XIX века происходит активное фактическое освоение этого пространства Россией, пока китайская сторона стремилась демаркацией границы подменить ее делимитацию. В итоге на печатных картах Сибири неразграниченный участок Удского пространства был включен в состав Российской империи, и международному сообществу оставалось лишь оформить произошедшие изменения в договорном порядке. Это и есть осуществление на практике принципа эффективной оккупации — одного из основных принципов международного права на владение государственной территорией.

— После успешного завершения переговоров генерал-губернатор Сибири Муравьев получил дополнение Амурский, а в Иркутске появилась триумфальная арка Амурские ворота, разобранная в 20-е годы XX века...

— Мы всегда должны помнить тех, чьими стараниями Россия обрела законное право на свои земли, как Н.Н. Муравьева-Амурского, так и подвиг открывших судоходность устья Амура русских моряков во главе с Г.И. Невельским, который обеспечил успех судьбоносных переговоров. Получив такое наследие от героических предков, мы обязаны беречь его для потомков.

О МЕМУАРАХ СКОРОПАДСКОГО

В начале 2018 года незадачливый президент Украины Петро Порошенко призвал всех читать мемуары гетмана Скоропадского. Публицист из Одессы последовал призыву Порошенко, прочитал мемуары Скоропадского, и вот какие мысли обнаружил у знаменитого гетмана Украины, которые он выложил на своей странице в Фейсбуке.

«У украинцев ужасная черта — нетерпимость и желание добиться всего сразу; в этом отношении меня не удивит, если они решительно провалятся. Кто желает всё сразу, тот, в конце концов, ничего не получает. Мне постоянно приходилось говорить им об этом, но это для них неприемлемо. Например, с языком: они считают, что русский язык необходимо совершенно вытеснить. Помню, как пришлось потратить много слов для депутации, которая настаивала на украинизации университета Св. Владимира. Причем интеллигенции на Украине почти нет: все — это полуинтеллигенты. Если Директория не образумится и снова выгонит всех русских чиновников и посадит туда своих безграмотных молодых людей, то из этого выйдет хаос, не лучше того, что было при Центральной Раде. Когда я говорил украинцам: «Подождите, не торопитесь, создавайте свою интеллигенцию, своих специалистов по всем отраслям государственного управления», они сейчас же вставали на дыбы и говорили: «Це неможливо».

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

«Галичане интеллигентнее, но, к сожалению, их культура из-за исторических причин слишком разнится от нашей. Затем среди них много узких фанатиков, в особенности в смысле исповедования идеи ненависти к России. Вот такого рода галичане и были лучшими агитаторами, посылаемыми нам австрийцами. Для них не важно, что Украина без Великодержавии задохнется, что ее промышленность никогда не разовьется, что она будет всецело в руках иностранцев, что роль их Украины — быть населенной каким-то прозябающим селянством. Тут, кстати сказать, эта ненависть разжигается униатскими священниками».

«Лично я понимал, что Украина на существование имеет полное основание, но лишь как составная часть будущей Российской Федерации, что необходимо поддерживать все здоровое в украинстве, отбрасывая его темные и несимпатичные стороны. Великодержавцам же надо указать их определенное место».

«На следующий день мы только вечером добрались до Киева, где я остановился у В.К. В.К. на мои вопросы, что такое Рада, высказался против нее, находя, что это кучка подкупленных австрийцами лиц, которые ведут украинскую агитацию, что в народе эта агитация не встречает сочувствия, что туг тайно примешивается агитация Шептицкого, стремящегося обратить наших малороссов в униатство и т.д.».

«С Петлюрой я очень мало говорил, он совсем не был в курсе военных дел, а больше занимался киевской политикой. Был любезен, тогда еще говорил со мной по-русски, а не по-украински, тогда украинский язык еще не навязывался насильно».

«На следующий день, будучи в Секретариате, я получил через Скрыпчинского телеграмму о том, что 6 октября в Чигирине на Всеукраинском казачьем съезде я единогласно избран атаманом всех Вольных Казаков. Об этих казаках я до той поры слышал очень мало».

«Корнилов встретил меня любезно и принял со словами: «Я от Вас требую украинизации Вашего корпуса. Я видел Вашу 56-ю дивизию, которую в 81-й армии частью украинизировал, она прекрасно дралась в последнем наступлении. Вы украинизируйте Ваши остальные дивизии, я Вам верну 56-ю, и у Вас будет прекрасный корпус».

«Моркотун много путешествовал и в этом отношении отличался от всей той малокультурной среды украинцев, в которой мне приходилось вращаться».

«К полудню подошли лошади; покормивши их, мы поехали дальше. Я был одет рабочим, Георгиевский крест и сва-

дебное кольцо были зашиты в рукаве моего тулупа. На всех остановках я заходил в хаты и в трактиры погреться и выпить чаю. Настроение крестьян было совершенно спокойное, но положительно никто не хотел идти выручать Киев от большевиков, к которым в общем относились весьма сочувственно. Но не к чести наших украинцев, многие из них во время большевистского нашествия перешли на сторону большевиков и не меньше бесчинствовали, чем великороссы, что не мешало им через некоторое время снова уверять, что у них одна мечта, святое дело — создать Украину».

«В смысле украинской культуры ровно ничего не делалось. Центральная Рада не открыла ни одного учебного заведения, если не считать безобразнейшего учреждения в лице народного украинского университета, где больше митинговали, чем учились. Почему, кстати, он назывался украинским, я не знаю, так как все почти лекции читались на русском языке».

«Вся украинская культура выражалась в том, что по Киеву гуляла толпа всякой неопределенной молодежи в шапках с «китицею»; некоторые сбрасывали себе голову, отпуская «оселедец».

«В это время я познакомился с неким Донцовым. Он мне тогда понравился также тем, что сознавал, что одними социалистическими партиями дела не сделаешь: Он недурно писал в «Новой Раде», и все его статьи мне нравились. Впоследствии я назначил его начальником Украинского пресс-бюро, но он оказался совсем не на высоте, только жаловался на всех, а сам ничего не делал. Да и физиономия его при работе в правительстве выяснилась совсем не такой, как я ожидал, а главное, что мне в нем не понравилось, это его крайняя галицийская ориентация. Этот самый Донцов, с которым я нянчился и которого я вытаскивал за уши из всяких неприятностей, лишь только потому, что видел в нем человека более уравновешенного образца мышления в вопросе социальном, потом мне отплатил тем, что написал обо мне, через день после моего падения, статью возмутительнейшего содержания. Я нисколько не обиделся, зная, что это удел всех тех, кто так или иначе перестал занимать то положение, которое занимал...»

«В старой России единственная область, где украинство, и то под сильной цензурой, разрешалось, — это театр. Все поколения нынешних украинских деятелей воспитаны на театре, откуда пошли любовь ко всякой театральности и увлечение не столько сущностью дела, сколько его внешней формой».

«Тогда же произошло событие, которое сыграло некоторую роль, далеко для меня не выгодную в дальнейшем. В один

прекрасный день богатый банкир Добрый был арестован каким-то новоявленным «Союзом Спасения Украины» и увезен неизвестно куда. Говорили, что он был одним из наиболее видных финансовых деятелей, работавших с немцами, и поэтому навлек на себя ненависть этого Союза... Я никогда не интересовался подробностями этого дела. Думаю, что и Добрый такого особенного значения у немцев не имел, он просто-напросто устраивал свои собственные дела. Однако следствие по этому делу взяли на себя немцы. К делу оказались причастными некоторые министры Рады, между прочим, военный — Жуковский, и внутренних дел — Ткаченко. Их обоих немцы арестовали. Но что было досадно для меня впоследствии, это то, что одного из них, несмотря на протесты, арестовали во время заседания Центральной Рады. Немецкие караулы заняли входы, подошла немецкая рота с оружием в руках к Педагогическому музею, где заседала Рада, и офицер с несколькими солдатами зашел в залу заседаний и арестовал министра. Чрезвычайно неудачно, чтобы не сказать больше. Эти аресты положительно никакого отношения к моему перевороту не имели, но так как переворот произошел в скором времени после этого события, о котором много кричали в украинской и в заграничной прессе, его смешали с переворотом. Вышло, как будто немцы арестовали и министров, и Раду в связи с провозглашением меня гетманом. Были опровержения немцев, но опровержения редко достигают результата. Еврей Добрый оказался где-то в Харькове, его разбойники выпустили за выкуп в 100 000 рублей. Он тотчас же вернулся в Киев и был избран, уже во время гетманства, председателем финансовой комиссии».

«Кроме того, было еще одно ужасное зло: всякий негодяй, задрапировавшись в тогу украинства, считал себя забронированным».

«Правые неоднократно бегали ко мне, указывая на то, что правосудие тихо налаживается, благодаря Чубинскому. Я его защищал, в душе я и сам был того же мнения. Чистый украинец, его отец написал гимн, который потом был принят на Украине, «Ще не вмерла Україна», что, однако, не помешало тому, что Чубинского-сына украинцы не признавали, но я совершенно не соглашался с ними. По их понятиям, необходимо было набрать в министерство юстиции лишь людей их крайнего украинско-галицийского толка, ярых шовинистов, совершенно не считаясь с образованием и стажем, проведенном в судейском ведомстве».

ПЕРВЫЙ УКРАИНСКИЙ ФРОНТ

Речь пойдёт не о Великой Отечественной, но о ее продолжении. Мы считали, что в мае 1945 года одержали победу. И это сушая правда. Но последовало продолжение, и в конце XX века мы потерпели сокрушительное поражение. А как ещё назвать то, что от России была отторгнута значительная часть земель? Даже тех, которые считались русскими и населены русскими людьми. И мы до сих пор не знаем, что с этими потерями делать. И теперь самые болезненные удары по России наносятся отсюда, с некогда русских земель. Ныне — с «братской» Украины.

Во времена Древней Руси действительно сформировался единый русский православный народ. Центрами державы были стольный Киев и Новгород. В XII веке Великий князь Андрей Боголюбский перенёс столицу во Владимир. Киев был разорён объединённой русской ратью в 1169 году и окончательно утратил своё первопрестольное значение. Со временем русская митрополия также была переведена в Залескую Русь. Сначала во Владимир, а затем в Москву. Монгольское нашествие разорило всех и на многие века разделило некогда единую страну. В XIV веке

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

образовалось два новых центра собирания русских земель Московское Царство и Великое княжество Литовское. Тогда Литва была православная с государственным русским языком и более могущественная, чем Московия.

Восточная и западная Русь боролись за первенство. Борьба обострилась с преобразованием Литвы в Речь Посполитую, которая была уже католическая и ополяченная. Вот тогда-то и началась война с Москвой не на жизнь, а на смерть. Нужно было заставить русских людей, живущих в Речи Посполитой воевать со своими восточными братьями. Тогда и была впервые сформулирована идея, что москвиты — не русские, а отатаренные варвары, жаждущие поглотить украинцев, истинных наследников Руси. Был создан идеологический проект «Украина» (окраина великой Речи Посполитой). После Флорентийской унии появились униаты (католики восточного обряда). Борьба запорожского казачества с польскими панамми завершилась воссоединением с единоверной и единокровной Россией. Гетман Богдан Хмельницкий «со всем Войском Запорожским» принял присягу на верность Русскому Царю. В конце XVIII века Польша была разделена между Пруссией, Австро-Венгрией и Россией. В «родную гавань» вернулись древние земли Белой и Чёрной Руси. Ляшские земли образовали Царство Польское в составе Российской Империи.

Червоная Русь отошла австрийцам. Вот тогда-то старый проект «Украина» вновь достали из сундуков. Он понадобился австрийцам, заполучившим многие славянские земли, и полякам, страстно желавшим вернуть независимость. И тем и другим позарез нужен был этот лозунг: «украинцы — не русские». В XIX веке в Малороссии начался ренессанс «украинской культуры» и появилась собственная мова (местный диалект русского языка с обильными польскими вставками). Революционным партиям проект «Украина» тоже годился для борьбы «за свободу угнетённых народов».

После революции сменилось несколько вариантов «свободной Украины». В 1922 году был образован Союз, в который вошла Украинская Советская Социалистическая республика со столицей в Харькове. Началась усиленная украинизация местного населения. Её плоды были особенно наглядны в годы войны. Русскоязычные украинцы вместе со всеми защищали единую Родину. Но украиноязычные воевали вместе с немцами «за освобождение Украины от русской оккупации».

После войны украинизация была несколько приглушена до уровня других советских окраин. Но к моменту оранжевой «революции» на Украине были воспитаны новые идейные бандеровцы, в том числе в среде высшей партийной но-

менклатуры. В послесоветской Украине сразу же возобновилась активная украинизация во всех сферах жизни. Два майдана в 2000-х годах — совсем не случайность. Это результат системной обработки мозгов, начиная с детских садов. Поэтому ожидать прозрения украинцев и отказа от бандеровского сознания бессмысленно. Скорее всего бандеризация будет только усиливаться: чем дальше, тем больше.

Нам давно пора прекратить заботиться о целостности Украины. Нет и не может быть никакой ее целостности. И не было никогда и уже не будет. Единственный вариант ее будущего существования — в составе общего обновлённого Союза. А забота о целостности враждебного нам государства — большое заблуждение.

Народ, который жил на землях Малороссии, уже давно разделился, и его части имеют разный менталитет. Левобережная (по Днепру) Украина всегда тяготела к России. Для них Россия — Родина-мать. Для западэнцев она оккупант. «Москаляку на гиляку» — это не шутка, это установка, руководство к действию.

Всё это говорит о том, что перед Россией стоит серьёзная задача — необходимость вернуть Украину в сферу Русского мира. Если это удастся сделать — мы восстановим единство русского народа и станем сильнее. Если нет, то будем под постоянной угрозой войны на своей территории.

Важно понять, что Украина не просто сосед, это Малороссия — Малая изначальная Русь. Это неотъемлемая часть нашего единого государственного организма. Малороссы — это неотъемлемая часть русского народа.

Как же решить эту сложнейшую историческую задачу? Одним махом положение не исправить. Введение танков не панацея. И сама собой эта застарелая метастаза тоже не рассосётся. Нужна комплексная программа действий на десятилетия вперёд. Прежде всего надо правильно осознать положение дел. Сделать правильный диагноз. Исцеление возможно, но лечение будет долгим и болезненным. Предварительно надо продумать всё до мелочей, а затем действовать решительно и твёрдо.

Вот первоочередные шаги, которые можно предпринять уже сейчас.

Признать референдум и выборы в Донецкой и Луганской республиках народным волеизъявлением. Уж если негласно приняли итоги выборов в Киеве после государственного переворота, то логично признать и донбасский референдум. При этом мы не потеряем остальной Украины, как того опасается наш досточтимый МИД, но дадим надежду остальным.

Предоставить мировому сообществу данные о невыполнении киевскими властями ни одного пункта Минских договорённостей.

Обратиться в ООН с требованием прекратить преследования инакомыслящих на Украине по политическому признаку, и в ЮНЕСКО по языковому и культурному.

Инициировать в Гаагском трибунале расследование геноцида жителей Одессы 2 мая 2014 года по иску родственников.

Обратиться в правозащитные организации о расследовании многочисленных случаев нарушения прав человека на Украине, ущемлении языковых и религиозных прав.

Срочно создать систему информационных средств для работы на Украине.

Вести в информационный и идеологический оборот исторический термин «Новороссия».

Восстановить исторические понятия Малороссия и малороссы. Уже сейчас многие украинцы готовы называть себя малороссами, как это было исторически.

Поддержать всеми возможными способами единственную каноническую Украинскую Православную Церковь. Включая дипломатические, моральные, юридические.

На правах правопреемника Советского Союза предоставить всем жителям Донбасса право принять по желанию российское гражданство в максимально облегчённом виде.

Мы не должны обращать внимание на вой недовольства бандеровских властей на Украине. И чем успешнее мы проведём борьбу в сфере идеологии, информации и культуры, тем меньше прольётся крови.

Сергий КАРАМЫШЕВ, иерей

В ЧЕМ ПОЛЬЗА УКРОНАЦИСТСКОГО РЕЖИМА?

Всем должно быть ясно: утверждение на территории Украины пять лет назад режима, который русские патриоты именуют укронацистским, укрофашистским и жидобандеровским, было для чего-то нужно. А кровь, пролитая в ходе «ре-

волюции гдности» и в последующие годы в Киеве, Одессе, на Донбассе, в особенности, кровь неповинных людей, вписана в действие промысла Божия.

Ведь если видеть в указанных событиях лишь человеческие злобу и безумие, можно легко дойти до ропота против Бога и, бия себя в грудь, вопрошать: за что?! Но если видеть в пролитой крови семя истины, брошенное в почву человеческих сердец, тогда всё понемногу встает на свое место.

Механизм братоубийства описан на первых страницах святой Библии: Каин убивает Авеля по причине зависти к духовному совершенству брата, после чего кровь убитого вопиет к небу об отмщении. Прорвавшийся из бродившего шальным хмелем украинского общества всплеск злобы против всего русского не мог не вылиться в братоубийство. Господь дал ему совершиться, как дал совершиться и убийству Авеля. Это сделано ради обличения греха и ради предания убийц власти сатаны. Печать богоотверженности несмываема ничем, кроме сугубого покаяния, плодом которого должно стать воскресение братолюбия. В противном случае зло разрушает своих носителей: они деградируют и рассеиваются по лицу земли.

Всё это мы видим в последние годы воочию. Украинское государство и общество деградируют со страшной стремительностью. Люди бегут от обещанной им пять лет назад «райской» жизни в Евросоюз и в Россию. По городам Украины вроде как бодро маршируют с факелами бандеровцы, разрывая тишину Рождественского поста своими истошными воплями. Но бодрости уже нет. Остались только злоба и тупость, влекущие своих носителей к саморазрушению.

Высказать некоторые размышления меня подтолкнули последние церковные реформы нынешней украинской власти, призванные, по ее мнению, укрепить национальное единство страны. Речь идет о создании из раскольнических структур по волчьему «благословению» Варфоломея сверхраскола, получившего наименование ПЦУ (Православной церкви Украины), и переименовании УПЦ (МП) в Русскую Православную Церковь на Украине.

Пан Порошенко рассчитывает перекачать из Русской Церкви на Украине в Украинскую церковь людей и ресурсы, как перекачивают по трубе нефть или газ. В одном месте вентиль открыл, в другом — закрыл, и процесс, как говорится, пошел. Только прибыль подсчитывай.

Конечно, что-то удастся перекачать, что-то удастся урвать, но трубу в конце концов может разорвать; и что из этого получится, никому не известно.

Мы прекрасно помним реакцию ряда иерархов и священников УПЦ (МП) на «революцию гидности»: как они ее приветствовали, как обвиняли в агрессии Россию, а В.В. Путина — в безумии. Понять их можно: революционным вихрем и не у таких, как они, крыши срывало. Однако и ответственности за слова и поступки с них никто не снимал.

Теперь та украинская власть, которую они в свое время поддержали в нарушение всех правовых норм, ставит их по другую сторону баррикады, приклеивая к ним ярлык враждебной силы. Теперь они уже не «щирые украинцы», а почти русские.

Когда революция неблагодарна своим родителям и вдохновителям и даже когда она их пожирает, это вполне нормально. Жаловаться бессмысленно. Остается или терпеть, или, держа ноздри по ветру, бежать наперегонки по свисту революционного хозяина, ожидая его улыбки, сладкой косочки... или пинка.

Парадоксальность сложившейся ситуации заключается в том, что Порошенко последними своими действиями укрепляет Русскую Церковь на Украине качественно. Все «щирые», для которых национальная гордыня превыше всего, пусть уходят из нее, и чем скорее, тем лучше. Останутся те, для кого Христос и Православие — высший идеал. Кто-то встанет перед трудным выбором между «широстью» и Православием. И промыслительно то, что Православие на Украине будет отныне отождествляться с русскостью. Кто не побоятся нести свое русское имя в окружении звероподобной бандеровщины, тот и со Христом.

Качественная сила обыкновенно перебарывает силу количественную, потому что первая тверда, как сталь, а вторая отличается рыхлостью. Но для этого нужно время. Русский дух призван выкристаллизоваться на украинских территориях, обрести свои формы и найти себе освобождение от липких сетей искусственно выведенного его врагами украинства, как своего рода вируса, что поражает человека историческим беспамятством.

И самое главное: не нужно у нас в России заигрывать с украинством, воскурять перед ним фимиам лести. Украинское сознание с присущим ему лукавством должно быть скорбями перековано в сознание единства Русской Церкви как главного оплота Православия в современном отступническом мире. Только так оно сможет выстоять в условиях нынешней Украины перед натиском раскольников, униатов, папистов и разного рода сектантов.

В свете последних событий важно называть вещи своими именами: украинство — это раскол и путь в бездну. А русскость — спасение и путь ко Христу. Польза же укронацистского режима заключается в том, что он помогает людям определиться, выйти из состояния умственной расслабленности и встать в ряды воинов святой Руси.

Виктор БАРАКОВ

ГОД КАПИТУЛЯЦИЙ

2018-й войдёт в историю страны как год капитуляций. Сначала наши власти сдались Международному олимпийскому комитету — спортсмены поехали на олимпиаду в Корею под нейтральным флагом. Потом государство беспрекословно выполнило приказ МВФ и в срочном порядке провело грабительскую пенсионную реформу, наплевав на мнение народа. И наконец, случилось то, о чём в эпоху всеобщего либерализма и сдачи национальных интересов даже подумать было страшно. В интервью «Комсомольской правде» Глава МИД Сергей Лавров не исключил передачи Японии части Курильских островов при одном условии. По словам Лаврова, «сначала Япония и Россия должны заключить мирный договор на основе советско-японского соглашения 1956 года, что означало бы признание Японией итогов Второй мировой войны». «На саммите в Сингапуре было подтверждено, что мы условились заключить мирный договор на основе советско-японского соглашения 1956 года. По тому соглашению Советский Союз не в порядке возврата, а в порядке жеста доброй воли, в порядке учёта интересов добрососедского японского народа, был готов передать грядущим Хабомати и остров Шикотан», — уточнил Лавров .

До Лаврова об этом же высказался и самый главный наш начальник: «Кроме того, придётся определиться с дальнейшей судьбой россиян, проживающих на острове Шикотан».

Сахалинская областная дума обратилась в Государственную думу за разъяснениями: правда ли, что государство собирается сделать подарок «добрососедскому японскому народу»?..

Куда ещё обращаться?.. В Конституционный суд? — Бесполезно. В Европейский суд по правам человека? — Смешно. Этот суд защищает права европейского человека, а не «азиатской России»...

Декларация 1956 года (именно декларация, а не соглашение, по словам Лаврова) — пустая бумажка, от неё советское правительство отказалось ещё в 1960-м из-за заключённого между США и Японией договора (не декларации!) о размещении американских военных баз в любом месте японской территории. Япония для США — проигравшая страна, и с ней американцам можно не церемониться.

Но что же мы?!

Неужели в правительстве совсем нет людей, чьи предки погибли, возвращая острова и половину Сахалина? Или у наших «слуг народа» отшибло память?

Неужели их совесть не дрогнула, когда они без какого-либо намёка на референдум заявили о возможной передаче русской земли, политой кровью наших солдат? Остатки совести у них, возможно, еще остались, раз подготовку к этому «акту» велись втайне от нас... Только от этого не легче.

О нарушении Конституции, о законах юридических можно говорить долго и нудно, но к чему всё это, когда нарушен закон нравственный, начертанный в сердце каждого из нас? Впрочем, по наблюдениям последних десятилетий, сей источник жизни давно заменён у них, властных чиновников, калькулятором...

Все эти вопросы так бы и остались вопросами, если бы не случилось то, о чём вполголоса говорили давно: создание параллельных органов судебного расследования и, в перспективе, будущей власти. Как пишет Юрий Болдырев на интернет-портале «Свободная пресса», «В Москве 14 декабря прошёл круглый стол различных политических и общественных движений по проблеме защиты территориальной целостности России в условиях ползучей сдачи территорий страны под прикрытием ТОРов («территорий опережающего развития») и нависшей угрозы отказа российских властей от безусловного суверенитета России над Южными Курилами. На совещании выступили представители двух десятков самых разных партий и движений, от крайне левых, включая две группы сторонников идеи продолжения юридического существования СССР, до крайне правых и даже монархических. За исключением лишь одного оратора, сославшегося на некие «тонкости дипломатии», никто более не нашёл никаких даже малейших оправданий самому факту ведения нынешним российским руководством переговоров с Японией, предполагающих в принципе возможность уступки хотя бы доли

суверенитета страны над какой-либо частью её территории. На рассмотрение совещания были внесены три проекта резолюций, в том числе документ, подготовленный Комитетом национального прорыва, ведущим постоянную самоотверженную работу по пикетированию в знак протеста против сдачи Южных Курил. По итогам совещания почти единогласно (за исключением нескольких воздержавшихся) была принята за основу резолюция, оценивающая даже сам факт ведения переговоров, предусматривающих возможность уступки суверенитета России над частью её территории (в данном случае — уступки каких-либо островов Южно-Курильской гряды Японии), как **тяжкое государственное преступление**. Также было принято важное решение о создании объединённой (из представителей самых разных движений и партий, по прочим вопросам редко находящих общий язык) общественной комиссии по изучению (расследованию) фактов и обстоятельств преступных действий по уступке территориального суверенитета страны в нарушение действующей Конституции и интересов сохранения и развития России».

В конце концов мы не можем и не должны допустить, чтобы страной правили предатели.

Алексей ЧИЧКИН

ПЛАНЫ РАЗРУШЕНИЯ БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ

Российское руководство, впрочем, как и послесталинское в СССР, демонстрирует удивительную «прагматичность», предпочитая не напоминать США о бессрочном американском законе «О поработенных нациях», действующем с осени 1958 г. после соответствующей резолюции Конгресса США (август 1958 года). Заметим, Хрущев ни словом не обмолвился в ходе своего визита в США в 1959 году о подрывном характере означенного закона...

Сей документ, подчеркнем, действует поныне — даже после распада СССР, и именно на основе того же документа осу-

шествляется разнообразная поддержка Вашингтоном сепаратистских, экстремистских и русофобских организаций не только в России, но и в других странах — осколках бывшего СССР и в странах экс-просоветского зарубежья.

По сути, конечная цель этого документа — расчленение России независимо от правящего в РФ политико-идеологического режима. Именно поэтому сей закон не отменен после 1991 года. И касается он напрямую не только бывших республик СССР, но обращен «...к народам и национальностям, утратившим национальную независимость благодаря империалистической политике, прямой и косвенной агрессии коммунистической России». К эти народам ранее были отнесены (до 1991 г. включительно) все советские союзные республики, а также Польша, Венгрия, Чехословакия, ГДР, Болгария, Румыния, Албания, Монголия, а также КНР, китайский Тибет с Внутренней Монголией, Северная Корея и Северный Вьетнам (с 1976 г. — объединенный Вьетнам), по сей день остающиеся в «порабощенном» перечне.

Характерно, что в том списке не было титовской Югославии (СФРЮ), которая, как известно, имела особые взаимоотношения с США ввиду ее неучастия в Варшавском Договоре, СЭВе и противодействия СССР по многим внешнеполитическим вопросам. Достаточно напомнить в связи с этим о бессрочном американо-югославском договоре «О взаимном обеспечении безопасности» (1951 г.) и о так называемом «Балканском Пакте» 1953—1985 гг., инициированном Тито и Трумэнном, при участии в нём наряду с Югославией членов НАТО Греции и Турции. Вскоре после распада СССР единая Югославия американцам была уже без надобности...

Но упомянутыми выше «порабощенными нациями» сей реестр не исчерпывался. В него входили некие «перспективные «государства», фигурирующие поныне в документе: «Белая Рутения» (имеется в виду Белоруссия с включением в ее состав Смоленской области, сопредельных районов Псковской и Брянской областей), Идель-Урал (российские нацавтономии Поволжья и Урала), Казакия — Горская конфедерация (Центрально-Европейское Черноземье РСФСР, Ростовская область, Краснодарский край, Ставрополье, нацавтономии Северного Кавказа), Туркестан (Казахстан, вся Средняя Азия, Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР).

В отличие от советского и российского руководства Конгресс русских американцев (КРА) с начала 60-х периодически инициирует отмену или, по крайней мере, изменение в тексте этого закона, объявляющего русский народ поработителем других наций. Но тщетно. Однако об этих запросах (ини-

циативах) — ни слова не было ни в центральных советских, ни в нынешних российских СМИ...

Более того, власти КНР, Албании, КНДР, Вьетнама, ГДР, Румынии, Кубы, Исламской Республики Иран, Ливийской Джамахирии не единожды предлагали Москве добиться отмены этого закона через Совбез или Генассамблею ООН. Но советское руководство почему-то игнорировало эти предложения. А когда представители КНР и Албании с ооновской трибуны в 1960—1980-х нередко обвиняли Москву в потворстве политике США по разрушению СССР и других соцстран, советские представители временно покидали свою ооновскую ложу...

Между тем в США в соответствии с указанным законом ежегодно проводилась и проводится до сих пор «Неделя поработанных народов» — комплекс антисоветских и русофобских мероприятий. «Неделя» впервые была организована в США в июне 1953-го — вскоре после устранения Сталина, затем в июне 1957-го (вскоре после известных событий в Венгрии) и 1959-го. А с 1960 года мероприятие проводится ежегодно в третью неделю июля.

Причем, вполне очевидна связка этого закона с неизвестным планом (1941 г.) «Ост» А. Розенберга (гитлеровского министра восточных территорий) «О гражданском управлении в оккупированных восточных областях», поскольку термины «Белая Рутения», «Идель-Урал», «Казакция — Горская конфедерация» и «Туркестан» в качестве новообразованных постсоветских стран-протекторатов Германии или совместно Германии и Турции обозначены и в том германском плане.

Проще говоря, немецко-нацистские планы своевременно «перекочевали» в ЦРУ и другие структуры США. И более того, стали едва ли не главной бессрочной задачей политики Вашингтона в отношении не только СССР—России, но также и многих других стран.

Федор ПАПАЯНИ

ИДЕОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАЦИИ

Статья 13 действующей редакции Конституции России гласит, что никакая идеология не может устанавливаться в

качестве государственной. Однако жизнь диктует свои законы, ибо без идеологом не бывает ни политики, ни вообще общественной жизни. История не знает государств без идей организации власти и морально-нормирующих идей, которые вместе составляют основу любой идеологии. То есть, если существует государство, то у него обязательно есть и идеология. А вот её отрицание — это проблема.

Причина этой проблемы видится в том, что русская интеллигенция со времён Петра Великого попала под тлетворное влияние Запада, а с 1917 года оказалась во вражеском идеологическом плену. Западный либерализм стал флагом Февральской революции 1917 года, приведшей к развалу великой империи и смуте. Под знаменем западного марксизма свершилась Октябрьская революция 1917 года. Догматический марксизм-ленинизм оставался государственной идеологией вплоть до 1991 года. По сей день западные идеи доминируют в российском политическом пространстве, а идеология православной империи, унаследованная от тысячелетней Ромейской (Византийской) империи и торжествовавшая в России четыре столетия, находится под неофициальным запретом: она даже не рассматривается в современных учебниках по политологии. С 2014 года Россия, вернув Крым, вернула себе и внешнеполитический суверенитет, основанный на военном могуществе. Однако из рабского идеологического плена (как, впрочем, и финансово-экономического) России только предстоит вырваться.

В результате западного идеологического пленения к XXI веку оказались запутаны все основные понятия, присущие гуманитарным наукам, и, тем более — идеологическим сюжетам. Так, ни по одному важному философскому или идеологическому понятию нет консенсуса научного сообщества и, соответственно, нет общественного согласия.

В условиях конституционального непризнания идеологии, творческие усилия наших гуманитариев имеют общий результат из басни Крылова «Лебедь, рак и щука». Поскольку в гуманитарных науках царит методологический хаос, то нет общего мнения даже по понятию «человек». Гуманитарная болезнь охватывает все сферы: науку, образование, искусство и другие. Наше общество больно. Если условно сравнить русский народ с человеческим организмом, то можно сказать, что наш народ не может быть субъектом суверенитета и собственной истории, поскольку гуманитарное полушарие его мозга уже столетие как заражено западными идеологическими вирусами. Человек больной на голову с чуждыми ему, внушёнными извне установками и ценностями, никак

не может быть субъектом своей истории. Он является лишь объектом манипуляций его сознанием. Чтобы выздороветь от идеологического недуга, надо, как минимум, признать в себе болезнь и иметь волю к выздоровлению.

Русская политическая нация веками мешает Западу. Поэтому из столетия в столетие Запад не прекращает попыток победить русских военной силой. Особо постарались поляки, шведы, французы и немцы. Не получилось. И Запад пошёл иным путём, идеологическим. И тут ещё как получилось! Чтобы покорить русских, западные элиты, их подопечные политики, политехнологи и доморощенные приспешники целое столетие стараются разделить, разобщить некогда единую русскую нацию, следуя известному принципу: «Разделяй и властвуй». Хронология этих стараний такова.

В 1917 году русских разделили по классовому признаку на эксплуатируемых и эксплуататоров.

В 1918 году разделили по политическому признаку на «красных» и «белых», а затем их стравлили, развязав кровавую гражданскую войну.

В 1922 году расчленили триединый народ по национально-республиканскому признаку на три части: русских, украинцев и белорусов.

В 1991 году, после развала СССР, русских разделили государственными границами 15 новых постсоветских стран.

В 1990-е годы разделили воровской приватизацией ещё на две части: на народную массу и олигархов; кроме того, разделили по партийному признаку на сторонников провластных и оппозиционных партий.

В 2014 году натравили украинских нацистов на русских, развязав гражданскую войну на Донбассе.

В 2018 году Запад затеял разделение ещё и по церковному признаку (через раскол РПЦ).

Русских разобщают, разделяют, расчлениают и стравливают для одной цели: покорить, а лучше — уничтожить. Для этого западные и прозападные интеллектуалы, нанятые властными группами, из столетия в столетие сознательно и старательно плетут многослойные паутины противоречивых идеологических, философских, исторических, политических, этических, эстетических и иных смыслов. Плетут, чтобы люди в этой паутине запутались, пытаясь «пробиться» к истине, разобрататься в сути происходящего.

Разорвать эту порочную паутину смыслов и выявить истинную суть любых идеологических построений — вот одна из целей нашей современной духовной борьбы.

Вторая цель, не менее важная — это попытка найти объединительные мотивы для отечественных идейно разнонаправленных патриотов, которые часто с упоением злословят друг на друга, тем самым вольно или невольно разобщая свой народ. Если Россия сумеет объединить патриотические силы вокруг идеологии Общего дела на всём постсоветском пространстве, то рано или поздно сумеет построить мощное (во всех отношениях) суверенное государство. Для этого наша интеллигенция должна найти идеологический консенсус, основанный на собственной истории и собственной культурной традиции. Если такого согласия не будет, и мы, как попугаи, будем упрямо, бездумно и безответственно повторять вбитые в наши головы западные идеологемы, будь то марксистского или либерального толка, то с высокой вероятностью нас опять ожидает смута, развал и трагедия, как это уже было в 1917-м или 1991 годах, к великой радости западных стратегов.

Враги разделили и продолжают разделять русских, используя разнообразные доступные им приёмы (в первую очередь, идеологические) разделения и расчленения наций.

Задача русских, наоборот, объединиться идеологией Общего дела в единую политическую нацию. Объединиться для победы над врагами Отечества. Объединиться для мирной жизни в дружной семье братских народов.

ПРОТУБЕРАНЦЫ

*РАЗМЫШЛЕНИЯ И ВОСПОМИНАНИЯ.
ФРАГМЕНТЫ КНИГИ*

2019 год
(Январь)

В шесть часов утра 31 декабря в г. Магнитогорске Челябинской обл. был взорван подъезд 10-этажного дома. Обрушились все десять этажей, в которых проживало 120 человек. В соседних домах вылетели стекла. Центральные СМИ и местные власти тут же, как им и положено, объявили о взрыве газа. Но ни один разумный человек поверить в это не может. Хотя, конечно, полным-полно обывателей, которые этому верят. Да и как не поверить, когда из всех розеток идет мозговая долбежка: «Взрыв газа, взрыв газа, взрыв газа...»

Уже неоднократно писал я о том, что при взрыве газа в одной квартире весь подъезд не обрушится. Максимум — в ней разлетятся оконные стекла и начнется пожар. Это подтвердит любой профессионал-газовик. Чтобы обрушить весь подъезд, даже недостаточно одного взрывного устройства. Для этого нужно заложить несколько зарядов под несущие стены. Но мифами о «взрыве газа» из года в год власти и медиа-СМИ пудрят мозги доверчивому электорату, когда по всей стране рушатся подъезды и целые дома.

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Весь предновогодний день по ящику и по радио сообщали о четырех погибших. Оно и понятно: накануне Нового года и предстоящей телевакханалии веселящихся эстрадных монстров называть реальной цифру погибших в несколько десятков человек властям было как-то не с руки... Ведь в этом случае надо было траур объявлять, а не поздравлять население с радостным праздником, желая всем мира, любви и покоя...

Не сомневаюсь в том, что многие из нас понимают, **кто** устроил этот взрыв перед самым Новым годом. Многие понимают и другое: **по чьей воле** ради эфемерных политических выгод в нашу страну завозят азиатских (как и украинских) мигрантов, среди которых — сотни завербованных террористов. После Сирии и конфликта в Керченском проливе они намеревались испортить нам праздник. И у них это получилось. Ведь не случайно же нам так и не сообщили о том, **кто** проживал в квартире, где якобы произошел «взрыв газа»...

Признание теракта во властных структурах не устраивает никого, потому что иначе — это прокол ФСБ. И, как мы видим, никакие нескончаемые «взрывы газа» кремлевских политиканов не способны образумить.

* * *

Случайно ли сразу же, 31 декабря, Путин, бросив все дела, перед самым Новым годом ринулся в Магнитогорск? Подобных рвений не пробуждалось в нём ни при каких прежних трагедиях с большим количеством жертв. В Пермь, где в ночном клубе «Хромая лошадь» сгорели 156 молодых людей, и на пепелище кемеровского торгового центра «Зимняя вишня», где (по официальным данным) погибли 64 человека, из которых более сорока — дети, он прибыл только на третий день после случившегося. В керченском колледже, где было взорвано и расстреляно более 20 учащихся, он не появился вообще. Даже в Видяево для встречи с родственниками матросов и офицеров уничтоженной подлодки «Курск» он прилетел лишь спустя пять дней после трагедии, т.к., по сообщению СМИ, находился в отпуске... Так что не в его это правилах — сломя голову, спешить туда, где погибли люди. Значит, были какие-то более веские причины...

* * *

3 января в Магнитогорске назвали цифру погибших, извлеченных из-под завалов рухнувшего подъезда, — 39 человек.

В ночь на 1 января, когда в 25-градусный мороз под бетонными обломками задыхались еще живые люди, на всех экранах российского телевидения до самого утра киркоровы и

басковы радостно драли глотки среди веселящейся эстрадной публики, а вокруг них извивались и прыгали, как бесы в преисподней, полуголые кордебалетные дивы. 39 человек умерли под завалами, около двадцати — получили увечья и стали инвалидами, за жизнь некоторых еще боролись врачи, а по всей стране грохотали петарды, под крики «ура!» взрывали фейерверки, киркоровы с басковыми отплясывали на экранах модернизированные «семь сорок» и вся остальная эстрадная публика белозубо скалилась и хохотала от счастья. И хоть бы на одном канале ТВ извинились перед магнитогорцами за свои записанные заранее праздничные новогодние программы. Никому из телевизионных начальников это в голову не пришло.

«Взрыв газа» из «приоритетной» версии естественным образом переключался в окончательную. Вообще-то говоря, утечка газа в квартирах ежедневно в сотнях случаев происходит по всей стране, как и всегда происходила. С этим сталкивался почти каждый человек, живущий в домах с газовым оборудованием. Это обычное явление в нашей жизни. Но нигде это не приводило и не приводит к обрушению подъездов. Квартира — это не подводная лодка, она не герметична, в ней есть кухонная вентиляция, форточки, щели в рамах — газ в любом случае будет выходить из квартиры и не сможет скопиться до взрывной концентрации. Им можно отравиться, он может вспыхнуть, выбив стекла, но взорвать целый подъезд газ не может. Спросите любого газовика, он это подтвердит. Обрушить подъезд способны только несколько взрывных устройств, заложенных в нужном месте. И когда нам власти из года в год объявляют о бесконечных «взрывах газа» с ужасающими последствиями в жилых домах, — они заведомо лгут. И почему-то никогда в подобных случаях не становятся достоянием гласности имена и должности ответственных, наказанных за эти «взрывы газа». По всей видимости, и в магнитогорской трагедии виновных не назовут.

Нигде больше в мире не происходит подобных обрушений в домах из-за «взрыва газа». Кстати, и в СССР ничего подобного никогда не было. Только в России и только в последние 10 лет. За один лишь 2018 год этих «взрывов» с жуткими последствиями было около двадцати. Точно так же, как все крупные пожары у нас в «либеральные» годы происходили исключительно по причине «короткого замыкания»...

В этот же день, 3 января, когда Магнитогорск находился в трауре и начались первые похороны погибших, Владимир Путин уже пребывал в Сочи и в Олимпийском дворце спорта приветствовал ветеранов российского хоккея. Всё правиль-

но, одним — траур, слёзы и горе, другим — улыбки, радостные поздравления и рукопожатия... Не мог он хотя бы неделю подождать, до Рождества, чтобы не участвовать в веселых акциях.

Мы действительно живем в каком-то запредельно безнравственном, отчужденном от естественных, человеческих понятий мире. И таким его, современный мир, сделала безнравственная власть.

18 января запрещенная в России террористическая группировка «Исламское государство» взяла на себя ответственность за взорванный подъезд дома в Магнитогорске.

* * *

«Страна негодяев» — так в начале 20-х годов прошлого века Сергей Есенин обозвал свою страну при разгуле беззакония, грабёжей, бессудных убийств, грязных доносов и глумлений над классовыми врагами.

Но давайте посмотрим на сегодняшний день. Страна наша превратилась в страну аферистов и мошенников. Не обходится ни одного дня, чтобы СМИ не сообщали об очередной мошеннической фирме, обманувшей или крупно ограбившей доверившихся ей россиян. Обращение в полицию или в суд, как правило, ничего не дает — чаще всего закон оказывается на стороне аферистов.

Но кто способствует мошенническому «бизнесу» в России? Кремлевские менеджеры, создавшие и лелеющие систему т.н. «свободного предпринимательства», оторванную от государственного контроля. Золотое время для мошенников! И частный бесконтрольный «бизнес» давно уже смекнул: зачем что-либо производить, зачем напрягаться и делать что-то реальное, когда можно просто душить людей? Зачем кому-то приносить пользу, когда можно приносить пользу только себе? Когда можно делать деньги из воздуха. Когда можно дать рекламу чего-либо, и деньги тебе люди понесут сами. Когда можно открыть туристическую фирму, продать липовые путёвки — и тут же закрыться, исчезнуть. Да мало ли что еще можно!..

И каждый вечер в новостях по центральному ТВ нам рассказывают то про фальшивый благотворительный фонд, присвоивший миллионы рублей сердобольных телезрителей, то про автосалон, впаривающий покупателям угнанные автомобили, то про ломбарды, исчезающие в небытие с дорогими изделиями, то про медцентры, в которых работают «специалисты», не имеющие даже среднего образования... И т.д., и т.д. Не говоря уже про аптечный фальсификат и алкоголь-

ный контрафакт, продуктовую отраву, черных риэлторов, обманутых дольщиков и про обчищенных «социальными работниками» доверчивых пенсионеров.

Всё Отечество наше от Камчатки до Калининграда заполнено этими мошенническими конторами и более крупными криминальными структурами. Обманывать и грабить людей стало обычным делом. Нас приучили к этой действительности. Услышав очередное подобное сообщение из ящика, мы тут же о нём забываем, надеясь, что с нами такого не случится... Но не сомневаюсь, что каждый из нас, повторяю, каждый — в подобной ситуации уже оказывался.

А что же власть? Ничего. Мы не видим, чтобы эта торчащая из всех щелей проблема ее всерьёз волновала. Мы не видим и не слышим, чтобы вопрос этот был озвучен ею и поднят на государственный уровень. Мы не видим, не чувствуем озабоченности власти в связи с грабительской сущностью нынешней государственной системы. А это означает, что менять эту систему, при которой процветает и «бизнес», как грибы после дождя, именно мошеннический «бизнес», власть не собирается. Мол, грабят и дурят вас, дорогие россияне, на каждом шагу — ну и ладно, сами виноваты, не вписались в систему..

Думаю, сейчас Есенин назвал бы свою поэму немного иначе. Скорее всего слово «страна» он заменил бы на слово «власть».

* * *

Некоторые патриоты стали мне возражать, уверенные в том, что государство, властные органы в сравнении с 90-ми годами теперь активно борются с преступностью. И приходится их разочаровывать. По сравнению с ельцинским временем количество мошеннических фирм за последние годы увеличилось в сотни раз. Потому что безнравственно-рыночная система жизни, созданная при Ельцине, в главном не изменилась. Накрыли одну подобную фирму, но в этот же день зарегистрировались десятки или сотни таких же других. И система эта нынешней властью упорно сохраняется.

Для большей убедительности достаточно привести аналогию с другим явлением. Так, силовики вроде бы воюют с ячеекками Игила на нашей территории. Накроют одну ячейку, но в тот же день в страну беспрепятственно придут десятки других. А всё потому, что путинский режим ради ложно понимаемой толерантности и некой политической целесообразности не желает перекрывать свободный поток азиатских мигрантов в нашу страну. И тем самым способствует увели-

чению преступности в России, в том числе и экономической. Большинство мошеннических фирм и чисто бандитских группировок как раз и создается прибывшими мигрантами. Поймают и посадят одну группировку, но в тот же день к нам придут сотни других.

А некоторым близоруким патриотам всё кажется, что власть что-то делает для наведения порядка в стране... Конечно, это очень удобно и, главное, безопасно — засунуть голову в песок и считать, что ничего страшного нет, что с преступностью власти борются... Но народ всё видит и всё понимает. Полиция уже не желает реагировать на заявления людей о повсеместном мошенничестве, потому что давно убедилась, что суды, как правило, возвращают эти дела назад за отсутствием доказательств нарушения закона. И мошенники это прекрасно знают.

* * *

Прочитал статью Валентины Беляевой на сайте «Российского писателя» под названием «Мальчик или девочка?» о спектакле в МХТ им. Чехова «Серёжа» по роману Л.Н. Толстого «Анна Каренина» — спектакле, крайне возмущившем автора статьи «актом погружения человеческого сознания в пошлый, отвратительный до ужаса мир эстетически и морально ущербных понятий и представлений».

Однако дело тут совсем не в МХТ, опустившемся морально и профессионально ниже некуда. И дело не в каких-то отдельных театрах вплоть до Большого. Подобных инсценировок классики и не только классики за последние десять-двадцать лет было у нас видимо-невидимо. И писали о них с возмущением множество раз. Но тенденция пошлости, грязи и всяческих извращений на сцене только нарастает. И вовсе не обязательно идти в МХТ им. Чехова, чтобы возмутиться конкретным «адом» на основе Толстого, Чехова или даже Пушкина. (С «Евгением Онегиным» они уже делают то же самое.) Не случайно ведь он теперь МХТ, а не МХАТ, как был прежде. Его руководство и само понимает, что определение «академический» для этого театра как для коровы седло.

Весь ужас состоит в том, что т.н. «театральная культура» в целом давно уже находится в руках тех, кто ее целенаправленно и сознательно доводит до своего внутреннего разложенческого состояния. Театр как таковой всё более и более, всё настойчивее и явственнее превращается в мерзость запустения. Современный театр действительно становится воплощением и отражением ада на земле. В нём уже открыто действуют законы ада и «люди» в образе бесов. И даже ис-

ключения в виде Т.Дорониной и Ю.Соломина уже не могут ничего изменить и спасти погибший театр.

Нет больше русского театра. И артисты уже давно не выкупают ничего национально русского. Они готовы играть всё что угодно — всё зависит лишь от цены вопроса. И никакие исключения в этой мерзости запустения погоды уже не делают.

Театр изначально являлся пародией на жизнь, почему на артистов долгое время во всем мире смотрели с презрением. И как бы сейчас ни возносили на пьедестал артистов, сколько бы с ними ни нянчились и ни сюсюкали, как бы их ни одаривала и ни обласкивала власть, театр, пройдя через трудные, нередко трагические попытки воспроизведения жизни, пришел в конце концов к своему изначальному предназначению — искусственной пародии на жизнь. И вовсе не случайно в переводе на польский язык (а значит, на древний славянский) театр имеет название: «*позор*».

* * *

Владимир Бушин у нас считается чуть ли не главным низвергателем с литературного пьедестала А.И. Солженицына. Однако было время, когда и он в силу своих возможностей пытался поднять его на этот пьедестал.

В книге «Александр Солженицын. Гений первого плевка» В.Бушин говорит о том, что в 60-е годы писатели не догадывались о тайных мыслях этого «гения». Да, наверное, не догадывались. Но как же сам Бушин не разглядел в прозе этого «гения» антисоветчины? Бушин переписывался с Солженицыным и не раз высказывался о нём в печати в то время. Так, в статье «Герой — жизнь — правда» («Подъём», 1963 г.) В.Бушин писал: «*Великолепный мастер... новый большой писатель...*» — вторили... газеты и журналы. Были даже не раз упомянуты имена Толстого и Достоевского. «*Неужели всё это так?*» — недоверчиво думал я, раскрывая журнал, взятый на ночь из библиотеки. ...Я закрыл его утром... со словами: *да, это так*» (выделено мной. — В.Х.).

И вот что он писал в той же статье по поводу рассказа «Случай на станции Кочетовка»: «*Новое по сравнению с повестью «Один день...» заключается здесь в том, что писатель не только рисует, как атмосфера культа личности уродует нравственно здоровую натуру, но и показывает, как такая натура в этой атмосфере невольно может стать орудием зла и произвола. Это шаг вперед в художественном разоблачении культа личности. Именно поэтому выбор героя и на этот раз представляется нам чрезвычайно убедительным и удачным...*»

Оказывается, и сам Владимир Сергеевич не гнушался в свое время «разоблачением культа личности»... Теперь он об этом в своих книгах благообразно не вспоминает...

Кстати, на это обратила внимание Светлана Замлелова в одной из своих критических статей.

* * *

Думаю, уже недалеко то время, когда мы будем платить за воздух, за дождь, за снег, за траву, за море, за рыбу в реке и т.д. Не сомневаюсь, что кое-кто в нынешнем правительстве об этом уже подумывает... Больно много дармовщины в природе — неправильно это... Нерачительно. «За экологию надо платить», — скажут нам в недалеком будущем. Капитализм движется к этому семимильными шагами. И многие будут удивляться: надо же, а ведь было варварское время, когда природа находилась в свободном доступе...

* * *

Если теракты сокрыты властями, то они будут стопроцентно повторяться.

Ровно через полмесяца после трагедии в Магнитогорске раним утром 14 января в г. Шахты Ростовской области были взорваны четыре квартиры на восьмом и девятом этажах панельной девятиэтажки. Квартиры уничтожены полностью, как от взрыва авиационной бомбы. Повреждены еще 16 квартир этого дома. Погибли пять человек. В стоящей напротив пятиэтажке вылетели окна. И это зимой.

Все центральные медиа-СМИ мгновенно начали свою отработанную мозговую долбежку: «Взрыв газа, взрыв газа, взрыв газа...» Еще и следователи не приступили к работе, еще не была выявлена квартира, в которой произошел взрыв, а населению с подачи местных и центральных властей приуроченные СМИ уже вдалбливали свою единственно верную причину происшествия.

Ну как тут не смекнуть хоть игиловским, хоть укропским диверсантам, что любой их теракт в жилом доме российскими властями будет стопроцентно квалифицирован как «взрыв газа»?.. Нужно только не ошибиться и выбрать дом с газовыми плитами. А любой пожар хоть на заводе, хоть в торговом центре, хоть в детском интернате естественным и несомненным образом будет объяснен коротким замыканием или элементарным, вездесущим, сто раз отработанным непотушенным окурком... А чем же еще? Это и козе понятно. И не надо ничего придумывать иное, не надо вбрасывать «фейковые сообщения», как очень убедительно доказывает нам по рос-

сийскому каналу ТВ наш самый говорливый «патриот», редактор матерщины, Дмитрий Киселев.

Предательство Кремлем Новороссии, Донбасса и канонической Православной Церкви на Украине находится в одной цепи с депортацией из России скрывавшейся здесь от бандеровской хунты украинской журналистки Елены Бойко. Она пыталась получить здесь политическое убежище, но российские ублюдочные чиновники ей отказали, а судебные чиновники и прислужливые приставы насильно выкинули ее из страны. Не помогли ни ходатайства депутата Госдумы Сергея Шаргунова, ни юристы, боровшиеся за ее легализацию в нашей стране. Заказ каких-то высокопоставленных моральных уродов, явных и скрытых врагов всего русского, оказался сильнее. Подлость и русофобия, как это у нас очень часто происходит, вновь победили. Путинский голословный лозунг «Россия своих не сдает» вновь оказался пустым звуком. Всем СМИ, похоже, приказали об этом молчать. И они молчали. Даже соловьевские говоруны в день депортации Елены Бойко в ночном эфире не заикнулись об этом ни разу. В тот же день Елена Бойко была арестована харьковскими службистами.

Даже с трудом находишь нужные слова, чтобы цензурно охарактеризовать тех, кто принял это мерзкое решение. Решение о депортации в фашистскую Украину русского человека, открыто выступающего с разоблачением бандеро-нацистской хунты!.. На фоне потока азиатских мигрантов, ежедневно тысячами прущих в Россию и прежде всего в Москву!.. И практически сразу после принятия Думой и утверждения президентом закона об облегченной процедуре принятия российского гражданства лицами, прибывающими из Украины...

Но особенно отвратительна эта депортация выглядит на фоне наглого поведения украинских нацистов на российском ТВ. Этих русофобов и всю эту бандеровскую мразь никто из России депортировать не собирается. Более того, их тут привечают, платят им большие гонорары и после каждого эфира пожимают их потные руки и приговаривают: «Спасибо большое!»

Идет реальная третья мировая война. Многие живут беспечно, не обращая на нее внимания — думают, если их лично она не касается, то и переживать нечего. Но война уже нача-

лась. Кто-то ее называет гибридной, информационной, экономической, санкционной, террористической и т.д., но на самом деле — это настоящая беспощадная война на уничтожение русского государства, русской религии, русского мира и русского народа как такового. В предыдущих горячих войнах это сделать не удалось, теперь они, наши извечные враги с Запада, подготовились основательно и пытаются довести свои планы до конца более хитрым путем. Используя, в первую очередь, любое, самое, вроде бы, незначительное предательство с нашей стороны. Предательство властной верхушкой русского Донбасса, предательство ею же канонической Православной Церкви Украины... Да-да, она нуждалась в защите, в реальной, физической, а не пустословной болтовне в соловьевских программах по ящику. Но реальной защиты не оказалось. И теперь, после уничтожения Украинской Православной Церкви Московского патриархата, — следующим шагом со стороны Вашингтона и его стамбульского вассала Варфоломея будет уничтожение самой Русской Православной Церкви. Она в скором времени будет объявлена вне закона. Большие войны со стороны Запада никогда не обходились без уничтожения Церкви и веры противника. Не откажется он от данной цели и в этот раз. И в очень скором времени нам придется в этом убедиться.

* * *

В Третьяковской галерее 27 января произошла очередная очень странная кража. На глазах у посетителей была снята и вынесена картина Архипа Куинджи «Ай-Петри. Крым». Как затем выяснилось, сделал это какой-то бывший наркоман, живущий в Подмосковье. После его задержания картина была найдена. Но на странности этого похищения обратили внимание многие в интернете.

Всё было проделано по сценарию известного фильма. Какой-то странный субъект, абсолютно не похожий на сотрудника музея, на глазах у всех, в том числе и у смотрительниц, находящихся в зале, спокойно подошел, снял картину и молча, так же спокойно с ней ушел. Ясно, как божий день, что самостоятельно некий бывший наркоман пойти на это не мог. Его наглость и спокойствие говорили о том, что он з н а л — его никто не остановит. Но самое интересное — как его выпустили с картиной из здания? На выходе стоят полицейские из Росгвардии, и аппаратура там всё просвечивает. Тут явно одно из двух: или он прошел через указанный ему заранее черный выход, или росгвардейцы тоже были завязаны на это похищение. А странности продолжились: как только про-

пажа работниками Третьяковки была наконец обнаружена и прибыла по вызову полиция, тут же начался шум в связи с исчезновением в раздевалке шубы какой-то посетительницы музея. И прибывшая полиция занялась расследованием пропажи шубы...

Когда информация о ЧП с известной и очень дорогой картиной появилась в СМИ, директор Третьяковки Зельфира Трегулова была вынуждена собрать пресс-конференцию для журналистов. Часть пресс-конференции показали по ТВ, но даже из этой части было видно, что в свое оправдание она несла какой-то бессвязный бред, закончив свое выступление словами: «Мы все в этом виноваты»...

В том, что мы все в этом виноваты, сомнений нет. Но прежде всего виноват тот, кто ее неожиданно для всех в 2015 году назначил своим указом на эту должность, т.е. министр культуры В.Мединский, который еще более неожиданно для сотрудников Третьяковки уволил с этой должности Ирину Лебедеву.

И теперь, как и во многих других сферах, русским искусством в русской Третьяковке вместо Ирины Лебедевой распоряжается Зельфира Исмаиловна Трегулова, большая патриотка русского искусства... Как выяснилось после ее пресс-конференции, в этот день на выставке картин Куинджи сигнализация была почему-то отключена... Почему бы это? И кто ее отключил?..

Бедная смотрительница была срочно уволена. А бывший наркоман, спокойно вынесший из музея картину, стоящую несколько миллионов долларов, сразу заявил следователям: «Я своей вины не признаю»...

P.S. В 2015 году люди, близкие к искусству, недоумевали: по какой причине г-н Мединский сменил руководство Третьяковской галереи? Оказалось всё до банальности просто: до своего нового назначения Зельфира Исмаиловна возглавляла один из главных музейных комплексов страны, занимала пост гендиректора музейно-выставочного центра РОСИЗО. И в 2014 году она назначила своим заместителем дочь министра культуры РФ Владимира Ростиславовича Мединского. Да-да, того самого министра культуры, который через год без объяснения внятных причин сделал известную рокировку в руководстве Третьяковки. Но г-жа Трегулова не напрасно имеет имидж жесткой азиатской женщины. Для большей надежности карьеры своим заместителем в новой должности она сделала дочь вице-премьера РФ Ольги Голодец — Татьяну Мрдуляш. Так что в этом окружении, можно не сомневаться, Зельфире Исмаиловне отставка не угрожа-

ет. Точно так же, как не угрожает она директору Эрмитажа Михаилу Борисовичу Пиотровскому, при котором за последнюю четверть века произошли дичайшие кражи из Эрмитажа — и картин, и огромных денег, выделенных на реставрацию музея. Виновными у нас, как правило, оказываются кто угодно, кроме главного руководства.

* * *

Трамп ровно через пять минут признал самопровозглашённого «президента» Венесуэлы. Вслед за Трампом это сразу же сделали его главные партнеры по НАТО: Англия, Франция и Германия. Путин же в течение пяти лет оказался не способен признать самопровозглашенные республики Донбасса.

* * *

Сенатор от Карачаево-Черкесии Рауф Арашуков был арестован прямо во время заседания Совета Федерации. Ему предъявлено обвинение в убийстве двух человек, а также в организации убийства еще двоих. Рауф Арашуков, как выяснилось, окончил всего шесть классов средней школы, но имеет при этом диплом о высшем университетском образовании. Совет Федерации — это государственный орган, принимающий законы. И как там мог оказаться этот полуграмотный вертухай, который на первом же допросе у следователя заявил, что не знает русского языка... И сколько там, в Совете Федерации, да и в Думе, еще подобных вертухаев, принимающих законы?

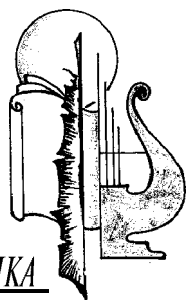
Семья Рауфа Арашукова, по сообщению СК РФ, украла из бюджета Карачаево-Черкесии 10 млрд. рублей. Его отец, советник гендиректора компании «Газпром межрегионгаз» Рауль Арашуков обвиняется в хищении 30 млрд. газпромовских денег. Спрашивается, зачем мы вообще платим за газ, если газпромовские вертухайи могут совершенно спокойно присвоить себе 30 млрд. газпромовских рублей? И ведь это только вершина айсберга, которую едва встряхнули. А сколько миллионов рублей газпромовские чиновники помельче в национальных республиках, да и в центральных московских офисах рассовывают по карманам из несметных доходов, идущих на счета «Газпрома» со всей страны и со всего мира? И будут ли подобные риторические вопросы когда-нибудь заданы главе этой всесильной корпорации — Алексею Борисовичу Миллеру, корпорации, инвестирующей антигосударственное «Эхо Москвы»?

ПУШКИН И НЫНЕ — НАШЕ ВСЁ

К 220-летию со дня рождения А.С. Пушкина

Чем более зрелым становится российское общество, тем очевиднее исключительное место Пушкина в русской жизни — не только как нашего величайшего поэта, но и как глубокого мыслителя, одного из коренных устоев нашего миропонимания.

Пушкина не принято причислять к когорте великих русских писателей-мыслителей. Да он и сам удивился бы, если бы его к ним причислили. Думается, он полагал, что Поэт — выше любого мыслителя. Поэт вдохновлён самим Богом (условно: Аполлоном) и мыслит образами. А мыслитель, если и ощущает «веление Божие», то пропускает его через рефлексию. Однако природа пушкинского поэтического дара такова, что он мог в нескольких стихотворных строках подвести в прекрасной художественной форме итог многовековым исканиям мыслителей в понимании природы человека, в чём мы сможем ниже убедиться. Некоторые стихотворения Пушкина настолько прекрасны по форме и содержат такие глубокие мысли, что навечно западают в душу внимательного читателя и становятся как бы

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

расширенными пословицами. Но и прозаические сочинения Пушкина, содержащие оригинальные его мысли, также несут поэтическую окраску. Тот, кто неспешно и вдумчиво читает, например, повесть «Капитанская дочка», улавливает её ритм и неожиданно для себя воспринимает её как поэму в прозе о русской жизни. Гоголь так же назвал «Мёртвые души» поэмой — без всяких на то оснований. Да, проза Гоголя была сочной, яркой, красочной, и в чисто литературном отношении с точки зрения писателя-профессионала это был большой шаг вперед. Она была полна юмора, вполне отражавшего взгляд хохла на российскую жизнь. Но ничего с точки зрения более глубокого постижения этой жизни в ней не содержалось. Юмор лишь освежал мрачные картины, но ничего поэтического в этом так и не появилось. Гоголь — уникальное явление в истории мировой литературы, у него не было предшественников и не возникло последователей. Вот почему я назвал бы творчество Гоголя явлением единичным и тупиковым. Повесть же Пушкина воспринимается как гимн русскому человеку, достойному этого названия, и русской жизни в целом. Такую картину мог создать только выдающийся мыслитель.

Степень постижения наиболее глубоких произведений Пушкина читательской средой и учёными-пушкиноведами и при жизни поэта, и после его гибели была разной и менялась в зависимости не столько от успехов и неудач на его творческом пути, сколько от социально-политической ситуации и духовно-нравственной атмосферы в стране. Жизнь и судьбу Пушкина вообще можно назвать трагической не только из-за его трагического конца. После успеха «Руслана и Людмилы» и публика, и критика стали осторожно ставить его на третье место по рангу в среде современных ему русских поэтов, после Крылова и Жуковского. Но в дальнейшем, по мере всё более глубокого проникновения Пушкина в русскую жизнь и природу человека, популярность его падала, и в конце 1830-х годов он практически остался без читателей, и наиболее зрелые его произведения современники почти не заметили, а если кто и заметил их, то как повод для хулы, ругани и недоброжелательной и не понимающей его критики.

В том, что Пушкина быстро на какое-то время забыли, отчасти виноват знаменитый литературный критик Виссарион Белинский, который назвал роман «Евгений Онегин» «энциклопедией русской жизни». Белинский, исключённый из университета «по слабости здоровья и ограниченности способностей», прошёл сложный путь исканий правды жизни,

испытал много разных влияний, прежде чем нашёл себя в критике. Обладая тонкой чувствительностью и страстностью, он в то же время принадлежал к тому типу русских людей, у которых всё получается с «перехлёстом». Он пытался вникнуть в философию Гегеля и признавал действительность разумной, затем ударился в отрицание всего и вся. Недолгое время он выступал с позиций государственника и патриота, после чего стал главным критиком российской действительности. Таких переходов от одной крайности к другой у него было несколько, но никогда они не вызывались какими-либо меркантильными соображениями, поисками личной выгоды. Нет, Белинский всегда действовал в соответствии со своими убеждениями, выступал он горячо, страстно и, надо думать, искренно.

Вот и с романом «Евгений Онегин» получилась странная история. Дав ему высокую оценку, Белинский, не поняв образа Татьяны Лариной. А образ этот был необычайно дорог поэту — по крайней мере по двум причинам.

Первая причина связана с некоторой тайной, которую Пушкин свято хранил. Это была память о единственной женщине, которую Пушкин любил всю жизнь, начиная с лицейских годов и до самой смерти, хотя она умерла намного (лет на десять) раньше его.

Пушкин вступал в интимные отношения со многими женщинами, что отчасти объяснялось его темпераментом, но любил всеми силами своей души только одну. И именно с этой единственно любимой был в его душе «образован Татьяны милый идеал». О ней можно прочесть в книгах Викторовой и Васильевой.

Позволю себе небольшое отступление. С Киной Павловой Викторовой незадолго до её кончины я не раз обсуждал главы её книги (ещё до издания). Она не только знала наизусть все стихотворения и окружение Пушкина, но и изучила рукописи Пушкина с его рисунками. Именно прочтение текста совместно с рисунками, которые часто подсказывали, как надо этот текст понимать, позволило ей разгадать множество загадок, зашифрованных мест в творениях нашего гения. Кира Павловна даже жила, по её словам, в квартире, где когда-то собирался легендарный кружок литераторов «Зелёная лампа», членом которого Пушкина избрали заочно, так как он был ещё лицеистом. Викторова жила Пушкиным, но не была его фанатом, она знала все его слабости и говорила о них, не скрывая, не оправдывая и не одобряя их. Просто он был для неё хорошим знакомым, обладателем редчайшего таланта, какой посылается народу, может быть,

единственный раз в его истории и которым его обладатель распорядился не вполне расчётливо. С таким другом можно и заочно посоветоваться в трудной ситуации, ибо в его творениях найдутся и наставления, и утешения едва ли не на все случаи жизни.

Вторая причина, по которой образ Татьяны был дорог Пушкину, проста: он, видимо, очень скоро разочаровался в своей жене, и собственное выражение «чистейшей прелести чистейший образец» стал понимать в несколько ином смысле. (В старину слово «прелесть» означало прельщение, некий соблазн, отклонение от правил нравственности, и о человеке, «впавшем в прелесть», говорили с сожалением или осуждением.) Ему хотелось иметь верную жену-подругу, вроде Василисы Егоровны, которая разделяла со своим Иваном Кузмичём все заботы по управлению Белогорской в повести «Капитанская дочка». Был ли он сам готов к подобному браку, такого вопроса Пушкин, наверное, себе не задавал. И ему приходилось мириться с ролью супруга женщины — украшения света, пользующейся благосклонностью императора Николая Павловича, порой кричавшей мужу: «Как ты мне надоел со своими стихами!»

Наталья Николаевна была введена Пушкиным в свет (этого требовал этикет, так как поэту было присвоено обидное для него низшее придворное звание камер-юнкера, но это была служба). Попасть в этот «высший свет» ей, бесприданнице, даже в мечтах без такого замужества было невозможно. И она испытывала некое «головокружение от успехов». Она полагала, что попала в рай, в страну вечного праздника, и от такой жизни вряд ли отказалась бы, если, например, муж «замыслит побег» в деревню. Но жизнь в свете требовала больших расходов, в основном на туалеты жены, что заставляло небогатого Пушкина влезать в неоплатные долги.

Вокруг жены завязывались интриги, что порождало неприятные Пушкину слухи, а ко всему, что касалось его чести, поэт был очень чувствителен. Но что он мог поделать, если в числе поклонников его жены был сам император? (Николай Павлович до самой смерти носил на шее медальон с портретом Натальи Николаевны, и этот специально заказанный царём художнику портрет положили ему в гроб. См. статью Владимира Казаровецкого «Тайны пушкинской дуэли»). Сначала Николай подозревал Пушкина в связях с декабристами в качестве участника заговора, потому что при аресте почти у каждого из них находили его вольнолюбивые стихи. Потому он и был вызван в Москву из Михайловского, но после первой личной встречи и откровенной беседы Нико-

лай снял свои подозрения и назвал поэта умнейшим человеком России.

Пушкин был сослан Александром в Михайловское без указания срока, и если бы продлилось царствование Александра, то не видать бы Пушкину ни Москвы ни, Петербурга до конца дней.

У Николая тоже не было желания освобождать какого-то Пушкина, ему неизвестного. Но после бунта декабристов Николай сделал своей главной опорой немцев, в основном из остзейских баронов, из которых любитель красивых женщин Бенкендорф был не самым худшим. Император откровенно пояснил, что русское дворянство служит России, а немцы служат династии. И он сознавал, что интересы России не совпадают с интересами династии. Все немцы по происхождению, оказавшись на российском престоле, служили династии, но, поскольку Россия досталась им в качестве их наследственной вотчины, они её защищали, при случае расширяли, прихватив кусок чужой территории. Немцы стали большой силой при дворе и в органах управления государством, что не нравилось многим русским, в том числе и Пушкину, которому царь обещал стать личным цензором, но свои указания передавал обычно через друга и родственника, уже упомянутого Бенкендорфа, далёкого от понимания поэзии. Ещё больше осложнились отношения Пушкина и Николая, когда внимание царя к жене поэта стало чрезмерным и для света очевидным. И тут Пушкину снова приходил на ум образ Татьяны, которая, продолжая любить Онегина, всё же осталась верна супружескому долгу. А Белинский осудил этот её жизненный выбор и вдруг (как это часто с ним бывало) заявил, что Пушкин «исписался», и главенство в русской литературе переходит к Гоголю, ибо, литература «с появлением Гоголя начала становиться выражением действительной жизни».

Большей и нелепей ошибки просто невозможно себе представить, так как приехавший в Петербург ради карьеры и славы вполне сложившийся малоросс из казацкого рода со своим неизменяемым мировоззрением, Гоголь до конца своих дней остался малороссом и певцом казачества. Запорожского (не путать с другими) казака Гоголь считал подлинным героем и пытался навязать такое представление русским, которым подобный герой не подходил. Русские имели несчастье в прошлом познакомиться не с выдуманными Гоголем, а с реальными казаками, творившими бесчинства на Русской земле, и даже изменили ход русской истории, как полагают многие, к худшему. В частности, они воспрепятствовали из-

бранию на пустовавший российский престол подлинного героя национально-освободительной войны против польской интервенции — князя Дмитрия Пожарского... Гоголь русской жизни не знал, не любил её и не интересовался ею (а лишь собирал сюжеты для своих юмористических заметок). Это он сам, находясь в Италии, и признал: «Описывать русскую жизнь можно только посреди неё и изучая её». Но он, живя в благословенной Италии, мучительно пытался создать в своем сознании образы русских людей на основе собственных фантазий. Это прозрение пришло к Гоголю слишком поздно, незадолго до его смерти...

И этого хохла, как назвал Гоголя Пушкин (впрочем, и Гоголь не считал это прозвище обидным для себя и сам временами говорил и писал о своих хохлацких корнях) Белинский поставил во главе русской литературы — на место русского гения! Такое можно было сделать только не понимая русского человека и русской жизни. Но это непонимание было в духе времени. Менялась Россия, менялась и её социальная структура, а с ней и читательская среда, её литературные вкусы и предпочтения. Ещё больше выросла роль разночинной интеллигенции, знавшей своё ремесло, но слабо подготовленной в общекультурном отношении и в массе своей не воспринимавшей поэзию в пушкинском понимании её как единства истины, добра, красоты и полной искренности поэта. Интеллигентные ремесленники требовали от литературы «пользы», а какая польза от стихов? Сам Белинский так не думал, но положение выразителя интересов интеллигенции требовало от него поставить на место Пушкина какую-то новую фигуру во главе русской литературы, а никто другой, кроме обретшего уже популярность малоросса Гоголя, из живших тогда русских писателей на эту роль не подходил. И Белинский должен был находить всё новые красоты в «Мёртвых душах» Гоголя как в отражении русской жизни, хоть в этой гениальной поэме и вправду действовали именно «мёртвые души», созданные фантазией Гоголя, где Россия служила лишь фоном для их кукольных приключений.

Ведь надо же знать, кем был Белинский для русской интеллигенции, особенно для разночинцев, активно включавшихся в культурную жизнь со своим, отличающимся от дворянского, понимаем роли литературы: «Учитель! Перед именем твоим позволь смиренно преклонить колени». Но и великие критики, почитавшиеся учителями интеллигенции, ошибаются. В данном случае Белинский ошибся вдвойне.

Пушкин не «исписался», просто публика не знала, что бу маги поэта были сразу после его гибели опечатаны, а также

были упрятаны в архивы его законченные произведения, появление которых в печати царь считал нежелательным. Среди них находилась, например, великая поэма «Медный всадник» с величественным гимном Петербургу. Не тому космополитическому гнезду разврата и «преклонения перед иностранщиной», каким он стал со времён немки Екатерины Великой. А тому «Городу святого апостола Петра», который был задуман Петром Великим как очаг индустриализации России. Это с екатерининских времён и возникла прослойка интеллигентных космополитически настроенных питерцев, которые были не за Россию и не против России, а гордились тем, что их город был «окном в Европу». Даже много позже, когда столицей государства вновь стала Москва, эти питерцы удовлетворились скромным названием своего города «культурной столицы России», хотя на самом деле он долго оставался центром разлагавшейся западной культуры на Русской земле.

А другие произведения поэта, вроде знаменитого «Памятника», по заданию царя искажены до неузнаваемости Жуковским (подлинная роль которого в нашей истории ещё не стала предметом критического осмысления, что по силам лишь специалисту, хорошо разбирающемуся в масонской проблематике). Да и опубликованные произведения Пушкина, такие, как «Капитанская дочка», «Повести Белкина» или «Маленькие трагедии», остались либо непрочитанными, либо непонятыми.

Пушкин и в последние годы жизни был, с одной стороны, полон творческих планов, для их осуществления и работал в архивах, собирая уникальные, неизвестные современникам материалы. Он ощущал, что против него плетётся заговор, в который вовлечены слишком могущественные силы, которым он, при всей его отваге, не в состоянии противостоять, и порой окружающим его казалось, что он ищет смерти.

Пушкин хотел быть похороненным по православному обряду, и сам заблаговременно выбрал себе место для могилы у Святогорского монастыря, рядом с могилой матери. Смерть в результате дуэли казалась ему порой самым правильным способом уйти из жизни, не подвергая свою честь поруганию, а желающие свести счёты с ним всегда найдутся, тем более, что Пушкин, будто умышленно, умножал число своих врагов. Он редко, но метко отвечал на выпады своих недоброжелателей. Так, когда один из них усомнился в дворянском происхождении Пушкина, поэт ответил ему стихотворением «Моя родословная», в котором противопоставил своё 600-летнее дворянство свежее испечённым графам и князьям:

«Не торговал мой дед блинами, Не ваксил царских сапогов, Не пел с придворными дьячками...» Всего три строчки, ни одно имя не упомянуто, а сколько великосветских репутаций затронуто! Тогда не надо было объяснять, что до встречи с Петром Великим блинами или пирогами торговал его жуликоватый и вороватый главный помощник Меншиков, ставший светлейшим князем и «полудержавным властелином»; ваксил царские сапоги пленный турок, брадобрей и камердинер императора Павла Кутайсов, возведённый за эту важную государственную службу в графское достоинство; пел в придворной капелле, а до этого в сельской церкви на Украине граф Разумовский.

Или взять такой случай: сверхбогатый вельможа, задававший для друзей роскошные пиры, подобные пирам его древнеримского богача Лукулла, заболел, и врачи признали его состояние безнадежным. Наследник, опасаясь, как бы бесхозное имущество вельможи не растащили, поспешил его опечатать, якобы приговаривая при этом: «Теперь мне честность — трын-трава! Жену обсчитывать не буду, И воровать уже забуду Казённые дрова!» А вельможа выздоровел и недоумевает: как это он в своём собственном дворце никуда, кроме комнаты, где он лежал больной, попасть не может, всё опечатано. Вышел скандал. А Пушкин назвал своё стихотворение «На выздоровление Лукулла», как бы в подражание древнеримским авторам. Ни одного имени современников опять-таки названо не было, но весь Петербург знал, кто такой Лукулл, и кто его наследник. А наследником его оказался весьма высокопоставленный чиновник, близкий к императору, граф Сергей Уваров. Именно он сформулировал идеологическую основу государственного строя России «Православие, Самодержавие, Народность». Кроме того, он был министром народного просвещения и президентом Академии наук. Вряд ли кто-нибудь из людей света стал бы ссориться с таким важным чиновником, а Пушкин высмеял его так деликатно, что тому и пожаловаться было невозможно. После этого стихотворения Уваров стал одним из злейших врагов Пушкина.

Но даже в тяжёлый, мрачный, полный тревог и ожиданий период его жизни Пушкин находил редкие минуты спокойствия, когда мог бы «упиваться гармонией», предаваясь поэтическому творчеству. И тогда из-под его пера выливались прекрасные строки, где глубокий смысл сочетался с изумительной художественной формой.

Отчасти тяжёлая атмосфера вокруг Пушкина была расплатой за то, что он, разменявший четвёртый десяток лет,

женился на только что достигшей совершеннолетия красивой девице из обедневшей дворянской семьи, зная, что она его не любит, но у неё, бесприданницы, тогда не было иного, лучшего выбора. С красавицей-женой, не любившей мужа, можно было бы жить, не опасаясь (да и то без гарантии) её измены, где-нибудь в захолустье, «вдали от шума городского», а тем более от высшего света. А Пушкин, желая избежать вмешательства тётки в его семейную жизнь, переехал в Петербург, где пребывало высшее светское общество. Свет манил Пушкина к себе, как ни презирал он впоследствии это сборище великосветской черни. Он считал (может быть, ошибочно), что, кроме света, в России нет иного культурного общества.

Продолжение следует

Изменился почтовый адрес редакции.
Адрес для писем: 109472, г. Москва,
ул. Ташкентская, д. 22, к. 1, кв. 19.
Местонахождение редакции не изменилось.

Дорогие друзья!

Журналу «Молодая гвардия» очень нужна ваша финансовая помощь. Лишённый поддержки государства, наш журнал надеется на помощь верных читателей и подписчиков. Наша общая цель — сохранить «Молодую гвардию» в качестве патриотического национального издания, необходимого каждому честному и думающему человеку. Денежные средства можно перечислить на карту Сбербанка РФ: 2202 2005 6546 0175.

Также оказание финансовой поддержки можно осуществлять по следующим реквизитам:

ООО «Журнал «Молодая гвардия»

ИНН 9721060860

КПП 772101001

БИК 044525593

ОГРН 1027700067328

Р/с: 40702810302590002402

Корр. счет: 30101810200000000593

АО «АЛЬФА-БАНК»

В платёжном поручении указать: «Помощь журналу».

Не забудьте оформить подписку на «Молодую гвардию» на вторую половину 2019 года. Наш журнал существует исключительно на средства, поступившие от подписки. Мы же со своей стороны обещаем вам на страницах «Молодой гвардии» новые интересные, острые материалы, которые не оставят вас равнодушными.

В каталоге «Почта России» подписной Индекс «МГ»: П6410 — как для индивидуальных подписчиков, так и для предприятий и организаций.